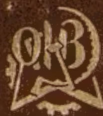
В. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

В АНТОНОВ ОВСЕЕНКО

В СЕМНАДЦАТОМ ГОДУ

В СЕМНАД ЦАТОМ ГОДУ



ГИХЛ · 1933

В. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

В СЕМНАДЦАТОМ ГОДУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1933

*Фабрика книги „Красный пролетарий“
издательства ЦК ВКП(б) Партиздата,
Москва, Краснопролетарская, 16.*

ОТ АВТОРА

Эта книга не представляет собою исторического очерка событий 1917 года. Автор пытался в образной форме передать лишь свои личные впечатления об этих событиях.

Политический эмигрант, он, в первой части книги, рисует настроения российской эмиграции и рабочих в Париже и, отчасти, в Лондоне, за первые месяцы 1917 года.

Вернувшись по „амнистии“ в Россию, он становится непосредственным участником предоктябрьской подготовки и октябрьского штурма.

С уровня зрения практического участника определенных моментов этих исторических событий он и изображает, во второй части книги, развитие и ход Октября.

Это обусловливает известную незаконченность его изложения. Картина, им рисуемая,—не полна; это—штрихи, отдельные зарисовки. Это—впечатления практического выполнителя в то время лишь отдельных поручений партии.

Это не история, это лишь материал для нее.

Автор, при этом, стремился избежать излишнего субъективизма. Он отчетливо сознавал себя, как участника описываемых событий, лишь частью своей партии, исполнителем директив ее руководящего центра.

Ведь это именно ЦК партии направлял движение и восстание рабочих и солдатских масс Питера.

Военно-революционный комитет работал под непосредственным руководством ЦК партии.

Основное ядро работников ВРК состояло из членов партии, направленных в ВРК Центральным комитетом. В то же время ЦК выделил из своего состава и особый военно-революционный центр для руководства восстанием в составе: тт. Сталина, Дзержинского, Бубнова, Свердлова и Урицкого.

Только люди болезненно развитого барственного индивидуализма, органически чуждые пролетарской партии, как Троцкий, могут претендовать на особую провиденциальную роль в Октябре. В ВРК мы чувствовали Троцкого не как организующее, но преимущественно как тормозящее, сдерживающее начало, чуждое ленинскому руководству, нужному уловлению темпов, предвосхищению вражеских ударов.

Подлинным организатором Октября был ЦК партии, руководимый В. И. Лениным.

Но автор, по своему положению, не мог выявить в нужной и достаточной мере работу руководящих парторганов.

Он лишь вскользь мог коснуться громадной роли, принадлежащей центральному органу партии, руководимому т. Сталиным, задававшему тон всей агитационно-организационной кампании партии во всей стране. Он смог лишь отметить исключительное значение ленинско-сталинской директивной установки на VI съезде партии. Стратегия Октября была в основном дана этой установкой.

Эта стратегия и обеспечила победу нашей партии в Октябре.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗА ГРАНИЦЕЙ

«ЭТОТ ГОД БУДЕТ ГОДОМ ПРАВОСУДИЯ»

Этот год будет годом правосудия...
Вы выйдете из этой войны,
Чтоб никогда более не сражаться,
Построив на этой земле
Священный храм мира.

(Монтегюс, «Народный певец», 1 января 1917 г.).

— Слышишь?

Глухой, непрерывный и неровный гул несется через поглощенные ночью равнины от горизонта, дрожащего отблеском гигантских пожаров. Глухой, напряженный, лихорадочный гул покрывает неумолчный ропот огромного города.

...Мы—на северной окраине парижских предместий в морозную ночь января семнадцатого года.

— Слышишь?

Спутник крепко схватывает мою руку. Слушаем, вздрагивая от мороза и от яростной жалости, слушаем отдаленный, неотвратимо грозный голос войны.

Этот кошмар месяцами живет над нами... Страшный удав лежит поперек земли Франции... Чудовищная змея из пламени и грома. В железных ее объятиях задыхаются сотни тысяч, миллионы молодых жизней... И новые, новые тысячи текут из дрожащего страданием тыла в ненасытный огонь. Сохнет

кровь в жилах Франции, сохнет кровь в жилах Германии. На страшном, адском огне бесконечной войны сохнет кровь...

„Ты помнишь одинокий, оборванный голос мужественного предостережения?.. Помнишь мощного трибуна „человечности“, последнего утописта демократии, помнишь Жана Жореса?.. Этот шквал патриотизма, выросший из глубин мелкобуржуазной Франции, захлестнувший пролетарское сознание масс и интеллигентский скептицизм одиночек. Этот шквал, мимоходом смявший великого „апостола мира“. Помнишь? „Мы клянемся, Жорес, над твоей могилой—эта война будет последней войной. Мы доведем ее до конца, священную войну с милитаризмом“.

Секретарь Генеральной конфедерации труда рыдающим голосом произносит клятву над гробом первой жертвы разнузданной войны, и рыдания тысяч пролетариев вторят ему.

...А бесчисленные поезда уже мчат на север и северо-восток тысячи и тысячи мобилизованных... „На Берлин!“—скандируют перроны. „На Берлин!“—вопят поезда. „На Берлин!“—белеют надписи на вагонах, полных возбужденных парней в неуклюжей одежде солдат.

Да. Чтобы так мобилизовать детей народа, надо было мобилизовать самые великодушные их идеи. Капиталистический мир должен быть „по гроб жизни“ благодарен социалистам, возбудившим великие иллюзии трудящихся масс—в защиту капиталистических прибылей. „Последняя война!“ „Война демократии против варварства!“

И сейчас, на тридцатом месяце этой гнусной бойни, когда обнажились, кажется, все ее пружины и все ее последствия стали ясны,—и сейчас еще звучит над ее позором, над гнилью ее надежд: „Этот год будет годом правосудия! Вы выйдете из этой войны, чтобы никогда более не сражаться“...

...На подмостках прославленного „Мулен-руж“, пред толпой разжиревших подрядчиков и откормленно-опоенных девок—недавний певец революционных собраний, заигрывавший с

анархизмом (помнишь?—в бархатных штанах и куртке, перетянутой красным кушаком „террасье“ [1]),—теперь в полувоенном хаки, почти „пуалю“ [2], нервно-подвижный Монтегюс... Размахивая трехцветным знаменем Франции, под новый 1917 год, он горячо убеждает: „Этот год—последний год. Напряги свои силы, Франция! Ты рождаешь победу, победу справедливости“.

Тыловики снисходительно шлепают в ладоши... „Дурень!—шепчет один другому:—Что мы будем делать, если война кончится уже в этом году?“

А война должна кончиться „уже в этом году“,—заверяет социал-патриот Эрве в новогодней статье своей газетки, многозначительно переименованной им из „Социальная война“ в „Победу“.

> Мы имеем все шансы на победу: за шесть последних месяцев—до 100 000 пленных на западе, до 400 000—в Галиции при „брусиловском наступлении“, 40 000—на итальянском фронте; немцы надорвались под Верденом, в Германии—моральный упадок; немцы уже хотят „парламентировать“. Вот Англия, наконец, выступает со всеми своими силами, Франция успешно преодолевает „кризис снабжения“. Победа обеспечена... И знайте!—Франция преобразится от победы: ее индустрия удесятерит свою мощь за время войны; ее банки не побегут за границу, а будут обильно питать национальную промышленность; восстановив вкус к риску, мы осмелимся, наконец, делать детей, остановить „поток депепляции“; исчезнет эта подлая борьба классов, установится республиканское общество, где будет больше благосостояния для всех, больше образования, больше моральности и больше социальной справедливости“.

Анри Лихтенберже вторит своему шеф-редактору: „Я очень огорчен за завтрашних капиталистов“, так как они будут жестоко обременены, оплачивая издержки восстановления... О, этот „блеющий“ пацифизм! Его блеяние смешивается с угрюмым стоном несгораемых шкафов...

---

[1] Землекоп.
[2] «Бородач».

ОСНОВА ПАТРИОТИЗМА

Вот он — патриотизм капиталистов!
(Депутат Жобер в Палате.)

...Большой день в Палате. Приземистое здание, широким подъездом открытое к медленной, застывшей под морозом Сене, спешно проглатывает группы солидных господ с портфелями. Сегодня Палата—в „комплекте"...

Широкий зал, заполненный людьми за партами; трибуны с журналистами и публикой... За кафедрой сухонький, с подвижными рыжими бачками, докладчик следственной комиссии Палаты, Бокановский. Напряженным фальцетом читает он, скандируя, свой доклад. Собрание слушает рассеянно.

О, эти прожженные дельцы! Они насквозь знают то, что может сказать докладчик и „разъяснить" министр... В их быстрых на интригу умах назревают всяческие деловые комбинации... Но они должны изображать внимание, должны выказывать возмущение, им необходимо попасть в стенограмму заседания Палаты, попасть на столбцы распространенных газет. Избиратели должны ведь знать, что их депутат—на страже их интересов...

И они, даже и те—и более всех, может быть, те, кто за кулисами связан с самыми мошенническими и „изменническими" делишками Третьей республики,—они все „полны священного негодования", слушая обвинительный акт капиталистической жадности, развиваемый с трибуны.

...В марте 1915 года—первые сведения о скупке карбида-кальция и электрохимических продуктов, необходимых для военного производства... Скупкой занимался один картель, весьма патриотически распространявший свои продукты под трехцветной маркой. В его правлении большинство составляют иностранцы. Картель в узкой зависимости от немецких обществ, работавших для военных нужд Германии...

6 июля 1915 года, по требованию ряда депутатов, открыто судебное следствие.

В самом начале выяснилось, что французские промышленники договорились в 1912 году с германским заводчиком Круппом о снабжении эссенских заводов ферросплавом, необходимым для выработки орудий. При этом для Круппа были установлены исключительно благоприятные цены, низшие, чем для французского правительства. Кроме того, эти французские капиталисты знали, что Крупп, делая заказы в 1912 году, предвидел войну Германии с Францией раньше истечения двух лет и поэтому стремился обеспечить себя запасами. Наконец, за 40 дней до объявления войны, эти господа согласились доставить по пониженным ценам германскому воздухоплаванию несколько сот тонн специальных металлов, и получившему эти металлы германскому посреднику было категорически запрещено передавать их русскому правительству.

Было установлено также, что обвиняемые продолжали и во время войны торговые сношения с врагами, но, напротив, не допускали редких металлов в Англию. Картель продолжал кредитовать нейтральные общества, работавшие на немцев. Передал неприятелю большое количество синалида, который входит в состав могущественного взрывчатого вещества.

Несмотря на полную выясненность дела, следствие затягивается. Лишь через 16 месяцев прокурор, под давлением министра юстиции, предъявляет обвинение в государственной измене.

Движение в зале. Ряд депутатов проявляет показное возмущение.

Жан Лонге (благообразный социалист-пацифист). Когда дело идет о рабочих, действуют куда быстрее!

Бокановский. Говорят, если б обвиняемые не были такими особами (аплодисменты на крайней левой), промышленниками, располагающими высокими связями, умеющими заручиться высокоталантливыми адвокатами и могущественными влияниями... (новые аплодисменты).

На крайней левой. И купить молчание печати!

Бокановский. Если б не вмешались рекомендации, разного сорта давления...

„Господа! Дела о спекуляциях на почве войны слишком многочисленны, слишком много тех, кто барышничает на общественном бедствии; необходимо быстрое и строгое правосудие, чтобы оно не представлялось с двойным лицом, как Янус—жестоким к смиренным, благосклонным сильным мира сего“.

Под шумные рукоплескания депутатов, негодующие выкрики с балконов оратор сходит с трибуны.

Его сменяет, спокойных движений, плотный Поль Монье. Методично оглашает он красноречивые документы.

21 ноября 1916 г. прокурор представил министру юстиции доклад об отсутствии состава преступления.

Вивиани отклонил этот доклад. В своем заключении министр отметил ряд кричащих фактов. В 1908 году некий Г. Галль создал вместе со скандинавскими и германскими промышленниками консорциум по изготовлению карбида, монопольно овладевший рынком. За первый месяц войны этот картель поднял цены на свой продукт для французского правительства на 45%...

Из писем обвиняемых видно, что они знали о расчетах Круппа на европейскую войну в 1914 году. В разгар войны доставили немцам 300 тонн синалида.

— Позор!—несутся крики с балконов:—Расстрелять изменников!

Председатель звонит к порядку.

При возросшем внимании Вивиани, министр юстиции, заявляет:

— Дело будет в юридическом отношении доведено до конца. Но... огромные трудности... Пришлось произвести 43 обыска, просмотреть до 100 тысяч различных документов, выбрать из них до 4000, сгруппировав их в досье... Судебная власть не теряла своего времени... Но необходимо предоставить обвиняемым все гарантии.

Слева. Если бы все гарантии предоставлялись всем! Но на фронте поступают быстрее с нашими пуалю.

Пьер Ренодель (большой социал-прохвост). Это весь интернациональный капитализм, который сам на себя доносит! (Аплодисменты на крайней левой и на разных скамьях.)

На крайней левой. А Уэнза! А рудники Нормандии! А дела о румынском керосине!

Но Вивиани продолжает:

— Однако нужно, чтоб обнаружена была вся моральная сторона. Возбудил дело депутат Лаков-ля-Плянь. И вот в разгар следствия он же посылает одному из главных обвиняемых письмо, захваченное юстицией; в этом письме он восхваляет патриотизм обвиняемого, отгораживается от „действий“, недопустимых между „добросовестными противниками“, и упрашивает обвиняемого разрешить промышленное использование некоторых производственных приемов преследуемого судом картеля... Вот кто возбудил процесс!

...Характерный денек! Типичное дело!

Прямой акт измены всплывает потому лишь, что конкуренция хочет погубить соперника... А иначе? Иначе и это дело было бы так же похоронено, как сотни других еще более скандальных дел... Да, „война до конца“...

„Жюскобутисты“—сплошь фабрикуются среди этих мародеров тыла, среди этих подлых гиен...

Но вот другой „большой“ день Палаты. 22 февраля после семимесячного перерыва возобновлено обсуждение законо-

проекта социалистов об организации военного производства путем реквизиции частных предприятий.

Один за другим оглашаются вопиющие факты.

Один депутат—радикал—вспоминает, что еще в июле 1916 года в сенате при обсуждении вопроса о подрядах на снаряды выяснилось, что поставщики снарядов за первый год войны заработали „сверх барышей“ больше 84 миллионов франков, при 302 миллионах, уплаченных им казной; а если счесть переплаты казны на металле и т. д., то в общем уже за первый год войны переплочено поставщикам до 600 миллионов франков!

Ну и что же? Спекулянты наказаны? Казна возместила свой ущерб? И больше нет скандальных барышей?

К чему наивные вопросы! Конечно, все осталось попрежнему.

Под лицемерные возгласы негодования один оратор перечисляет: заводы Гочкиса,—стофранковая номинальная акция перед войной котировалась в 155 франков, в октябре 1916 г. уже 1005 фр. Паи учредителей со 165 фр. поднялись до 1800 фр. Общество „Би-Металл“—такие же акции с 255 фр. вскочили до 1000 фр.; учредительные паи, не имевшие ценности, стоят по 1000 франков. Общество моторов „Gnom“—капитал целиком амортизован и акции все же стоят по 3100 фр. „Общество жидкого воздуха“—капитал 11 млн. фр.—в первый год войны свыше 4 000 000 фр. прибыли. „О-во красящих веществ“—капитал 7 млн. франков—за первый год войны 2 614 000 франков прибыли, и т. д., и т. п.

И один за другим (справа и слева) льют господа депутаты крокодиловы слезы:

— ...Тыл часто забывал, что мы находимся в войне. Мы видим слишком много тягостных фактов и слишком много веселья. Я только что услышал одно слово, которое является как бы символом. Нажить денег! Да, с тех пор как деньги водворились в наши нравы и стали надеждою и целью, они испортили механизм национальной силы.

— ...Вы знаете положение рабочих на заводах, их продолжительный и тяжелый труд. Они лишаются всякой независимости; им беспрестанно угрожают отправкой на фронт...

— ...Покажите нам хоть одного капиталиста, который был бы отослан обратно на фронт!

— ...Рабочие хотят жертвовать собой для страны, но не для капиталистов!

— ...Мы не предполагаем, что классовые интересы могут исчезнуть как бы по волшебству. Они сохранятся, пока будет существовать капитализм. Но мы полагаем, что они могли бы временно противопоставляться с меньшей остротой.

И этакое предостережение:

— ...и выполните то, что лишило бы возможности сказать о вас, что вы отказали в мерах, которые могли бы восстановить несколько налоговое равенство; помешайте тому, чтобы после войны на этой почве были возмущения и такое состояние духа, о котором вам придется тогда сожалеть.

Эх! Эти благочестивые пожелания, блатонамеренные предупреждения, они служат свою службу—поддержки парламентских иллюзий в массах, в невыносимо страдающих массах французского народа... Но ни на иоту не улучшают их положения.

Законопроект о государственной организации военного производства, конечно, отклонен.

А если б он был принят? Это была бы не менее гнусная панама, только организованная буржуазным государством. Кровь миллионов, гибнущих на фронте, кровавый пот пролетариев, изнывающих в рудниках и на заводах, переплавляются в золото неслыханных барышей.

Вот она—механика военного тыла, вот она, священная основа основ „высокого патриотизма“!

Непрерывный золотой звон—вот он, этот ваш „угрюмый стон несгораемых шкафов“, господин Лихтенберже!

НАЛЕТ

...Лиловатый, холодный туман, сгущаясь и синея, окутывает город, глушит пестрые шумы насыщенных жизнью и рассеянным светом бульваров.

Это не Париж первых дней войны—вдруг наполненный трепетом спешных приготовлений, с вымершими мастерскими, обмусоренными улицами и ожившими лихорадочно вокзалами; Париж, оборвавший шансонетку, погасивший огни веселья, Париж опустелых ночей, шелестящих лишь мелкими шагами растерянных проституток, одиноких и ненужных...

Париж начала 1917 года—это Париж отстоявшейся, приспособившейся к жизни.

Там, к северу, в каких-нибудь 100 километрах, дрожит в смертельной борьбе, истекая кровью, живое мясо молодой Франции. Здесь—прикрытая тяжелыми портьерами баров, чадит, смердит гнилая жизнь мародеров войны, чудовищная гангрена тыла. Жеманфутизм („плевать мне на это") владеет верхами правящей Франции. Никогда еще так не швырялись деньгами в „Ша-нуар" или в „Баль-маскэ".

И эта потребность самозабвенного веселья переливается из пышных баров и кабаре во взволнованные толпы широких бульваров. Запотелые зеркала бесчисленных кафе устали отражать волнующееся море людских движений. Ярко освещен-

ные подъезды кино кричат волнующими афишами навстречу потокам людей. „Весь Париж“ возбужденно переживает в эти дни невероятно кровавые события, невыразимо неожиданные трюки „Вампиров“ или „Нью-йоркских тайн“, идущих из недели в неделю рядом серий.

В центре города—вечерний разгул и веселье, свет и смех, неугомонная жизнь. Но восточные и южные кварталы бедноты и рабочие предместья пасмурны; хмуро ежатся их зябкие улицы под скупым светом. И только дрожат бледным огнем, торопливым бегом машин, скрипом, стуком труда мастерские военного снаряжения, и мягко тлеет огонь мансард, где стрекочат швейные машинки, заканчивая,—которую уже!—сотню военных хаки или госпитальных рубашек...

Париж начала семнадцатого года полон шумной жизни, кричащих контрастов, отстоявшегося отчаяния сотен тысяч, самоуверенного веселья „верхов“, жажды забвения у всех. Но не у всех возможно забвение. Днем полны церкви, вечером—кино. Бог и бандиты из Нью-Йорка служат той же социальной миссии. Скептическая, полная веселой насмешки над всякой мистикой Франция—на коленях. Реалистически практичная—в чаду нездорового любопытства невиданно жестоких авантюр. Изнуренная, усталая Франция тянется к вину, к воробьиной любви, к религии, к... самоубийству.

Вечер 11 января—обычный вечер Парижа на тридцатом месяце войны.

И вдруг, прорезая все эти деловые и бездельные шумы, шорох приводных ремней, заглушенный кашель мансард и птичий смех девиц, жирный басок „амбюске“ и хрип отпускников, „пуалю“,—вдруг возникает мчащийся, бешено нарастая и пропадая вдали, чтоб вновь набежать еще дважды, вопль пожарной трубы...

Внезапно гаснут газовые рожки. Слепнут дома, смыкаются широкие веки кафе, выплеснув толпы людей... Спотыкаются трамваи, замирают такси.

И за первым выкриком: „Цеппелины! Таубе[1]!"—краткая пауза. И тотчас же почти весь город—в шопотах расспросов, соображений, слушков. Предвкушенье новых сенсаций вливает в голоса нотки задора.

Парижане жмутся под порталами домов и вдруг выбегают на середину улиц, площадей. Задрав головы, следят, как среди рыжих туч шарят длинные, бледные руки сильных прожекторов, шарят, перекрещиваясь, ломаясь, и как вспыхивает вдруг небо... блеском ракет, разрывом снарядов?

...8 часов. Ту-ту-ту-у-у! Пожарные возвращаются. Но улицы остаются в полумраке. Лишь блестят исподлобья зрачки кафе, ресторанов, и у огромного входа модного кино одинокая лампа вырывает из темноты изящную фигуру во фраке, с черной маской на лице и манящей надписью: „Вампиры".

Улицы одеваются в обычные неторопливые шумы. „И особенно не дай себя процеппелинить!"—бросает своей подруге бойкая девица, расставаясь с ней на углу бульваров.

...„Гг-гууу!"—вдруг мощный тупой удар. И вновь город в звуках тревоги. Что? Где? Бомба! Недалеко... Там, за углом... Спешат суетливо, жадно, перекликаясь, с разных сторон... Рабочий квартал. Район военных мастерских... „Знают, где бить!" Снаряд—в угол дома. Обвал. В полутьме, дрожащей пламенем факелов, санитары с носилками... Полиция теснит любопытных... Над возбужденными голосами истерический крик. Сколько? Два-три... Есть убитые?.. Несут, раздвигая затихшую толпу, что-то бесформенное.

„Гг-гу!"—где-то еще...

...На Пляс Пигалль—страшное возбуждение. Громадная толпа пестро кричит, жестикулируя к верхним этажам мрачного, как и другие, здания... „Вот из этого... Пятое с краю".—„Нет, третье!"—„Я сама видела!" Кому-то померещилось, что несколько раз дернулась занавеска на одном из чердачных

---

[1] «Голуби» — так именовали немцы свои аэропланы.

окон и подмигнул в небо неожиданный свет. „Сигналы бошам!“

У входа в дом—давка. Приземистая консьержка возбужденно отругивается... Пятое окно?.. Но там ее племянница, швейка... Ее муж—„мютюле“ (инвалид). Чего вы хотите?

Появляется ажан[1]. Он привычно отстраняет женщину, и та растерянно следует за ним, и толпа с ними, на верх дома.

...Это не первые дни, когда кончалось тут же на месте убийством заподозренных в шпионаже.

„Taisez vous, méfiez vous, les oreilles ennemis vous écoutent“ („Молчите, не доверяйте: вражеские уши вас слушают“)— этакая надпись во всех трамваях, вагонах, на стенах кафе, ресторанов...

...Наутро в газетах будет бодро, с прибаутками, рассказано о неожиданном „развлечении“, постигшем парижан. „Неудачный налет неуклюжих бошей“, „Парижане остались верны себе—спокойны и насмешливы“...

Ничего не будет сказано о разрыве двух снарядов в бедном квартале города и о десятке жертв.

Ничего не будет сказано и о пойманной „шпионке“ с Пляс Пигалль...

Париж будет попрежнему торопливо, разносторонне жить, страдать и наслаждаться, проклиная и славословя,—лихорадочный, беспомощно-больной город...

---

[1] Полицейский.

ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ ЕСТЬ АЖАНЫ, ВОЕННЫЕ СУДЫ И... СОЦИАЛИСТЫ

„Мать Дюбьеп с двумя малютками выбросплась в окпо с третьего этажа. Один ребенок разбился на-смерть, другой—при смерти. Женщина сломала себе ноги. Причина отчаянного жеста—нищета“...

Тусклая газета социал-патриотов, основоположенная Жаном Жересом, поджимая набожно губы, отмечает сокрушенно и пассивно повседневные драмы парижской нищеты.

Да, „немножко больше справедливости“, господин недавний „анархосоциалист“ Эрве. Эти пятна детской крови у вашего порога не смущают ваши новогодние сны. Лихорадочно-веселая дрожь мастерских, биржи, контор, „Обогащайтесь!“, великодушно обращенное к „цвету нации“,—и нищие заработки сотен и сотен тысяч, и яростное гниение в окопах миллионов. Война до конца! Жюскобютисты!..

Вчера я был свидетелем яркой сценки, которая, конечно, не попадет в газеты. В одном из „приличных“ кафе группа раскрасневшихся подрядчиков, за аперитивами шумно обсуждает последние события. Один, красномордый толстяк, особенно пылок: „Вильсон—ханжа, тоже миротворец! Эти боши... Прижали их—пищат о перемирии. Никакой пощады! До конца!“ Рядом со столиком подрядчиков—странная пара. Преждевременно увядшая, воплощенная печаль, в темном,

дама и измученный, понурый солдат. Он сидит, устало опустившись, и синеют отчужденно стекла очков... Дама подносит хрупкой рукой к его бескровным губам чашку кофе. Он отпивает безучастно маленькими глотками. Ты скажешь— такую сцену можно видеть теперь слишком часто в Париже? Да... Сильные, здоровые мужчины превращены в малых детей, ослепленные страшным ипритом. Но постой, вот что не часто пока, друг мой, увидишь...

Подрядчик, жюскобютист, повышает голос:

— Я бы расстреливал на месте тех, кто кричит, что надо кончать войну... Никогда! Пока не сломим вконец бошей!

И вдруг—яростный крик:

— О! мерд[1]! Ты, сволочь, орешь это в тылу!—Калека, задыхаясь, поднимается в громадный рост и яростно харкает в направлении „амбюске".—Подождите! Вот вернемся с фронта—поговорим по-иному...—выкрикивает он увлекаемый к выходу своей перепуганной подругой.

Война до конца!... Но вся тяжесть войны на плечи трудящихся миллионов!

Новый год—новые налоги, налоги не на доходы богатых, а на жалкие заработки бедняков. Налоги на табак, сигареты, почтовый сбор, налоги на массовые зрелища. Налоги на сахар, он уже вместо прошлогодних 85 сантимов за кило стоит 140...

Зато налоги на военные прибыли ничтожны. За первые два года войны они дали всего 300 миллионов франков. (В Англии за две недели они дают столько же.) Мизерна ставка, и никакой проверки правильности публикуемых капиталистами отчетов.

И никаких мер против спекуляции! Сравни цены на овощи в Марселе с ценами по привозе их в Париж. Цены Парижа на бобы, горох вдвое выше!.. Наживаются торговцы, наживаются кулаки. „Барометр победы!"—кричат газеты. За последний квартал поступления по бюджету 408 миллионов!

---

[1] Дерьмо.

На 23% больше, чем год назад! И это—при падении почти на треть таможенных доходов. Богатеет, кто-то богатеет во Франции, разоряемой войною!..

Кто-то богатеет... Но в Париже недостаток мяса, овощей, сахару, угля... Париж „охвостел“. Кто защитит бедноту?.. На третьем году войны с какой медлительностью, с какой явной неохотой правительство „священного единения“ приходит к мерам нормировки! Лишь с конца февраля семнадцатого года устанавливается, наконец, регламентация сахара, такса на масло и сыр. И масло, сыр исчезают с рынка... Их можно получить втридорога... С заднего хода „пустых“ магазинов.

Ах! Ах! Два дня без „гато“ (пирожных)—в неделю! И тогда же, с середины февраля,—только два мясных блюда, не больше, за обедом в ресторанах! Какой удар, какое лишение для обжор, которым, впрочем, никто не помешает дополнять рацион на дому!

Какие невероятные лишения! С обычной циничной издевкой подсмеиваются над ними „избранники нации“.

> „Новые ограничения. Все склоняются перед необходимостью момента: победа этой ценой. У Ribly нет ограничений. Ассортимент всегда значителен, модели мужские и женские всегда элегантны и цены всегда выгодны. 16, Boulevard Poissonière Открыто и в воскресенье“.

Такое объявление—в наиболее распространенных газетах Парижа.

Сколько внимания к привычкам буржуа! Сколько наглости в отношении бедноты! Угрюмый и веселый Париж полон драматизма, полон глухой борьбы, жестоких сцен.

В начале войны объявили мораторий (отсрочку) для квартирной платы; но постепенно домовладельцы осмелели.

У нас на лестнице живет вдова Гравинье,—муж убит, двое малышей,—ушла постирать к кому-то... Возвращается в обед... У порога ее пара детей в лохмотьях. Какое-то барахло в грубых свертках, пара стульев. „Да, милая, хозяин велел... за

тобой долг. Надо же начать платить... Ты ведь зарабатываешь больше 500 франков[1] в год... Ты не войдешь, пока не заплатишь хотя бы 100 франков"...

Угрюмо слушают соседи. Их, может быть, поджидает такая же участь.

Угрюмо стоит женщина. Жмутся к ней малыши. У мадам Гравинье нет даже окна, чтобы повторить жест матери Дюбьен...

Французский парламент—на страже интересов собственности. Сенат еще ухудшил для бедноты закон, и так шедший навстречу домовладельцам.

Тщетно созванное Федеративным союзом квартиронанимателей собрание требует от правительства учесть чрезвычайное вздорожание жизни, необходимость считаться с семейным положением, тщетно добивается продления квартирного моратория до окончания войны.

Тщетно... Этакими благими напоминаниями разве смягчишь жадность „месьеВотура"[2]? А он—хозяин в парламенте. Там ведь его депутаты!

Синдикат квартиронанимателей действовал еще до войны. Анархистски и по-парижски, своеобразно нелепо, но как-то боролся с домовладельцами. Теперь, с войной, „классовая борьба" отменена... „Единый национальный фронт... Беднота не смеет защищать себя. Нельзя нарушать порядок в тылу, когда враг в пределах Франции". Так кричат социалисты, и синдикалисты, и сам Эрве, столько просидевший в тюрьмах республики за протест против ее безобразий.

Но голод и холод теснят парижан. Но хвосты густеют, растут у пустующих магазинов. В тылу распространяется глухое брожение, разочарование в скором конце войны, негодование против спекулянтов и правительства, пособляющего им.

...„Это бесчеловечно и это опасно для общественного по-

---

[1] Франк равнялся 36 копеек.
[2] «Коршун» — так беднота Парижа именует домовладельцев

рядка... Кто-то в хвосте уже говорит: „Если это продолжится, надо сделать революцию“...

Густав Эрве пугает своих друзей. Но им не страшно. Против „революции“ есть ажаны, военные суды и военизированные... социалисты.

А пока... „Умерло за последнюю неделю января 956, за последнюю неделю февраля—1213“... Бешеным темпом работает смерть в Париже...

„CHARBON OU LA PAIX!“

...Эта зима особенно тяжелая. Дома без двойных рам в окнах, в большинстве без печей—одни камины, пронизываются насквозь морозом. И рядом с холодом голод. Но не везде одинаково.

В центре города, на бульварах,—разнузданно-нарядно. В центре весело поблескивают умытые витрины пухлых магазинов, светлые стекла теплых квартир.

На окраинах подслеповато щурятся запыленные окна запущенных лавок. „Сегодня нет мяса, нет зелени“. У немногих еще торгующих магазинов густые „хвосты“. Над ними— угрюмость, печаль... Особенное возбуждение близ угольных складов. Женщины, иные с детьми на руках, с мешком под мышкой, кутаясь в шерстяных отрепьях, зябко топают башмаками по асфальту. Очередь растет. В очереди—раздраженный гомон: „Скоро они там?“, „Неужели опять ничего?“...

Да, опять ничего. Ворота склада глухо закрыты, заперта и калитка. Ближайшие нетерпеливо постукивают в нее. Вдруг открывается... В дверях—ажан. „Уголь не прибыл—раздачи не будет“... А вчера в мерии выдавали квитанции, и в погоне за ними пришлось уже потерять полдня...

Подвоз угля из Англии,—разъясняет в Палате социалистический министр Марсель Самба,—уменьшен на 500 000 тонн

в месяц. Сена замерзла, нет подвоза рекой, а ежедневно по ней подплывало $2^1/_2$ тысячи тонн. Северные угольные районы заняты немцами. Правительство „принимает меры“: с начала февраля театры будут открыты лишь 4 дня в неделю, метро и трамваи три дня в неделю работают только до 10 часов вечера, большие магазины будут закрываемы в $5^3/_4$. Экономия, но этого мало... Угля все же не хватает. „Истина в том, что еще никогда правительство не находилось пред лицом более ужасного положения. Пожалейте меня, прежде чем судить!“

К жалости граждан взывает министр. Но кто пожалеет бедноту?

Угля все же хватает на обслуживание армии, военного флота, на госпитали и тюрьмы, на барские квартиры и публичные дома. Угля нет только для бедняков. И недовольство растет. Недовольство прорывается бурным движением...

...В большом грязном зале упраздненного кабачка, под низким прокуренным потолком,—живо волнующаяся масса разгоряченных голов, острых жестов, пестрых криков. Резко звучат слова оратора... Женщина—простоволосая, с жестами привычного лектора [1]. „Наш очаг осиротел... Война без конца, война на измор... Нас хотят уморить. Нет продуктов, мы голодаем—богатые не голодают... Нет угля, его нет только для нас... Должно быть равенство и в окопах и в тылу... Будем требовать: довольно снарядов! Дайте уголь или заключайте мир!“

Каждая фраза подчеркнута одобрением, скреплена яростным выкриком.

Мелькают листки без подписи, выделяется густо заголовок-лозунг: „La paix ou le charbon“ („Мир или уголь!“).

...Сейчас же от дверей кабачка—стихийная демонстрация. Сотни женщин, иные с детьми на руках, исхудалые, растре-

---

[1] Учительница Сомоно.

панные... но легко влитые в стройные ряды, с этим особенным у парижан чувством ритма, сразу вступая в ногу, быстро движутся к центру предместья. „Charbon ou la paix!“ „Charbon ou la paix!“ И в такт скандированного выкрика — быстрый четкий шаг.

Толпа растет. Одна за другой пустеют мастерские по дороге. Здесь их не мало—мелких заводиков, подручных крупных фабрик военного снаряжения.

Каждый сарай превращен в мастерскую. Каждый рантье норовит взять с подряда выгодную работку на армию. Тысячи женщин захвачены работой на фронт. Сейчас они бросают станки, бегут на улицу в ряды демонстранток:

— Довольно снарядов!

— Уголь или мир!

...Площадь перед мерией ограждена конной и пешей полицией. Ажаны смущенно и неуклюже уговаривают напирающую толпу.

— Charbon ou la paix! Дайте сюда мера! Где он, толстяк?

На крыльцо мерии выплывает группка явно перепуганных людей. Из ее среды—жесты, призывающие к молчанию. „Господин мер—в городской ратуше... Оттуда сообщает, что уголь прибыл и будет завтра же роздан. Старые квитанции действительны“...

Глухой рокот... Демонстрация угрюмо рассеивается. „Что он сказал?“—„Завтра будет уголь“.—„Ну, если завтра не будет угля, я знаю, что делать!“...

Но „завтра“ угля не было. Беднота теряет терпение...

> ...„На улице Клери грузчики начали разгружать в погреба одного магазина 12 тонн угля... 12 тонн частному лицу, в то время как газовые заводы и военные мастерские останавливаются из-за отсутствия топлива, а бедняку не на чем сварить себе суп! Это было бесстыдной провокацией... Сбежалась толпа. Мешки с углем опрокинуты. Грузчики отогнаны. Уголь расхватан“.

Так сообщает „L'Humanité"... Но молчит о повторных демонстрациях под клики „Угля или мира!"... Молчит о разгроме ряда складов, поранениях городовых. Ограничивается еще лишь парой строк:

„Арестованы за распространение листовок „La paix ou le charbon".—Альфред Жори, Филипс Отелер, Андре Шамар, Рене Бариль, г-жа Братчу".

«ЭТО МОЖЕТ ПОВЕСТИ К КАТАСТРОФЕ».

Никакой борьбы классов перед лицом врага!
(«L'Humanité» 11 января 1917 г.)

— ...Ты знаешь, старина, что-то изменилось в мозгах...— блестя глазами чахоточного, рассказывает товарищ Дюбейль, механик из мастерских Левассера.—Всего несколько месяцев— молчали, как повешенные. Один боялся другого. Как оставить наших без снарядов!.. И вдруг—прорвалось! И знаешь ли ты! Начали нормандцы. Эти жесткие парни—самые молчаливые... Вдруг разыскали меня: „Копэн (приятель), ты там входишь в синдикат... Чего ж синдикат смотрит?! Разве на это можно жить! При теперешних-то ценах!" Я им отвечаю: „Синдикат—это вы, без вас нет и синдиката. Что может сам синдикат?"—„Но так не должно продолжаться".— „Так давайте выработаем требования и сговоримся с синдикатом". И пошло... Это их женщины с Варелли взяли в работу... Вот молодцы-то!

...Да! С 4 января в Иври в мастерских Варелли забастовали 500 женщин, работающих на обточке снарядов. Они получали за крайне вредную работу—в металлической пыли, под угрозой острых резцов—40 сантимов (15 копеек) в час. Они требуют от 50 до 60 сантимов. Их подгоняли премиями

за точность. Они добиваются отказа от погонялки. И характерно добавляют: „Корректного обращения со стороны контроля! Никаких увольнений за стачку! Возвращение двух уволенных!“

Стачка с завода Варелли подхвачена с 5 января военным заводом Талиссе и Блэн; захватывает далее мастерские Танар-Левассер, Ведувелли, Пристлей.

Орган социал-предателей („L' Humanité“) вынужден признать: „Повсюду глухое недовольство, оно то там, то здесь взрывается и переходит в стачки“.

Вынужден заговорить публично сам благообразный министр военного снабжения, тоже „социалист“, Альбер Тома. Он заверяет, что французские рабочие—большие патриоты, что за два года на военных заводах было всего десять, и то незначительных, стачек. Стачка у Пристлея уже (17 января) закончена благодаря вмешательству правительства: фиксирован рабочий день, уравнена плата женщин и мужчин, и несколько повышены расценки. С 17 января вообще вводится обязательный арбитраж на военных заводах [1].

Не успел расхвастаться социал-министр, как в обход нового декрета вспыхнула громадная забастовка у Шнейдер-Крезо. 24 января Альбер Тома опубликовал свое обращение к рабочим этого завода:

> „Внезапно, без предупреждения, презирая все правила, вы вчера прекратили работу. Подумали ли вы о важности совершаемой вами ошибки? Подумали ли о враге, который не прекращает своей работы, о ваших братьях, ваших мужьях, которые ожидают с нетерпением средств защиты, которыми вы их обеспечивали? Почему не прибегли вы к соглашению, не прерывая работы? Почему не обратились к арбитражу, как предвидел формально декрет 17 января?

---

[1] Лишь через месяц, 13 февраля, административный совет социалистической партии вместе с Всеобщей конфедерацией труда возвысили протест против этого закона, отнявшего у рабочих право стачки. Это храброе решение принято 12 голосами против 11, при 1 воздержавшемся.

Дирекция заводов Шнейдер решила пересмотреть с нами нынешние тарифы. Но этот пересмотр может произойти только, если верные общему долгу, верные интересу отечества, которому мы все служим, вы вернетесь на работу. Правительство не хочет грубо использовать даваемые ему законом средства. Оно взывает к вашему патриотизму, к вашей любви, к сражающимся на фронте, к вашему разуму. Будьте завтра все за работой на заводе!“

Но пришло „завтра“,—и лишь немногие вернулись на завод. Большинство продолжало бастовать. Стачка затянулась, несмотря на щедрую растрату министерского красноречия... Последовал декрет о минимальных платах. Минимум значительно ниже требований синдиката. Он не уравнивает зарплату мужчин и женщин; сохраняет в силе всю систему штрафов.

Федерация металлистов, руководимая умеренным циммервальдцем Мергеймом, резко критикует правительственные декреты: минимум станет фактически максимумом зарплаты и снизит и без того нищенские заработки. Декрет—шаг назад! Сплачивайте силы! Борьба продолжается!

Министр уговаривает металлистов, но движение расширяется. Да, „что-то“ изменилось в психологии французского пролетария!

Волнуются портнихи... В крупных мастерских Агнес работницы требуют увеличения заработной платы на $1\frac{1}{2}$ франка в день, у Бернара—65 франков в неделю за 8-часовой рабочий день. Забастовали швейки в громадных мастерских, изготовляющих мешки для интендантства. Хозяева получают по 5 франков за сотню мешков, а платят по 10 су (полфранка) в час, при условии сдать за 10 часов 300 мешков; чтоб подогнать швеек, ввели сдельщину—1,40 франка за сотню и вычет 15 сантимов за сломанную иглу... Работницы бросили мастерские, требуя восстановления прежних порядков...

На бирже труда происходят беспрерывные взволнованные собрания разных профессий. Строительные рабочие, слесаря, механики, булочники и кондитеры, каскетники и кожевники грозят забастовкой.

В Газебрюке (у Эстерьи)—чуть ли не на фронте!—на семи заводах прядильщики добились упорной стачкой увеличения заработной платы.

Шахтеры предъявляют требования.

Генеральный комитет железнодорожников парижского узла публикует заявление (полусъеденное цензурой), что железнодорожники, мол, готовы, как всегда, служить делу национальной защиты, но протестуют против новых ограничений и требуют увеличения окладов.

Синдикат химиков департамента Сены обращается „к 100 000 рабочих химической промышленности, подло эксплоатируемым“, с призывом объединиться для борьбы с хозяйской жадностью.

Гражданский персонал государственных учреждений направляет к правительству делегацию с требованием „добавки на дороговизну“. Артисты парижских театров грозят „прямыми действиями“, если их положение не будет улучшено. И даже служащие сенской (полицейской) префектуры заявляют „скопом“ о своих нуждах...

Еще 11 января социал-прохвост Эрве скорбно вопил об „эпидемии стачек в индустриальных предприятиях Парижа“. Очевидно, дело обстоит серьезно, если свирепая цензура пропускает слова этакой тревоги: „Это может повести к катастрофе!“

НЕТ ВОЖДЯ—НЕТ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

Вперед, генералы, мы дадим вам людей, вы дайте нам победы!

(Компер-Морель, лидер большинства.)

Раз должны говорить орудия, мы хотим, чтобы они говорили возможно громче.

(Прессман, лидер меньшинства.)

Да, что-то изменилось в психологии французского пролетария! Но это недовольство, все шире разливающееся, это движение, ломающее „священный гражданский мир“, не имеют достойного вождя... Лишь одиночки во Франции остались верны интернационализму; голос их подавлен, и даже их голос не всегда звучит верно.

В каком-то непонятном рединготе, неизменно с полураскрытым зонтиком в руке, нескладно широкий, Сократ французского социализма, Шарль Раппопорт неизменно острословит. Но острословие не успокаивает, однако, его нервов. Это не типичное беспечное зубоскальство французской богемы, которое могло б обеспечить хорошее переваривание невообразимых пакостей, преподносимых предательствующим станом недавних друзей.

„Социализм глотки?“—Да, этот победный барабанный

французский социализм живописуется лучше всего образом нагло развязного, оглушительного самодовольного Реноделя. Культурно-политический уровень этого господина как раз на высоте требований, предъявляемых разнузданным мещанско-плутократическим милитаризмом. Эта „торжествующая свинья священного единения“ заменила на посту вождя французской социалистической партии, покойного великого трибуна: Шарль Раппопорт благоговейно (пожалуй, слишком) чтит память убитого Жореса.

И так закипает негодованием, вспоминая о его преемнике, что забывает остословить.

Ренодель ведет за собою партию Жореса.

И французская социалистическая партия „на высоте“, на высоте своего „национального долга“, на высоте своей роли предателя рабочего класса, загонщика в траншеи империалистической войны, в казармы милитаризированного труда.

Но в своей тактике она в должной мере гибка. Как бы иначе она сохранила влияние на массы!.

Наглухо реноделевскую наготу прикрывает жеманное позерство всяких Лонге. „Внук Маркса“—вождь французского меньшинства. На деле же благородство пацифистских фраз верно служит тем же империалистическим целям. „Миноритэры“ (меньшинство) начинают проявлять себя еще с мая 1915 года. Им не по нутру сочно-патриотический жаргон Реноделя и других Компер-Морелей; они б хотели, чтоб не отвергались огулом всякие предложения мирных переговоров, всякие попытки прекращения „ужасной бойни, где течет кровь невинных народов“; они стоят за возобновление „международных связей“. В то же время остаются на почве „национальной защиты“ и единодушно голосуют за кредиты на войну. „Меньшинство целиком и полностью отдало себя защите Франции, подвергшейся нападению неприятеля“ („Попюлэр“, 12 февраля 1917 г.). Они—убежденные сторонники сохранения единства партии, и во имя этого пресловутого единства каждый раз уступают напористому Реноделю. Вся

их роль сводится к поддержке пацифистских и демократических иллюзий.

На национальном конгрессе, к концу декабря 1916 года, они голосуют за социал-оборонческий текст резолюции о внешней политике. Но они—против резолюции Ренoделя по внутренней политике (в духе „священного единения“): за—1602 голоса, против—1348.

Лишь 20 января 1917 года миноритэры решились направить к правительству запрос об ответе союзников на миротворческую ноту Вильсона. Но выступивший от их имени депутат Прессман становится в позу ходатая: „Выслушайте нас, от этого выиграет вся страна“. Как внутри партии, так и в парламенте они стремятся доказать, что именно они—наилучшие патриоты и что их предложения лишь дополняют военно-стратегические действия. И они получают в Палате, с видом исполненного долга, свои 35, плюс 3 голоса радикалов и один вдруг отскочившего мажоритэра (Бедус). Большинство Палаты с большинством социалистической фракции находят, конечно, что „не годится обсуждать пред лицом врага щекотливые вопросы“.

26 января социалистическая фракция Палаты вносит единодушно резолюцию по поводу ноты Вильсона („концепция мира, основанного на свободной воле народов“) с требованием от французского правительства присоединиться к Вильсону и с призывом к социалистам всех стран оказать подобное же давление на их правительства. Словом, единодушно (с участием „циммервальдцев“!) втирают очки рабочим.

Да! С участием циммервальдцев!.. На крайнем левом французского социализма на виду небольшая группа: Лорио, Сомено, Ш. Раппопорт.

Она возвышается порой до особой, третьей позиции в партии. На последнем национальном конгрессе эта группа собирает за интернационалистическую резолюцию 109 голосов и за предложение вступить немедленно в мирные переговоры—403 голоса.

В начале марта 1917 года большинство ставит „левую“ пред распахнутой дверью из партии. На национальном совете лонгетисты осмеливаются голосовать против резолюции Ренодела по „общей политике“, где говорится:

„Французская секция Интернационала сделала все для устранения из французской политики аннексионистских замыслов, а также для того, чтобы гарантировать уважение нарушенных прав наций. Секция стоит на позиции 14 февраля 1915 года, на позиции Лондонского конгресса социалистов союзных стран, а эти последние „не преследуют цели политически и экономически раздавить Германию. Они ведут войну не с народами, а с правительствами, которые подавляют народы. Они хотят, чтоб вопрос о Польше был решен согласно воле польского народа, вплоть до независимости, во всей Европе, до Эльзас-Лотарингии и Балкан, аннексированные народы должны получить право располагать собою“. В вопросе об экономическом положении после войны секция солидарна с бельгийской: свобода торговли, автономия колоний, режим открытых дверей в новых странах, против экономической войны. Секция готова рассмотреть вопрос восстановления Интернационала, если немецкие социалисты определят свое поведение в отношении своих правительств с их мирными предложениями. Социалисты всех стран должны оказывать давление на свои правительства за идеи Вильсона“.

Эта резолюция принята 1556 голосами против 1377. Группа Лорио воздержалась!.. И следом—принимается постановление (1463 голосами при 174 против и 1096 воздержавшихся):

„Секция отвергает, как антисоциалистические,—осужденные национальным советом 9 апреля 1916 г., 7 августа 1916 г., и национальным конгрессом 25 декабря 1916 г.,—следующие мнения Циммервальда и Кинталя:

1. Что нет различия между оборонительной и наступательной войной.

2. Что нужно отклонить, как иллюзорные, решения, основанные на арбитраже и ограничении вооружений.

3. Что нет ничего общего между интернациональным социализмом и борьбой классов и национальной защитой.

4. Что национальная защита не социалистична.

5. Что поведение пролетариата в отношении войны не может

быть определяемо согласно военному или стратегическому положению воюющих сторон.

6. Что социалисты в парламенте должны голосовать против кредитов.

Совет считает, что сторонники этих идей не могут представлять партию.

Он считает, что члены Комитета по восстановлению международных сношений не могут занимать должностных постов в партии".

И после этой резолюции, принятой при пассивном воздержании миноритэров, циммервальдцы не решились порвать открыто с партией, предавшей дело пролетариата!

Еще более лицемерна декларация, прочитанная Бризоном от имени своего, а также Александра Блана и Раффин Дюжанса (все трое были в Кинтале!), в Палате депутатов 23 марта:

„1. Против кредитов,—так как после Марны и русской революции можно добиться победы, т. е. национальной независимости, посредством мира.

2. Привет русской революции, которая отразится и в Германии и во Франции.

3. В отношении сепаратного мира, будто требуемого русскими, мы разделяем принципы и тактику Циммервальда и Кинталя—там была речь не о сепаратном мире, но о мире „всеобщем, немедленном и без аннексий".

Формулировка умеренно патриотическая, не отрицающая, но, наоборот, подтверждающая обязанность „защиты отечества"; формулировка оправдания,—не обвинения.

Шаткость позиции французских „кинтальцев" проявлялась разительно и в еженедельном органе „La vague" („Волна"), издававшемся Бризоном. Уж подлинно „vague" (по французски еще—„смутно", неопределенно")! Позиция его, насквозь националистическая, только прикрыта революционной фразеологией.

Шатуны, вроде Бризона и Александра Блана, перебежчики, типа Будерона, идеалисты, как Сомоно, привносили много неопределенности и в выступления Комитета для восстановления международных сношений, образованного ими да еще

Мергеймом, тоже циммервальдцем, секретарем федерации металлистов, Росмером и Монартом—анархосиндикалистами, сильно поперченными влиянием Л. Д. Троцкого и Лозовского (С. Дридзо), входившими в комитет от редакции „Нашего слова“. Этот комитет не только стоял на почве организационного единства с социал-оборонцами, но и не соглашался размежеваться идейно с лонгетистами.

Крайняя левая французских социалистов и синдикалистов отражала незрелость революционного рабочего движения во Франции, не могла руководить этим движением, не пыталась его оформить.

Крайняя левая—против организационного раскола, и эта ее примиренческая организационная линия должна влиять сдерживающе на революционную энергию рабочих масс, должна укреплять в них иллюзии единого социалистического фронта и тем самым обслуживать преступление „общенационального единства“. Импотенция крайней левой в оргвыводах вреднее даже, чем пацифистская болтовня миноритэров.

Этой примиренческой организационной линии отвечает, само собой, нечеткая линия в вопросах войны и мира и судеб русской революции,—линия в духе кинтальской серединки.

И энергичное воздействие Ленина (его письмо Суварину, по недоразумению „циммервальдцу“), и сокровенная работа отдельных большевиков (особенно Инессы Арманд), и твердая революционная позиция парижской большевистской секции—не смогли побудить крайнюю левую французских социалистов и синдикалистов стать на подлинно-революционный путь.

У пробуждающихся от националистического дурмана, у поднимающихся к классовой борьбе французских рабочих пока нет достойного вождя...

АМЕРИКА УЧАСТВУЕТ В ВОЙНЕ

«Соединенные штаты — звезды — с нами»
(«Victoire», 6 февраля 1917 г.)

Французские социалисты разных мастей посильно обслуживают дело „национальной защиты“, но революционное брожение неукротимо разливается в тылу, переливаясь на фронт...

А борьба на фронте достигает крайнего напряжения.

На ноту Вильсона (17 декабря 1916 года), призывающую к переговорам о мире, и на мирные предложения немцев союзники ответили отказом вступить в переговоры до достижения целей войны.

Германия нарушила нейтралитет Бельгии, сломила международный договор,—„Не на слове Германии нарушенный ею мир может быть основан“.

Союзная печать уточняет.

Условия Франции: 1) восстановление Бельгии, Сербии, Черногории и возмещение их потерь; 2) эвакуация занятых земель и репарации; 3) реорганизация Европы на основе уважения национальности; 4) возвращение Эльзас-Лотарингии, освобождение малых наций (т. е. раздел Австро-Венгрии); 5) турок—вон из Европы; 6) свобода Польше.

Докладчик бюджетной комиссии, сенатор Эмон, в „Journal“ уже доказывает, что немцы должны и смогут заплатить издержки войны. Цель ее—сломить прусский милитаризм. Для

Франции достаточно, если в течение 25 лет немцы будут платить по 6 миллиардов франков.

Союзники уверены в своем успехе. На западном фронте они ощущают перевес своих сил—не менее одного миллиона штыков, чуть ли не вдвое больше орудий, в два с половиной раза больше аэропланов. И еще неполностью развернуты силы Англии, и еще не исчерпаны, как кажется, „неизмеримые" ресурсы России. К началу семнадцатого года в русских армиях все еще до 7 450 000 человек, несмотря на потери (наполовину пленными)—до 6 000 000...

Отказ союзников от мирных переговоров с немцами определяет обстановку. Борьба продолжается. И оба немецких императора извещают в новогоднем послании об этом своих „верноподданных":

> „Мирные переговоры отклонены, для немцев отныне нет выхода—война всеми средствами до конца, до завоевания „достойного немцев" мира"...

2 февраля 1917 года Германия и Австрия провозглашают беспощадную подводную войну—судам нейтральных стран дается пять дней, чтобы достичь соответствующих портов, иначе будут взорваны без предупреждения.

Какой взрыв официальной ярости во французской печати! „На-кось, положите себе в карман!"—по адресу миротворца Вильсона. Кое-кто советует брать на борт отходящих в море пароходов пленных немецких офицеров...

Но через несколько дней злобно насмешливый тон в отношении Америки меняется.

5 февраля, в ответ на ноту Германии, объяснявшую переход к беспощадной подводной войне отказом союзников от мирных переговоров, Соединенные штаты порывают дипломатические отношения с Германией... Это еще не война, но—шаг к ней! Как раз в момент, когда ослабла патриотическая кишка во Франции, когда деморализация начала охватывать тыл и переливаться на фронт,—как раз в этот момент Соединенные штаты поднимаются против Германии.

И теперь,—говорите ли вы знакомым поневоле кабатчиком, или с любым французским социалистом,—всюду один и тот же тон патриотического ликования, что и в барабанной печати.

„Громадная моральная победа союзников“, „Общество наций против олицетворенного варварства“, „Огромная материальная поддержка делу свободы и цивилизации“. Даже иные из „интернационалистов“ смущены—видимо, их „интернационализм“ питался ощущением слабости сил антинемецкой коалиции.

Но в нашей газете мы отмечаем, что,—

„Очевидно, и определенные финансовые круги высоко расценили жест президента Соединенных штатов, ибо курсы государственных бумаг идут в гору (даже курс русского рубля сразу поднялся на пять франков). Совсем иная картина, чем при пресловутом выступлении Вильсона с мирным посредничеством. Тогда биржевые ценности стремительно полетели вниз. Разгоралась паника, улегшаяся лишь после известий об отрицательном ответе союзников на германскую и вильсоновскую ноты. Теперь—на бирже Нью-Йорка радостное оживление. Разрабатывается проект военного внутреннего займа в 500 миллионов долларов. Американские финансисты обещают в одно-два мгновения расписать эту огромную сумму. Теперь Тафт требует введения всеобщей воинской повинности; Рузвельт обещает ангажироваться; Эдисон грозит немецкому варварству американской наукой; Форд, недавно ввозивший из лихорадочно вооружавшей союзников Америки в самоуничтожающуюся Европу оливковую ветвь,—автомобильный пацифист Форд заявляет, что передает, в случае войны с Германией, все свои заводы в распоряжение правительства и готов работать на войну без всякого барыша“.

Но французские дельцы довольно хладнокровно расценивали себестоимость американского патриотизма.

„Американская индустрия извлекла из войны огромную выгоду, но в один прекрасный день американцы увидели обратную сторону медали. Они предвидят новую, своеобразную желтую опасность в огромном притоке европейского золота, который вызывает неустойчивость ценностей и кредитного

> обращения. Они с некоторым опасением взирают на трудную и серьезную проблему, которую представит консолидация всей этой бумаги, потом демобилизация рабочих этого периода напряженной и случайной активности, которая нарушит их экономическое равновесие. Мнение „Federal Reserve Board" — учреждения, господствующего над всей системой банков Соединенных штатов,—клонящееся к ограничению приема европейских кредитных бумаг, идет навстречу этой озабоченности".

Эта, отмеченная корреспондентом „Temps" озабоченность дальновидных американских финансистов должна значительно смягчаться перед перспективой спешно перестраивающейся на континентально-европейский лад Америки: рост военных расходов государства укрепляет положение военной промышленности, рекрутирование армий облегчает задачу рабочей промышленной демобилизации. „Сначала наше собственное вооружение, а потом разоружение всех прочих",—из этой формулы американских пацифистов руководящая Соединенными штатами финансово-промышленная олигархия успешно проводит ее первую часть, столь благосклонно озлащенную мечтой о будущем разоружении. И именно теперь бьет ее час. Никогда момент не был более благоприятен для осуществления ее боевых империалистических планов. Тот же корреспондент „Temps" пишет:

> „Этот приток капитала (вызванный войной) позволил американцам придать новый размах их „дипломатии доллара", этому экономическому панамериканскому империализму, установленному при президенте Тафте государственным секретарем Кноксом и направленным к развитию доктрины Монроэ в систему финансового и коммерческого контроля Соединенных штатов над всей Америкой. Американское правительство одновременно с переговорами о покупке им у Дании Антильских островов подталкивало американских финансистов к развитию их предприятий в Центральной и Южной Америке, к созданию отделений больших банков в южно-американских столицах. Это финансовое действие сопровождалось учреждением американских контролеров и высадкой американских моряков в Сан-Доминго, в Гаити, в Никарагуа, находящихся в настоящее время под протекторатом Соединенных штатов".

И корреспондент „Temps“ прибавляет:

„Эта политика представляет странный контраст с режимом идиллического мира, к которому президент Вильсон призывал Европу... Как бы то ни было, это американизм, с которым недостаточно считались при суждении о поведении и медленной эволюции Соединенных штатов перед европейской войной и с которым Германия, открытая противница доктрины Монроэ, должна была неизбежно столкнуться“.

Но „мирная экспансия“ Соединенных штатов не ограничивается пределами Америки. С ее потребностями пришлось считаться, перед ней пришлось отступить Дании (в Антилах, на великом торговом пути будущего). Перед нею вынужден пасовать финансовый европейский капитал в Китае. „В октябре 1915 года американские предприниматели Сиамс и Каче добились от китайского правительства концессии на более чем 3000 километров железных дорог, которые предстоит построить в провинциях Шан-си, Ху-нан, Киан-су, Квантун, Кванси, Че-Кианг“, и сообщающему об этом корреспонденту „La croix“ кажется, что некоторые „франко-бельгийские проекты могут пострадать от этой новой антрепризы“. Другой факт: „20 ноября прошлого года стало известно, что два чикагских банка—Континентальный и национальный Коммерческий—согласились ссудить китайскому правительству пять миллионов долларов. 25 ноября китайский парламент санкционировал этот заем“. И это произошло, вопреки протестам синдиката банкиров, принадлежащих к союзным нациям—Франции, Англии, России и Японии. Этот синдикат, до войны включавший и германских финансистов, безуспешно протестовал во имя предоставлявшегося ему раньше преимущества первого заимодавца (китайское правительство обязывалось всякий новый заем предлагать прежде всего данному синдикату).

Корреспондент „Temps“ полагает, что претензия Германии на полную свободу действий в Южной Америке, „может быть, еще в большей степени, чем угроза подводной войны,

должна была привести Америку к разрыву с Германией". Из „мирной экспансии" Соединенных штатов вырастает политическое осложнение с Германией. Это—на сегодня. Что вырастет из американской предприимчивости на островах Тихого океана и в Китае—это покажет недалекое завтра.

Так оценивали мы в газете „Начало" жестикуляцию Вильсона.

Надо сказать, впрочем, что „общественное мнение" Франции отнеслось к выступлению Соединенных штатов не вполне единодушно. Во второстепенных листках проглядывало некоторое сомнение. Орган черносотенцев „Libre parol" напоминал: „Америка имеет свои цели, не наши"; другая газета той же марки—„Дело" („Oeuvre") пишет: „Вильсон участвует в войне, чтобы навязать свой мир... Вашингтонское правительство не хочет допустить нарушения европейского равновесия".

В Палате депутатов Анри Фабр намекал на опасности вмешательства Америки. „Сенатор" в „L'Oeuvre" пояснил: „До тех пор пока будут существовать британский и германский империализм, вмешательство американского империализма в их конфликты не должно происходить в ущерб Франции, но наоборот".

...А Америка лихорадочно готовилась к войне. 28 февраля Вильсон заявляет о „вооруженном нейтралитете", но для всех было ясно, что вскоре Америка объявит войну Германии.

Это утешает французских патриотов, окрыляет их надежды. „Америка в помощь Франции"—вот главный довод против усталости и против революционного нетерпения, овладевшего трудовыми массами Франции. „Звезды с нами"—поэтствует Эрве, намекая на знамя Соединенных штатов.

И вскоре с не меньшим энтузиазмом французские патриоты выдвинут пред истомленными и разочарованными массами рядом со звездным знаменем Соединенных штатов—красное знамя российской революции.

„Малая революция для большой войны",—такова будет вначале их оценка Февральского переворота.

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Если б я был помоложе, сам взял бы ружье.

(Г. В. Плеханов — «Русским волонтерам», август 1914 г.)

Возбудим течение встречное — против течения!

(«Социал-демократ» 1 ноября 1913 г.

Российская эмиграция в Париже жила глубоко разрозненно. Порыв добровольчества давно угас. А был такой порыв в начале войны.

... Страна, прервав обыденную жизнь, привычную мирную работу, переживала лихорадку мобилизаций, гнавшую на фронт всех, способных носить оружие. В тылу оставались лишь женщины, дети, больные и старики. И никаких попыток активного сопротивления мобилизации; в одну ночь исчезли в тайники республиканских тюрем все, кто подозревался в готовности к революционному действию. И социалистическая партия в целом, и Всеобщая конференция труда, и анархо-синдикалистские и анархоиндивидуалистические группы — никто не поднял голоса против „защиты отечества".

Откровенный социал-предатель Ренодель сменил у руля социалистической партии великодушного пацифиста Жореса,

своевременно убитого полоумным фанатиком патриотизма (своевременно, чтоб не обнаружилась воочию социал-патриотическая подоплека этого пацифизма, черпавшего свой пафос из традиций „Великой революции“ и восторженного идеализирования „демократии“). Престарелый коммунар Вальян и сам „папаша марксизма“ Гэд кричали: „В ружье!“ Мордастый Ивто,—это анархобульдог, казалось, железными челюстями вгрызшийся в ненавистное ему чрево буржуазии, и гномообразный горбун Легардель (редактор анархистского еженедельника), сардонически насмешливый и едкий,—исчезли в патриотическом потоке. И скептичнейший из скептичных, автор „Острова пингвинов“, Анатоль Франс, публично плакался, что слишком стар, чтобы взять ружье на изнуренные плечи.

Среди торопливых мобилизационных движений, среди неуверенного отчаяния покидаемых семей и твердой решимости отправлявшихся на фронт под зов патриотических глоток—российская эмиграция оказалась на распутьи... Громадное материальное и моральное воздействие оказывалось на нее. Патриотическая печать требовала ее мобилизации, черносотенные листки угрожали погромами еврейской бедноте, населяющей „Бастош“ и Монмартр. Полиция травила, на предприятиях происходили расчеты эмигрантов, обвиненных царским посольством в дезертирстве. Осиротелые французские семьи, недоумевая, косились на этих „здоровяков“, отсиживавшихся в тылу.

В том же смысле давил призыв авторитетов французского социализма. И авторитет „основоположника российской социал-демократии“. Г. В. Плеханов соизволил прибыть в Париж, чтоб лично объяснить политической эмиграции, что в этой войне надо стать на сторону Франции против прусского милитаризма. Представитель эсеров в бюро II Интернационала Рубанович торжественно заверял (в „L‘Humanité“), что ни одна капля крови русских волонтеров не будет пролита за дело русской реакции.

В конце августа 1914 года несколько тысяч российских эмигрантов записались волонтерами во французскую армию. И во главе их—„рота русских республиканцев", убежденных социал-патриотов из среды российской политической эмиграции. Среди них многие видные эсеры, а также и часть считавших себя большевиками (Антонов-Бритман, Кузнецов-Сапожков).

Социалистическая фракция Палаты обещала им торжественно, что они будут направлены в регулярные полки.

Но большинство парижской эмиграции, однако, уцелело от заразы социал-империалистического пафоса. В жестоких боях с социал-патриотами удержалось ядро большевистской секции Парижа, во главе с лихорадочно-подъемным, неугомонно-фанатичным Гришей Беленьким и рассудительно-вдумчивой Таней Людвинской... Устояла, правда, на пестро кроенной „интернационалистской" позиции, и в основном своем ядре мартовская группа „голосовцев"; уцелела и группа большевиков-примиренцев, потеряв лишь увлеченного Плехановым Марка Любимова.

...Помню взволнованное собрание на грязной Рю Муфтар, 76, где Мартов выступал с докладом, осуждавшим позицию Плеханова. Помню его вдохновенные возражения на выдвинутые т. Людмилой Сталь для грядущей русской революции лозунги „трех китов" (демократическая республика, конфискация помещичьей земли, восьмичасовой рабочий день). „Русская революция не остановится на этих ступенях, не споткнется о порог демократической республики; она перешагнет через него; из империалистической войны может родиться только социалистическая революция".

И никто не указал Мартову на пустопорожность такой его постановки вопроса „непрерывной" (перманентной тож) революции. Никто не отметил, что перерастание демократической революции в социалистическую требует прежде всего конкретности в постановке ближайших целей демократической революции, четкого выдвижения лозунгов последова-

тельной демократии. Выступление Мартова дышало талмудистской отвлеченностью, расплывчатым радикализмом, как нельзя более удобным для прикрытия оппортунистического подхода к конкретным вопросам военной обстановки.

И ничто потом не помешало Мартову, побывав в Швейцарии, под воздействием глубоко оппортунистического П. Б. Аксельрода, сразу увянуть, расплыться в мягком примиренчестве к выросшему из меньшевистского лона социал-предательству (Потресов и К°).

Но в первые дни войны Мартов, казалось, стоял на непримиримо интернационалистской позиции, и это было большой поддержкой противникам волонтерства.

И когда, в разгар паники, охватившей парижан при приближении немцев, мы с Безработным (Д. З. Мануильским) затеяли издание в Париже ежедневной интернационалистской газетки, первая наша мысль была заручиться литературной поддержкой Мартова. „Такая газета и материально и идейно не устоит“,—скептически отрезал Мартов.

Наша газета (начавшая выходить с 1 сентября), однако, устояла... И вскоре Мартов был одним из наиболее постоянных ее сотрудников, а затем и соредактором.

Появление (1 ноября) женевского „Социал-демократа“, а также сообщение о рефератах В. И. Ленина против Плеханова были громадным событием для всех нас, интернационалистов разных оттенков.

От имени редакции „Голоса“, тогда состоявшей только из Безработного и меня, было тотчас же послано т. Ленину приветственное письмо, заявлявшее о полной солидарности со взглядами „Социал-демократа“ и предлагавшее использовать „Голос“ для развития этих взглядов.

На письмо ответа не было... Но мы впоследствии имели не мало свидетельств симпатии к „левому крылу“—шуйце (по выражению В. И.) „Голоса“ и „Нашего слова“. Эту шуйцу, в противоположность всей остальной редакции, составляли К. Залевский и автор этих строк, оба в начале

1915 года порвавшие с мартовской группой и вошедшие в созданный по нашей и Гриши Беленького инициативе „Клуб интернационалистов". Клуб интернационалистов начал с отвержения платформы, предложенной Троцким, и принял ленинскую платформу. Троцкий тогда интеллигентски-раздраженно отказался остаться в его составе [1].

И наша газета, в меру ее интернационализма, ослабленного, правда, троцкистским привкусом—нечеткостью лозунгов, примиренчеством к социал-оборонцам типа Чхеидзе и К° и специфической задирчивостью в отношении „Социал-демократа", и Клуб интернационалистов, и особенно парижская секция большевиков и основанный ею на Монмартре „Рабочий клуб", а также русская секция рабочих по металлу, руководимая т. Шаповаловым,—провели победоносно борьбу в российской эмиграции с социал-патриотической заразой, распространяемой, при поддержке властей, „Призывом" Алексинского и французской печатью.

Но еще сильнее, ибо непосредственнее сказался на настроениях этой эмиграции, печальный опыт волонтерства.

Вопреки всем обещаниям, русские волонтеры были направлены не в регулярные французские части, а в иностранные легионы.

Конечно, и французские регулярные части недалеко ушли от солдатской каторги полков царизма. Но даже в этом старом милитаристском аппарате Франции Иностранный африканский легион—нечто особенное. Это сборище воров, апашей, педерастов,—всякого „блатного" народа. Кадры его, как на подбор, самые гнусные, из гнусных представителей французской колониальной военщины.

В первые же месяцы фронтовых испытаний стали приходить от волонтеров удручающие письма, полные разочарования, недоумений, возмущения.

„Никогда я не переживал такого унижения; даже в то

[1] Письмо Троцкого приводится в книжке Шаповалова: «В изгнании» М. 1927.

время, когда был в орловской каторге",—писал в „Guerre sociale" один из русских легионеров. „Если нас не переведут из этого ада, обезличивающего нас, создающего атмосферу морального самоубийства, дело кончится кровью",—писал в частном письме другой. „Нас попрекают казенным пайком, над нами издеваются, что мы беглые каторжники, что мы пришли сюда, чтобы обеспечить наши семейства, которые дохли от голода". С каждым днем нарастали конфликты, росло взаимное озлобление. Зимой 1914 года 42 человека из „республиканского отряда" были пригнаны с передовых позиций в Орлеан, откуда власти намеревались их отправить в виде наказания в Африку. Уже тогда пахло кровью...

22 июня 1915 года дело кончилось кровью...

За отказ служить в Иностранном легионе девять русских волонтеров были расстреляны, восемнадцать посланы на каторгу... Под пулями африканцев расстрелянные кричали: „Да здравствует Франция!"

Республиканская цензура не дала нам возможности заклеймить в нашей газете этот акт французского империализма. Но в Женеве группа содействия „Нашему слову" издала в августе 1915 года брошюру („К казни русских волонтеров во Франции").

Вот наша статья из нее:

„Vive la France!"

С этим криком умерли на севере Франции девять русских волонтеров. Они умерли не под германскими пулями. Их расстреляли французские парии—африканские солдаты.

За что их убили?

Они не хотели дольше служить в Иностранном легионе; они заявили, что предпочтут умереть, но не вернутся в строй этих дисциплинарных рот, где в течение долгих месяцев они подвергались пытке наглых оскорблений, открытого заподозривания двинувших их на „защиту республики" чувств. Они не хотят более слышать речей о солдатском пайке, в погоне за которым будто бы они пошли в волонтеры; не хотят подвергаться исключительному режиму штрафованных.

Когда в августе они предложили свою жизнь республике, социалистическая фракция ручалась перед ними, что они пойдут в регулярные полки Франции. И сколько раз с тех пор они умоляли французские власти дать им равенство в смерти с французскими гражданами, не держать их в исключительном режиме Иностранного, прославившегося на весь мир безобразием своих порядков, легиона. Не были услышаны их призывы.

И вот, наконец, они возмутились. После 9 месяцев боевой службы они отказались, наконец, итти в бой, пока им не будет официально обещано перевести их во французские полки.

В этом было все их преступление. И за это—18 человек приговорено к каторге и 9 человек расстреляно.

„Странные люди—эти русские!—отозвался о них их корпусный командир.—Храбро сражались с немцами, храбро умирали под французскими пулями и, умирая, кричали: „Vive la France!"

Да, странные люди! Современная Франция—Франция демократии, сломившей спинной хребет монархии, вырвавшей Дрейфуса из когтей военной камарильи, бурно протестовавшей против убийц Феррера, двухсоттысячным строем провожавшей в Париже труп Эрну, жертвы африканских батальонов... Но в то же время—Франция затаенных панам, торжествующего Бириби, военных судов, военных застенков, всесильной полиции; Франция—демократии, но демократии, бессильной навязать правительству свою мирную программу, бессильной противостать политике колониальных авантюр, бессильной принудить страну следовать совету Жореса—разорвать рабскую цепь, связующую ее с царем, с Россией кнута и виселицы, тюрьмы и погромов, с Россией, втянувшей ее [1], по предвидению великого трибуна, в теперешнюю войну...

Современная Франция, ведущая войну методами, достойными злейшей из реакционных стран, воскрешающая законы монархии, чтобы усилить власть своего правительства, сдавшаяся на милость злейшим реакционерам, не смеющая протянуть руку к полным кассам богатых, но грабящая жизнь и достояние трудящихся масс!

Этой ли Франции, представленной военным судом, их при-

[1] Это, конечно, было слишком «патриотично» сказано! Французский империализм (Пуанкаре-война!») стоил российского!

говорившим к смерти, и чернокожими солдатами, их расстрелявшими,—этой ли Франции расстреливаемые волонтеры „демократии“ крикнули свое „Vive la France“?

Болезненный предсмертный их крик был кличем призыва к той демократии, которая в громадном большинстве своем изменила своему знамени, которая в меньшей части своей слишком слаба еще, чтоб поднять это знамя призывно над кровавым кошмаром войны.

Та Франция, за которую пошли вы умирать, заблудшие братья, которой, умирая, кричали вы привет,—та Франция не родилась еще. И она родится не из этой войны, войны наций, не на этих трупах она расцветет. Франция, объятая чистым пламенем новой, подлинно-великой революции, свободная Франция, братски слитая со свободной Германией, со свободной, умершие братья, Россией, братски слитая со всем освобождающимся от всякого гнета человечеством, свободная Франция встанет из борьбы с ее темными силами, вызвавшими эту войну, и из победы рабочих в этой последней борьбе“.

Трагедия в Каренси глубоко всколыхнула нашу эмиграцию, больно ударила по волонтерству.

К урокам империалистского фронта одновременно подоспели и уроки империалистического тыла: разнузданная спекуляция поставщиков; каторжное сжатие „демократических свобод“; гнусная эксплоатация милитаризированного труда.

К началу 1917 года интернационалистские настроения решительно преобладали в российской „колонии“.

За отсутствием читателя угас гнусавый „Призыв“ Алексинского. А пользующаяся неизменной поддержкой широких кругов пролетарской эмиграции, наша интернационалистическая газета, неоднократно закрываемая, сменив уже четвертый раз свое название, продолжала выходить. Редакция „Начала“, очищенная от Мартова и иных меньшевиков—тоже „интернационалистов“, состояла к 1917 году из Левы Владимирова, Лозовского и А. Гальского (мой псевдоним).

Из Швейцарии в нее писал Сокольников, из Лондона—Чичерин, из Стокгольма—Урицкий.

В Париже она—в контакте с крайней левой французских

социалистов и синдикалистов. С ними редакция „Начала“ образует Комитет по восстановлению международных связей, занимающий правокинтальские позиции.

„Начало“ целиком под воздействием Клуба интернационалистов. Но в целом газета еще далека от отчетливо большевистской постановки основных вопросов „интернационализма“. А Гальский, разделяющий эти постановки, все еще остается в вопросах организационных и в вопросе о характере русской революции лишь при особом мнении в ее редакции.

Конечно, было совсем непоследовательно с моей стороны— целиком разделяя позиции „правдистов“ и идя на организационный разрыв с меньшевиками, не оформлять свое положение открытым вступлением в большевистскую секцию.

...Как-то на Авеню д‘Орлеан, когда читал на ходу крикливую вечорку, был я остановлен некоим поджарым субъектом.

— На несколько слов, господин,—благожелательно блеснув темными глазами, пригласил меня этот субъект присесть на скамью.—Не удивляйтесь! Я давно слежу за вами (за лацканом пальто мелькнул характерный значок), но я не сделаю вам зла. Я убедился в вашем идеализме. Нет! Вы не работаете на деньги наших врагов! Я знаю, что живете в том же сарае, где ваша нищая типография. Знаю, что ее арендует ваша редакция. Вы сами ранним утром приводите ее в порядок и весь день читаете, пишите, корректируете...

Я видел третьего дня, как вы везли на тележке,—а ведь это издалека, с Леваллуа Перре!—уголь для отопления вашей мастерской. Было очень холодно, но вы обливались потом...

Я знаю ваши привычки, знаю, как вы кормитесь. Да, вы проживаете в день не больше франка. Знаю всех ваших товарищей. Идейные люди. Странные люди!.. Чего вы собственно хотите?.. Вы извините! Этот вопрос вам задает не сыщик. Я французский патриот. Я освобожден от фронта, как чахоточный. Но я человек образованный. Я восхищен вашей культурой: Тургенев, Толстой, Достоевский...

С холодным любопытством выслушав этот поток, я встал:

— Это все? Извините. Мне некогда, спешу.

И ушел, не заметив протянутой „шпиком“ руки.

Республиканская цензура не разделяла сентиментализма французского сыщика. Наша газета беспощадно кромсалась цензорским карандашом. Невероятных усилий стоило протащить сквозь нее интернационалистскую оценку того иль иного факта...

В РОССИИ РЕВОЛЮЦИЯ!

Царь пришел к тому убеждению, что он будет сильней в этой войне, если народы станут более свободными и будут в праве больше распоряжаться собой.

(Социалист Марсель Самба.)

Да здравствует царь! (Эрве в «Victoire».)

...В знакомом бистро пью мой скудный утренний кофе. Кабатчик, сияя самоварной рожей, подмигивает:

— Слушай, русский! Знаешь ты, Распутин убит? Выпьем по этому случаю!

— Охотно... Но почему ж ты рад?

— Как—почему?! Ведь он—германский агент! Вот что пишут: „Распутин убит, и убиты с ним германские интриги!" Ты знаешь? Сепаратный мир! Русские хотят вести войну серьезно.

Еще с середины шестнадцатого года печать Франции глухо заговаривает, тревожно нашептывает о „темных влияниях", бродящих около трона, о происках немцев, о подготовке сепаратного мира.

Во Франции довольно широко знали, что немцы тотчас после разгрома, нанесенного ими русской армии, предложили царю сепаратный мир. Немцы соглашались уступить в сербском вопросе, передав спорные для царя пункты на решение

третейского суда; немцы настаивали на продвижении границы Восточной Пруссии до линии р. Нарева, но готовы были компенсировать русских куском Восточной Галиции; Россия не получала Константинополя, но ей представлялся свободный проход проливами и, может быть, островок в Эгейском море; русским обещалась доля в Багдадской железной дороге, царь получал свободные руки в Персии, и Германия обязывалась помочь России расплатиться (в долгах) с Францией. Германия намекала при этом, что условия мира могли бы стать еще благоприятнее, если бы Россия помогла заключить сепаратный мир с Японией.

Было известно, что сильная придворная партия—Штюрмер, Маклаков, Протопопов, возглавленная царицей и поддержанная Распутиным, склоняется к принятию этих условий.

Но знали и о том, что правым придворным ругам противостоит торговопромышленная буржуазия, представленная в Государственной думе „прогрессивным блоком". Тесно связанная с антантовским капиталом, нагуливавшая деньгу и значение на войне, мечтавшая об ответственном пред нею правительстве, она—за войну „до победного конца". При поддержке генералитета она как будто победила у трона. На обращение немецких императоров к державам Антанты с призывом начать мирные переговоры Николай II ответил приказом по армии и флоту от 12 декабря, в котором объявил, что время для заключения мира еще не наступило, так как „достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливом, равно как создание свободной Польши из всех трех ее, ныне разрозненных, областей, еще не обеспечено".

Это было ответом и на указанные германские предложения—Константинополь, а не только свободный проход проливами; вся Польша, не только прирезок из Восточной Галиции, да еще в обмен на „русские земли" до р. Нарева!

„Да здравствует царь!"—возопила единодушно печать Французской республики.

Но ответственные политики Франции не были успокоены

и продолжали напряженно следить за борьбою разных влияний у царского трона.

Особенного внимания удостоивались речи лидеров прогрессивного блока в Государственной думе—выступления Милюкова против Штюрмера, о Трепове, будто бы сорвавшем обещания Сазонова полякам, об „ужасных часах" и т. д. Таганцева, „о темных силах, собирающихся захватить власть"; их (эти „силы") называли, вслед за „Русским словом", поименно: епископ Варнава, митрополит Питирим, князь Андронников, Распутин, Манасевич-Мануйлов...

И убийство Распутина встречено было во Франции общим ликованием...

Но вскоре появились новые слухи о подготовке в России сепаратного мира. Однако „царь рассеивает тучу": Сазонов едет в Лондон, значит—Россия „твердо, надежно идет с союзниками!" Правда, „патриотическая" Дума отсрочена на месяц, и „подозрительный" Протопопов не разрешил конгресса земств, но ведь Николай II упомянул в рескрипте, распускающем Думу: „Правительство ожидает в экономической работе поддержки земских учреждений, созданных Александром II", царь обещает проводить работу по питанию и снабжению армий и улучшению транспорта в согласии с Государственным советом, Думой и земствами... Все, как видите, благополучно...

И через несколько дней—новая сенсация... Отставка Трепова, приход Голицына, который провозглашает, что не может быть и речи об ответственности правительства перед Думой!.. „Россия больна и, прежде чем победить Германию, должна победить себя".

И вновь странные вести о движении представителей десятков тысяч питерских пролетариев к Государственной думе с требованием от прогрессивного блока решительной борьбы с правительством. Парижская печать объясняет—русские рабочие требуют лучшей организации войны.

Изо дня в день подхватываются сумбурные вести из Рос-

сии... Так много ожиданий связано с русской армией! В начале февраля ведь военное совещание союзников в Питере. Из него должно вырасти генеральное, повсеместное наступление на немцев...

С упоением французская печать приводит высокопатриотические заявления лидеров прогрессивного блока: „Да, это оппозиция, но это лойяльная, это патриотическая оппозиция!"

Это—„бунт на коленях". Ведь Государственный совет кричит, ибо „камни иначе возопиют"; даже съезд дворян заявляет: „Надо устранить влияние темных сил на дела государственные и создать русское по мысли и чувству правительство, пользующееся народным доверием и способное к совместной работе с государственными учреждениями".

28 февраля „Тан" сообщил: „24 февраля Дума собралась в спокойствии... Пуришкевич, герой распутинской истории, смеется над сменой кабинетов".

А через несколько дней... Ни слова о России. Русских газет нет... Напряженно прислушиваемся мы к этой тишине...

Легкий мартовский вечер, сиренево-томный в прелом дыханьи весны. На малолюдном Авеню д'Орлеан, в кафе, прокуренном и грязном, за мраморными столиками—пестрые разговоры русских эмигрантов. Сегодня—никакого доклада. Так, после работы коротается вечер... Главная тема как нельзя далека от потрясающих событий войны. Пожилые дяди обмениваются весьма оживленно яркими впечатлениями. „Нет! Обязательно пойдет! Это замечательно! На бульварах идет уже шестая серия..."—„А как вы думаете, кто в черной маске?"—„Очень просто! Конечно, Раймонд!"—„Ну, нет! Чарли!.." Загорается спор. „Ну, что ваши „Тайны"! Я предпочитаю „Вампиров!.."

И вдруг вбегает... Кто—не помню... К нашему столику... „В России—революция!.. Да, да! Царь отрекся... в пользу Михаила... Образовалось Временное правительство во главе со Львовым... Нет! Это так! Мне только что передал Бракэ (социалистический депутат)... Телеграммы задержаны цензурой"...

...Прогрессивный блок руководит движением?! Царь отрекся в пользу „великого князя“, конституционная монархия в современной России?!

Вздор! Не отвечает соотношение сил! Рабочие не допустят, чтоб ими воспользовались как пушечным мясом! Взбудораженные, вступаем в горячие споры. Как всегда, Гриша Беленький особенно кипятится.

...Русские газеты упорно не приходят. Цензура давит. Смутные, противоречивые сообщения из Лондона. 13 марта в „Matin“ — интервью с Думером, только что вернувшимся из России, где пробыл 24 дня: „Прекрасное впечатление... сердечное отношение и доверие... Полная решимость вести войну до конца“. И только вечером 13-го в „Temps“ под заголовком „Бабий бунт“ сообщение Петербургского телеграфного агентства:

„Падавший этой зимой чрезвычайно обильный снег создал серьезные затруднения в перевозке хлеба по железным дорогам и в регулярном подвозе в Петроград. Эти затруднения вызвали у населения боязнь, совершенно не обоснованную, что запасы скоро совсем исчезнут, и жители столицы, уступая чувству паники, начали закупать наперебой эти продукты, создав этим более или менее значительный недостаток съестных припасов.

Этот факт подтолкнул чернь, и главным образом женщин, в разных кварталах к беспорядкам, которые благодаря принятым энергичным мерам нигде не приняли серьезного характера.

Одновременно сделаны экстренные распоряжения, и, между прочим, организована муниципалитетом публичная продажа хлеба в различных кварталах города.

В то же время снег уменьшился, дороги расчищены, и подвоз продуктов к Петрограду начал приближаться к нормальному“.

И „Temps“ дополняет:

„Генерал Хабалов обещал, что мука будет“... „Арестованы рабочие, члены Центрального военно-промышленного комитета. Коновалов и Милюков протестуют“...

Рядом—радио о роспуске Государственной думы.

Вечером 14 марта „Temps“ сообщает.

„Серьезное положение в России.—Новости, прибывающие к нам из Англии, заставляют полагать, что положение в России серьезно. Происходят, очевидно, беспорядки в Петрограде и Москве; беспорядки, рожденные продовольственными затруднениями, которые нервируют народ, беспорядки, причиненные также поведением Протопопова, левого, перешедшего направо и не любимого в Думе, единодушно не одобряемого народом и армией“.

И опять—молчание в печати и слухи, слухи и тревожные подозрения.

16 марта в „Victoire“ Эрве касается запретной темы. Ссылается на более свободную английскую печать. Отмечает голодные беспорядки женщин в Питере; речь Милюкова („подобие Мирабо“) в Думе против министра продовольствия; в связи с этим роспуск Думы до апреля и огромные шествия стачечников против этого роспуска. Это движение лойяльно; эти массы—„не против царя, но против бюрократии“; царь создает парламент, расширяет права земств. Бюрократия оскандалилась в войне (арест Сухомлинова, Штюрмер за сепаратный мир, Протопопов, кризис транспорта). „Это движение глубоко национально, Дума обуреваема горячим и просвещенным патриотизмом и является надеждой всех русских патриотов. Как же будет действовать армия, если она узнает о ее роспуске?“

Только 17 марта цензура дала нам возможность поместить в нашей газете („Начало“) без всяких комментариев сообщения и письмо т. Урицкого (из Стокгольма) о событиях в Питере по 22 февраля ст. ст. (7 марта). Но попытка наша в следующем номере „Начала“ осветить эти события не удалась—от статьи остался лишь заголовок: „Революция началась“. Выбелен цензурой и наш ответ, в духе революционного интернационализма на социал-шовинистское приветствие французской социалистической партии по адресу русской эмиграции во Франции.

Цензура упорно не давала нам выразить свое отношение к

русской революции. Передовица в № 145 „Начала“ от 22 марта сохранила опять-таки только заголовок: „Под красным знаменем“. Статья говорила о неизбежности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Но этой отчетливости не было в привете Петроградскому совету депутатов, посланном парижским эмигрантским комитетом. В комитете участвовали 23 организации; его президиум состоял из эсера Агафонова, Лозовского (члена редакции „Начала“), правого эсера Лебедева, Рашкеса, меньшевика Тасина и (от кого?) Гиршфеля. После продолжительных прений разношерстный президиум, обойдя вопрос о войне и мире, сошелся на вовсе недостаточной формуле—пожелания „довести демократическую революцию до победного конца“.

Борьба мнений перелилась на широкие эмигрантские собрания. В Клубе интернационалистов и в рабочем Монмартрском клубе было как будто полное единодушие. „Как будто“, ибо троцкистский оттенок, представленный Ш. Раппопортом, Дридзо-Лозовским, Левой Владимировым, сказывался в недостаточно четком понимании перерастания революции в социалистическую и необходимости для руководства этой революцией однородно классового, пролетарского правительства. Сказывался он и в колебаниях в вопросе организационном— необходимости в России только единой интернационалистской партии, т. е. партии большевиков.

Расхождения иного смысла выявились на массовых собраниях эмиграции. Их состоялось (в марте) три. Особенно памятно собрание (22 марта) на rue Cordelirs, в библиотеке эсеров.

Докладчиком выступил Виктор Чернов. Он взывал патетически, потрясая пушистой бородкой, к священному единению:

— Там, в России, нас рассудит общественное мнение великой социалистической партии, которую необходимо создать и под руководство которой надо поставить торопящиеся события... (Выкрик: „А социал-патриоты?“). В питерском восста-

нии не спрашивали, кто ты, рядом дерущийся против общего врага?..

Сладко-маниловским речам эсеровского папаши Клуб интернационалистов противопоставил слова четкой и непримиримой революционности. Гриша Беленький, как всегда, беспощадно жестикулируя и пенясь, кричал о необходимости раскола по революционно-интернационалистской линии. Автор этих строк дополнял Гришу; говорил о различных классах, участвовавших в Февральской революции, участвовавших в ней с различными целями, отмечал, что и то крестьянство, которое представлено вихляющимся интернационализмом Чернова, неоднородно... В своей стране мы повторяем, в иной обстановке, попытку коммуны, раздавленной в Париже. Она была раздавлена потому, что крестьянство пошло с буржуазией против нее. Борьба за будущее нашей коммуны есть борьба за влияние на крестьянство, борьба с буржуазией за основные массы деревни. Чернов—проводник влияния буржуазии в эти массы. Не по дороге нам с Черновыми!..

Виктор Чернов не выдержал. Неожиданно вскочил на стол и с глубокой грустью в бархатистом баритоне запел о „ветхом Адаме, живущем в некоторых из нас“. „Загляните внутрь себя и очиститесь, иначе жизнь русская вас отбросит. Ибо русская жизнь на путях вселенского единения, осуществления великих заветов „Земли и воли“ и т. д., и т. п.,— в поэтическом жару, почти в самозабвеньи влюбленного в себя тетерева.

Виктор Чернов имел громадный успех на этом открытом собрании эмиграции. Ведь здесь было не мало просто обывателей, извлеченных, наконец, из политического небытия разразившейся на „родине“ бурей.

Мы попытались. на следующий же день в нашей газете углубить ответ барду „общедемократического единения“.

„Под влиянием великих российских событий очень многие из наших товарищей размагнитились, настолько почувствовали себя именинниками, что готовы устроить нечто вроде вселен-

ского „прощеного дня“: Да и не один тут „именины сердца“, здесь сказывается то, что интернационализм у многих был не чем иным, как идеологией эмигрантского отщепенства, а не вытекал из подлинно-кровной связи с подлинно-классовым рабочим движением. На этом пути многие недавние интернационалисты скатываются ныне даже прямо к оборончеству. Блудные русские сыны обретают наконец свою родину... И порой так заговариваются, что сам покойный Алексинский расцвел бы лопухом от радости, ежели бы мог их услышать... Чернов... как нельзя более попадал в тон этому настроению; сворачивал в тот же национальный закоулок, в который торопится, голову сломя, взбудораженная русская душа недавних отщепенцев, жаждавшая втайне Сиона и обретшая наконец свой Сион... Призыв Чернова был по существу призывом к священному союзу, к национальному единению. Он исходит из единства борьбы у Зимнего дворца, но не хочет знать, что от этого перекрестка расходятся пути. Ему представляется одной светлой и широкой дорога будущего России... Совсем вне времени и пространства витает восторженный духа нашего певца единения“. („Начало“, № 147, 21 марта 1917 г.)

Дальнейших пояснений не выдержала стыдливая „мадмуазель Сизо“ (цензура)... Более того, самая наша газета была по настоянию русского посольства закрыта „на месяц“, а затем и „на все время военного положения“, с тем, чтобы появиться вновь (с 5 апреля) после чрезвычайных мытарств (смены ответственного издателя, типографии и т. д.) под именем „Наша эпоха“.

По закрытие интернационалистической газеты не сорвало нашего воздействия на российскую эмиграцию. Уже на следующем, за „черновским“, собрании эмиграции (25 марта), созванном коллективом политических групп, мы (Клуб интернационалистов) восторжествовали, проведя, в противовес социал-оборонцам, интернационалистскую резолюцию приветствия вождю российской революции—пролетариату. 31 марта—такой же успех на митинге еврейских общественных организаций.

СОВЕТЫ СОЦИАЛ-ПАТРИОТОВ

Россия свободна! Какая радость! Какое опьянение! Это—прямо стать сумасшедшим от радости!

(«Victoire», 17 марта 1917 г.)

Печатное слово революционных интернационалистов было заглушено, зато полнозвучно пели социал-патриотические и просто гнусавые парижские газетки.

От социалистической „Humanité" до солидно-плутократического „Temps", все в один голос—о единстве движения в России и о патриотическом его характере. И как всегда, особенно пылок ренегат Эрве:

„Чувствуешь себя пьяным, как при известии о победе на Марне. Русская нация осуществила свой 89-й год.

Какая пощечина блеющим пацифистам... которые не понимают, что эта война является революцией, освобождающей и русский народ и немцев. Мы ждем громадного подъема в русской армии. Это сама душа этой святой войны пылает в этот час над тюрьмами, сжигаемыми в Петрограде".

И вдохновленный Монтегюс запевает достаточно бездарно, но высокопатриотически, на мотив „Слава 17-му".

„Привет, привет вам, народ и солдаты России! Привет, привет всем, потому что вы спасаете свое отечество! Привет, слава и честь Думе, которая, суверенная, разобьет завтра, для вашего счастья, навсегда ваши цепи!"

Во всех газетах:

„Новое правительство единодушно за войну до конца“.

„К победе через свободу“.

Идут подробности о революции. Дума—во главе ее!

И очень подчеркнуто: „Исполнительный комитет Государственной думы в Петрограде—в неразрывной связи с Бьюкененом (английский посол в Петрограде), человеком замечательной энергии; в течение последнего года его роль в столице России самого первого разряда“.

Социалисты в правительстве стоят за войну до победы!

Циркуляр Милюкова союзникам:

„Россия будет сражаться на стороне своих союзников против общего врага до конца, без передышки и без ослабления“.

18 марта Общество изучения Великой французской революции, по предложению профессора Олара, решает послать председателю Государственной думы Родзянко такую телеграмму:

„Общество по изучению истории французской революции на своем собрании в Сорбонне чувствует себя охваченным восхищением и полно симпатий к русской революции. В проникающем ее идеале героизма и в особенностях русского гения оно видит дело французской революции. Общество гордится этим сходством, оно приветствует ваших Мирабо, ваших Дантонов, ваше взятие Бастилии, ваш день 10 августа. Оно будет вскоре приветствовать ваших Келлерманов, ваших Журданов, ваш Вальми, ваш Флерюс. Как французы 1793 года, вы совершите вашу революцию как для себя самих, так и для всего мира. Мы думаем, что будем выразителями всех французских историков, если отведем Думе и русскому народу почетное место в истории человечества“.

Жюль Гэд дает телеграмму в „Русские ведомости“:

„Победа сначала, республика потом. Группируйтесь вокруг Временного правительства. Все, что может разделить Россию в нынешний час, творило бы дело германского кайзеризма и, следовательно, русской реакции, которая сможет вернуться только благодаря поражению. Вашему Учредительному собранию предстоит выполнить огромную работу: работу орга-

низации победы и управления до победы. После того оно даст свой режим победоносной России".

24 марта в „L'Humanité" представитель социалистов-революционеров в исполкоме II Интернационала Рубанович заверяет: „Это русская нация выпрямляется перед русским милитаризмом. Нация очистит землю от врага"... И прочая дребедень в том же стиле, столь родственном этому розовенькому пустозвону.

Но все четче нотки тревоги в сем ликованьи...

Вкусивший когда-то от социализма Эрве (уже 17 марта) взывает к „русскому народу":

„Ваша молодая Россия, зрелая для 89-го, не зрела еще для 93-го года!"

А 23 марта французская печать с огорчением отмечает арест царя:

> „Это известие заставило нас во Франции немного нервно дернуться (tiquer) Опыт Франции и Англии показывает, что акт насилия в отношении повелителя развяжет гражданскую войну. Не надо террора—не знаешь, где остановишься. Массы русского народа не обучены, несознательны, они же громили когда-то евреев, куда они зайдут? „Бойтесь внушать страх".

Тревожные вести копятся:

> „В Петрограде два несовместимых правительства, борющихся за власть—правительство Львова и правительство Чхеидзе, председателя Рабочего совета".

И уже встает перед французскими „жюскобютистами" вопрос: а не пойдут ли русские рабочие и солдаты против войны? Эрве успокаивает:

> „Они не евнухи и не идиоты; они знают, что победа немцев—это победа реакции и милитаризма; они знают, что нужно разбить единственную Бастилию в Европе—прусскую".

И уже в союзнической печати—некоторое беспокойство по поводу „прокламации" Временного правительства о его целях. „Даже французская революция не заходила столь да-

леко“; „Никогда режим, освященный тысячелетиями, не был предметом попытки столь радикального уничтожения“.

(И характерно, что эти опасливые нотки перед „радикализмом“ русской революции раздаются и с немецкой стороны („Lokal Anzeiger“). Старая буржуазно-демократическая Европа, без оттенков патриотизма, склоняется к роли международного жандарма по отношению к русской революции.)

И уже 29 марта „Matin“ кричит о невозможном поведении пяти членов Исполкома рабочего совета Петрограда. Они, мол, изменяют делу союзников, требуя мира без аннексий—такой мир лишь закрепил бы осуществленные в прошлом аннексии.

Русская революция приходила, казалось, как нельзя вовремя. Французский тыл потрясен жестокой нуждой, непереносными лишениями. И вот кошмар царизма и сепаратного мира России с Германией отпал. Россия становится единой для войны до победного конца. И русская революция стучится в двери кайзерского дворца. Неизбежен моральный упадок в рядах армий кайзера.

Но далеко не все во Франции так расценивали российскую революцию.

«МАРСЕЛЬЕЗА» ПОБИТА «ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ»

На Авеню Жан Жорес—небывалое оживление. Перед входом в обширный зал—серая волнующаяся масса. Зал набит, и новые людские толпы широко заливают панели богатой авеню.

„От имени Лиги прав человека и гражданина"... митинг в честь русской революции открыт.

На трибуне полнокровная дама. Мадам Шлефряков (представляет ее кто-то) споет гимн русской революции „Вы жертвою пали"... Под аккомпанемент рояля сумрачно звучит похоронный марш. Пять тысяч человек встают в молчании, обнажив голову.

Вице-председатель Лиги прав Виктор Баш произносит вводное слово о героях русской и других революций—невообразимая смесь имен, беспринципная мешанина! Трарье (ирландец), Прессансе („против еврейских погромов") с Пьером Кючилляром, Жан Жорес (вся зала встает, обнажив голову), Тургенев, Герцен („Колокол"), Толстой, „жертвы Сибири", „молодые девицы", покидающие семью ради служения народу, отказывающиеся навсегда от любви и богатства...

— Для всех этих жертв—ныне день славы, день возмездия, возрождения, которое обеспечивает триумф свободы... Но недостаточно завоевать свободу. Нужно еще ее сохранить, орга-

низовать, а для этого нужно победить, восторжествовать над германским милитаризмом...

— Над французским—также!—резкий крик с галлереи врывается в добродушное воркование Баша.

— Долой милитаризм!—подхватывают с разных сторон... Мой сосед Гриша уже в крайней ажиотации—вплетает свой фальцет в басистые раскаты глоток „батиман"[1]...

— Долой Вильгельма!—пытается перекричать группа „амбюске".

— Долой войну!—грохаем мы...

Хорошенькое начало!.. В общем гуле Виктору Башу удается вставить: „Мир будет возможен тогда, когда Германия последует примеру России"...

В шопотах затихает зал.

Изящный, худощавый Виктор Берар подхватывает нить, поданную Башем. „Кто убил царизм? Вильгельм II. Это он четверть столетия толкал в пропасть царя Николая. Это он интриговал, заведя его в Манчжурию и помешав в 1905 году ухватить момент, удобный для необходимых реформ. Но Вильгельм II обманул не только Николая II, но и весь свет". Крюгер, Абдул-Гамид—кровавый султан, Абдул-Азис... Они все исчезали, как и король Болгарии и его дорогой кузен, король Греции... Будем же петь гимн 48-го года. „Будем петь за независимость света"...

— Chantons la Carmagnole,—парирует кто-то, напоминая популярную песнь подъема Великой французской революции...

Счастливо проведшего речь Берара заменяет маститый академик Олар.

Конечно,—о французской революции, о Людовике XVI и о Николае II. Две иностранки на троне. „Но Россия в три дня свершила то, что Франция в три года. Но русский народ не должен заснуть на своих победах. Надо итти до конца, надо победить и в войне и в социальной революции"...

---

[1] Строительные рабочие.

— Долой войну!—возмущенно грохают трибуны.

— Долой войну! Долой войну! Долой!—скандируют десятки, сотни глоток...

И под этакий аккомпанемент на трибуне, взамен кругленького Олара, появляется изящный экспредседатель II Интернационала Вандервельде.

— Долой предателя!

— Да здравствует Бельгия!

— Долой ренегата! Долой Вандервельде!

В грохоте протестов прорывается:

— Мы все рады, что умер царизм... На одной стороне—автократы, на другой—свободные народы... Если кайзер победит,—конец свободной России. Но русская революция не допустит...

Конец пышного периода безнадежно тонет в грохоте сотен глоток: „Долой войну! Долой войну! Долой!"

На выручку—опять дама. Бледная мадам Северин белым своим видением смягчает страсти. Ей удается высказать несколько дешевых пошлостей о роли женщины в русской революции (жены декабристов, Вера Фигнер и еще кто-то).

На трибуне—самодовольная рожа на массивном туловище отъевшегося „амбюске": Ренодель. Враждебный шопот пробегает по залу.

— Русская революция очищает почву. Союзные демократии защищают великое дело освобождения всех народов...

— Ренегат!—яростный крик прорезает реноделевское красноречие.

Покраснев, наследник Жана Жореса, напрягает бас:

— Великое дело союзников было омрачено кровавой тенью...

— Предатель! Долой предателя! Долой предателя! Долой!—скандируют уже сотни глоток.

Друзья Реноделя пытаются поддержать его аплодисментами. Но в необразимом реве тонет реноделевский бас.

Рядом с Реноделем вырастает тонкий изящнобородый Жуо. Властным и вместе мягким жестом аншантера (очарователя),

любимца массовых собраний, он как будто успокаивает шум. Но при первых же словах певучего баритона, по незаметному знаку, сотни людей почти разом протягивают к трибуне правую руку, раскрывая и смыкая ладонь птичьим клювом: безмолвный жест, приглашающий оратора заткнуть глотку.

— Ta gueule! („Твая глотка!")—властно поясняет чей-то бас.

Жуо краснеет, бледнеет, сбивается, безнадежно смолкает под беспощадно презрительным жестом целого леса мозолистых лап.

Виктор Баш пытается прилично закончить. Встает, читает резолюцию „от имени пяти тысяч собравшихся"—„за общество наций", завоеванное на полях сражений и в мирной дискуссии"...

— Долой!—заглушает Баша возмущенная толпа.—Долой!

В помощь председателю сотня молодцов, мобилизованных социал-патриотами, вдруг затягивает патриотический гимн: „Идемте, дети отечества".

Но увы! Первый же куплет перебит мощным „Debout, les damnés de la terre". „Интернационал" хоронит „Марсельезу"...

Несколько рослых ребят в широких шароварах и красных кушаках „террасье" врываются на трибуну. Председатель спасается в заднюю дверь. Ренодель слетает, теряя по дороге с лица последний остаток самоуверенной наглости.

Пение смолкает. Мощным голосом выкрикивает внеочередной рабочий оратор:

— Они говорят—продажный, развратный царизм. А наша-то республика—Марьянка, гулящая девка! Не она ль держала Романовых на содержании? (Верно! Браво!) Русский народ пришел к власти. Да, пришел. Они говорят—пришел, чтобы делать войну. Это, мол,—малая революция для большой войны. Ложь! Народ не хочет войны. Не надо ему Дарданелл. Он—за мир, за немедленный мир. Долой войну!

Общий грохот. Опять „Марсельеза", и вновь „Интернацио-

нал“. Тысячи глоток подхватывают его и выносят наружу, на залитую народом Авеню Жан Жорес.

С галлереи в толпу вихрем летят белые листовки. Их жадно подхватывают. „Письмо т. Ленина к французским рабочим“.

> ...„Раскол рабочего движения во всем мире есть факт. Налицо—две непримиримых тактики и политики рабочего класса по отношению к войне“.
>
> ...„Мы провозглашаем великое международное объединение тех социалистов всего мира, которые в данной войне порвали с лживой фразой о „защите отечества“ и работают над проповедью и подготовкой всемирной пролетарской революции“.

БЕСПОКОЙСТВО РАСТЕТ...

Из России наплывают все более противоречивые вести Сквозь сито французской цензуры просачивается далеко не вся правда. Но и то, что просачивается, не может не волновать глубоко французских социал и прочих патриотов.

Поражение русских на Стоходе.

> ...„Исполнительный комитет Питерского совета высказался против всего, что дезорганизует армию, и в то же время принял резолюцию, что Временное правительство должно объявить всем народам, что Россия поведёт войну только обороны, пока Германия и Австрия не объявят, что они против завоеваний и не согласятся обсуждать условия мира без аннексий и контрибуций“.

„Но это же все от Штюрмера!“—возмущается Эрве: „Конечно же, немцы под этим обеими руками подпишутся, ибо им приходится очень плохо“.

И вот облегчение: Керенский! „Сохраним наш энтузиазм, чтоб оттолкнуть вражеское нашествие“.

И опять: „Русская революция в опасности“. Манифест князя Львова возбуждает беспокойство. Временное правительство—в столкновении с советами.

На следующий день возникает надежда, что „армия противостанет саботажу революции и войны“: гарнизоны Петрограда, Москвы заверили, мол, в этом Керенского... Шведский со

циалист Брантинг в Питере выступает против пацифизма. Представители Исполкома призывают рабочих на заводах к спокойствию.

Речь Плеханова на торжественном приеме в Питере: „Я люблю свое отечество“.

Заявление Брусилова: „Солдаты и офицеры наблюдают с грустью двоевластие. Уважаем советы, но пусть не мешают управлять. Против выборного начала в армии. Война должна продолжаться до победы“.

И вдруг:

„Стокгольм, 16 апреля.—Ленин, во главе кинтальской крайней левой, прибыл в Стокгольм из Цюриха, снабженный германским пропуском“...

Но ура! Ленин „плохо принят на родине!“

„Петроград, 19 апреля.—Революционер Ленин, который прибыл в Петроград под покровительством Германии, для проповеди своим соотечественникам сепаратного мира, только что потерпел полнейшую неудачу. Он счел возможным в речи, произнесенной перед Советом депутатов, говорить о необходимости заключить мир и свести Россию, собственно говоря, к Московии, окруженной малыми независимыми государствами. Он не мог закончить своей речи,—негодование слушателей было таково, что он должен был бежать под гиканье и свист“.

И столь же весело:

„Железнодорожники Казань—Екатеринбург требуют войны до конца“... „Заем свободы проходит блестяще“...

...„Солдаты-дезертиры возвращаются на фронт. Самый авторитетный из русских социалистов Плеханов в обращении к армии призывает держать фронт и сражаться до победы“... „Альбер Тома—в Петрограде“...

...„В Гельсингфорсе, в присутствии французских моряков, русский флот вынес резолюцию в духе войны до конца“...

...„Милюков опровергает слухи о переговорах с Германией“.

...„Вчера на большом митинге в Петрограде один сторонник Ленина принят как провокатор... Сам Ленин освистан на другом митинге“... „

...„Плеханов и Кропоткин—против Ленина. Фронтовики—за войну до победы“...

...„Моряки-балтийцы, встречавшие Ленина почетным караулом, сейчас настроены против него и заявляют, что, если бы знали его идеи, то встретили бы его не криком „ура“, а „долой“!..“

...„Плеханов хоть и болен, но он—душа русского пролетариата, и число его сторонников все растет. Ленин теряет почву. Он ныне уверяет, что дурно понят. Он никогда не советовал бросать оружие, но только заключить как можно скорее мир“.

„Ленин в меньшинстве. Его проповедь войны с Временным правительством и братания с немцами вызвали реакцию. Сами циммервальдцы смущены ею. Керенский, Чхеидзе, Церетелли против него“...

„Ленин подорвал свой авторитет. Дитя выглядит хорошо. Большевики слишком глупы“.

Наконец:

„Телефонные барышни отказываются давать соединения с домом балерины Ксешинской, который стал центром сторонников Ленина и газеты „Правда“, органа анархо-революционеров“.

С наслаждением смакуют французские шовинисты подобные сообщения. В особом восторге Эрве. „Будет ли Ленин распутинзирован (rasputinisé?) — спрашивает он в своей газетке.

„В генеральный штаб направлена прокламация, подписанная: „Партия борьбы с германским шпионажем“. В ней говорится о прибытии в Петроград шпиона Ленина. В ней угроза— расправиться с Лениным, как с Распутиным“.

И через несколько дней, предвосхищая социал-фашизм:

„Надо спешить с Учредительным собранием. Но и это не спасет от вредной агитации. Нужно меньшинству противопоставить меньшинство: революционную гвардию социализма, которая будет наблюдать и, в случае нужды, примет хирургические меры против прежних товарищей по борьбе“.

29 апреля из Петрограда сообщают о „громадной патриотической манифестации, организованной Союзом инвалидов

войны. До 200 знамен и между ними—с надписью: „Долой Ленина! Вернись в Германию!“ Свыше 50 000 демонстрантов подошли к Таврическому дворцу, провозглашая верность Временному правительству, союзникам и требуя „войны до победного конца“.

„Петроград, 26 апреля.—Было бы ошибкой преувеличивать опасность пропаганды Ленина и вообще социал-демократов. Если есть опасность, то не тут. Большое неизвестное—это крестьянская масса. Она сейчас загипнотизирована одним вопросом: разделом земли, и показывает в некоторых губерниях готовность разрешить его без промедления.

Аграрные беспорядки, которые разразились в нескольких губерниях, приняли характер серьезный, тем более, что земельные собственники, пред угрозой будущей потери их имущества, не хотят обсеменять.

Провинциальный съезд крестьян в Пензе, сердце России, принял резолюцию за социализацию земли и образовал губернский совет крестьянских депутатов“.

Правительственные комиссары сняты, предводитель дворянство и все члены пензенской городской управы арестованы“.

Угрожающий вопрос—это вопрос о крестьянах, жаждущих земли. Они, говорят, сейчас возвращаются на фронт, но что будет, если Учредительное собрание провозгласит раздел земли!?..

„Во Франции аграрный вопрос решен в 1789—1791 годы, а революционные войны начались весной 1792 года. В России, во время войны крестьянство добивается земли...

Они хотят более чем луны,—они хотят, чтоб в России, которая имеет только зачаточную индустрию, слабо организованную и тонущую в крестьянском море, рабочие стали господами заводов и индустриальной продукции, и для торжества социальной революции хотят мира без контрибуций и аннексий. Их—горсточка интеллигентов и библиотечных крыс. Но бедные рабочие, невежественные или экзальтированные, идут за ними с энтузиазмом“ („Victoire“).

Столь же внимательно следят за событиями в Германии. Тревожно: „Кайзер обещал после войны демократические реформы“... Злорадно: „Раскол среди немецких социал-демо-

кратов—образование „Рабочего объединения“... Ликующе: „Двести тысяч забастовщиков в Берлине... Голодные бунты!“

Скудны и зачастую злостно-фальшивы были сообщения из России и из Германии. Но мы получали чрез Стокгольм и Швейцарию и другие сведения. Мы напряженно следили за борьбой, развивавшейся в России.

Новая размежовка назревала в нашей среде. Разногласия окристаллизировались и в нашей газете. Лева Владимиров (статья „Основные вопросы“ в „Новой эпохе“ от 22 апреля) оставался в плену троцкистской идеологии: „Ближайшая социально-экономическая эволюция в России находится в теснейшей связи с тем, что день грядущий готовит капиталистической Европе“, и отсюда—весьма последовательный вывод, что в России возможна лишь демократическая революция; задача пролетариата—создание общедемократического правительства, а отнюдь не захват власти.

С. Силину (мой новый псевдоним) никак не удавалось, под цензурным наблюдением, развить полностью свои взгляды. С известным приближением он выразил их в статье „Диссонансы“ (в № 5 „Новой эпохи“ от 20 апреля).

> „Какое счастье быть русским!“—восклицает в истоме Суворин-сын („Вечернее время“). Газета банкократии „Русская воля“ возглашает: „Да здравствует республика!“ Через всю страницу „Финансовая газета“ утешает: „Это социальная реформа, а не социальная революция“.
>
> Чернов объединяется с Керенским. Офицеры-патриоты качают Чхеидзе. И „Рабочая газета“ доказывает необходимость оказать поддержку Временному правительству и не выдвигать крайних классовых рабочих лозунгов, ибо это было б на руку реакции.
>
> И лишь одни „правдисты“ (ленинцы) призывают к развитию русской революции в международную; не смущаясь „социальной отсталостью страны“, зовут пролетариат к захвату власти; пытаются организовать третью силу, которая своим внушительным вмешательством могла бы положить конец борьбе двух великодержавных группировок, положить конец и тому строю, который вызвал и питает эту международную борьбу.

...Несмотря на вой буржуазии и её охвостья, рабочие идут с „экстремистами“. Но не только рабочие. Победа в феврале достигнута с переходом солдат на сторону рабочих, т. е. с поддержкой крестьянства. В совете теперь крестьяне заглушают рабочих, и они в большинстве—оборонцы, но лишь до той поры, пока не поймут, что земля только тогда будет надежна в руках крестьян, когда они ее захватят, не дожидаясь суда и решения Учредительного собрания... Союз между рабочими и крестьянами может упрочиться, и русская революция сможет быть развита лишь при этом условии“.

Статья наша вызвала негодование Р. Григорьева, меньшевика-„интернационалиста“, приславшего в „Новую эпоху“ письмо, защищавшее Чхеидзе.

Мы ответили:

„Чхеидзе и поддерживающие его меньшевики занимают в вопросе о войне ныне целиком позиции лонгетистов и (как ни отмахивайтесь) Шейдемана. „Мы защищаем демократию, свободу демократического развития против варварства“,—это их общий язык... Занятая Чхеидзе, Керенским и большинством Совета рабочих и солдатских депутатов оборончеcкая позиция играет на руку международной империалистической буржуазии и в данных международных и русских условиях помогает продолжению войны и саботированию революции. И, наконец, совершенно неверно, что Временное правительство отреклось от былых целей войны,—вопрос еще далеко не решен и для России, и тем паче для ее союзников, договор с которыми русское правительство обязалось соблюдать“.

О роли меньшевистской „Рабочей газеты“, руководимой Потресовым и прикрытой меньшевистской ипостасью, писал подробно в нашей газете т. Л. В-а. С оценкой, им данной, я согласен, хотя расхожусь с ним в основном пункте—о завоевании власти. Но именно в этом пункте я нахожусь в одной компании с „правдистами“.

РУССКИЙ ОТРЯД

«В знак неизменной преданности священному делу союзников...»
(Подпись: «Николай».)

Rue Glacière, 76. Под низким потолком пропахнувшая кислыми щами, эмигрантская столовая.

Здесь мы и встретились негаданно с... Афиногеновым и Чашиным. Не помню, кто подвел ко мне этих русских солдат. Афиногенов сразу останавливал на себе внимание—интеллигентный, далекий взгляд темносерых глаз на вдумчивом лице. Он несколько заслонял прочного, твердого по сложению и твердого по глазам Чашина. Подсели.

— Да, нам хотелось посоветоваться со своими. Тут дело большое...—заговорил несколько с волжской певучестью Афиногенов.

Их обоих выбрали делегатами от „особой русской" бригады в Питер с наказом—добиваться возвращения на русский фронт и высказать, что Временное правительство должно закрепить свободу и дать землю крестьянам. Насчет продолжения войны было неясно в наказе и неопределенно в голове Афиногенова. Чашин высказывался куда решительнее:

— С войной надо кончать... Повоевали. Пора устраивать свой дом, свою жизнь...

Рассказывают, как удалось им получить „пермий"(разреше-

ние) не только на побывку в Париже, но и на поездку в Питер. Прикинулись оборонцами. А дошлый Чашин „сотворил“ из Афиногенова какого-то купеческого сынка, готового позаботиться об имении г-жи генеральши, жены командира русской бригады[1].

Обоим удалось затем пробраться в Питер и поднять вопрос о возвращении русских солдат из Франции. Но решение этого вопроса до бесконечности затянулось...

Ко времени этой встречи мы были уже в контакте с „русским отрядом“. В госпиталь под Парижем привезли с фронта Шампани сотни больных и раненых русских солдат. Как ни охраняли их от соприкосновения с внешним миром, но они сумели найти связь с нашей эмиграцией (прежде всего—с редакцией нашей газеты).

Председатель солдатского комитета в госпитале Мишле Казанцев—толковый, надежный, большевистского склада парень из „мастеровых“. Сначала мы ограничивались беседами с ним и с некоторыми его приятелями в разных бистро (пивная) и на квартире т. Вишняка (молодой инженер-электрик, большевик). Передавали солдатам литературу—нашу газету и издания „Социал-демократа“.

Дошло и до попыток массовой агитации. Однажды, благодаря попустительству добродушных караульных, я вслед за Казанцевым проник в госпиталь Мишле. В большой палате собралось несколько сот солдат в больничных халатах. Вскочив на табурете, я рассказал обстоятельно „землякам“ о событиях в России. Посыпалась масса дополнительных вопросов: „Что на фронте?“, „Как в деревне?“, „Как нам кончить войну?..“

Среди ответов, выслушиваемых в движении и перешопотах, раздается вдруг шум от двери.

— Слягавил, чорт!—дернулся Казанцев.

В палату вошли несколько больничных надзирателей, дежурный врач, караульный офицер.

---

1 Эпизоды эти рассказаны Афиногеновым—Н. Степным—в книжке «Записки ополченца». М. 1931 г.

— Что это за собрание?—строго спросил последний.

— Это я от имени комитета русских общественных организаций рассказываю соотечественникам о происшедшем у нас в России...

Офицер спал с тона:

— Вам следовало испросить сначала разрешения у дежурного врача.

— Извиняюсь, я готов получить его задним числом...

Дежурный врач:

— Если вы имеете записку от вашего посольства...

— Разве это так необходимо?

— Конечно.

— Буду иметь в виду в следующий раз...

— До той поры я не могу разрешить,—заявил офицер.

Я пожал плечами и в сопровождении нескольких больных направился к выходу...

Казанцев на следующий день рассказывал, что караульный офицер после моего ухода вдруг спохватился и послал людей меня задержать (этого не случилось, так как я принял „свои меры“ за воротами госпиталя); затем долго допрашивал членов солдатского комитета о моей личности и заявил твердо, что впредь подобные собрания категорически запрещаются...

Много подробностей о бытье солдатском рассказали нам пациенты госпиталя Мишле.

Выяснилась и история создания „русского отряда“.

В начале января 1916 года, в знак неизменной преданности делу союзников и в ответ на слухи о подготовке Россией сепаратного мира, Николай II „повелеть соизволил“ сформировать особую пехотную бригаду для отправки на французский фронт. В апреле 1916 года эта бригада, в количестве до 8000 человек, высадилась в Марселе. Специально подобранное офицерство установило в бригаде жестокие порядки—мордобитие стало обычным. Два месяца томили, муштровали солдат в лагерях Ман и затем двинули в самое жаркое место фронта—Шампань. В августе 1916 года подошли подкрепле-

ния—третья особая русская бригада (5-й и 6-й полки) и два маршевых батальона. Всего в русском отряде—до 27 000 человек. Уже тогда, осенью 1916 года, произошли какие-то волнения на крейсере „Аскольд“, сопровождавшем транспорты, и во 2-ой бригаде, после чего—аресты, порка (даже георгиевских кавалеров).

Когда вспыхнула Февральская революция, 1-я бригада была на передовых позициях. 3-я—на отдыхе в лагерях Ман. Начальство несколько дней скрывало от солдат известие о революции. Но кое-что узнали из французских газет и из „Начала“, проникавшего нашими заботами на фронт. 3-я бригада взволновалась, солдаты потребовали от офицеров сообщений о том, что происходит в России. Офицеры вынуждены были подтвердить факт отреченья царя и отказ великого князя Михаила... Но солдаты проведали также об образовании в русской армии выборных войсковых комитетов. Попытались провести эти выборы у себя. Начальство в ответ погнало 3-ю бригаду вне очереди на передовые позиции, и тотчас же, 3 апреля, обе бригады были брошены в страшное наступление от Суасона до Аберива, для занятия германского форта Бримона и деревни Курсо. За четыре дня кошмарного боя роты растаяли до 15—20 человек. Офицерье укрылось большей частью в тылу... Так ломали в самом зачатке вредный русский пример.

В госпиталях Парижа—леченье скверное, обращенье грубое: руготня, побои, выписывают недолеченными.

Впоследствии, уже в Питере, мы узнали о печальном эпилоге особого русского отряда.

16 мая его командир генерал Лохвицкий приказал усилить занятия для подготовки через две недели к выступлению на фронт. Солдаты отказались от занятий. В начале их кое-как уговорили. Однако вечером 21 июня на общем митинге 1-я бригада снова решила не итти на занятия и требовать возвращения в Россию. Бригада была тотчас же изолирована и взята под перекрестный огонь. До 600 человек были перебиты... Остальные загнаны в колонии...

A BAS LA GUERRE!

„Французский пролетариат будет работать 1 Мая для национальной защиты“,—обещал Эрве.

„Комитет действия“ (т. е. саботажа классовой борьбы) из делегатов социалистической партии, Всеобщей конфедерации труда и Национальной федерации кооперативов публикует заявление, что, как и в два предыдущих года, „отказывается от прекращения работы“ в день 1 Мая; праздник будет отмечен сбором пожертвований в кассы взаимопомощи и в комитет действия“ „для поддержания товарищей на фронте и их семей“.

Та же похабщина и в отдельных манифестах административной комиссии социалистической партии, Всеобщей конфедерации труда и Союза синдикатов Сены:

„Присоединимся мыслью к существенным требованиям различных профессий“ (8 часов, международное согласие рабочих). „Но не бросим работы“. Мир близок! Соединенные штаты поддерживают „справедливое дело союзников“, русская революция поднимет весь русский народ для борьбы с прусской реакцией.

Манифест Всеобщей конфедерации труда еще лицемернее: „Час справедливого мира, мира народов еще не пробил“, но—пал царизм. Привет русской революции! Американская демократия заявила—никаких аннексий, мир „справедливый,

дающий простор развитию всех народов. Но наша задача— (еще) „реализовать экономическую демократию, освобождая труд от унизительной опеки заработной платы“ (дальше идет перечень мелких поправочек к рабочей нищете). А для осуществления всего этого надо итти „единодушно в бой против врагов прогресса и свободы“...

Однако ряд организаций строительных рабочих—каменщики, плотники, маляры, землекопы—постановили бастовать 1 Мая.

„Синдикат портных устраивает 1 Мая собрание в бирже труда для своих членов, которые пожелали бы бастовать в этот день“.

„Комитет синдикальной защиты“, составляющий меньшинство во Всеобщей конфедерации труда (всего восемь организацией, с Мергеймом во главе), созывает первомайский митинг в 9 часов утра в Доме синдикатов на рю Granges aux Bélles, 33. (Но тут же оговорка: „Металлисты, работающие на военных заводах и не могущие прервать работу, приглашаются вечером в биржу труда“.)

...Зал и двор Дома синдикатов переполнены. Председатель—Губер, плотный, краснорожий землекоп. Рядом коренастый, четкий секретарь федерации металлистов Мергейм, Вей (механик), Лепети (могучий землекоп), Биду, Перика (строительный рабочий), Бурдерон (бочар).

...Яркие речи о пролетарской классовой солидарности, рассказ о попытках воссоздания Интернационала, много—о внутренней реакции и о безнадежной затяжке „войны на измор“. Нечетко—о социал-предателях. Неотчетливо—о крахе II и о создании III Интернационала. Еще менее четко—о войне с войной. Вяловато—о борьбе за „демократический мир, мир без аннексий и контрибуций“... Столь же неопределенно и без революционных перспектив выступление представителя „от русских революционеров“ т. „Яниско“ (Лозовского).

С трудом добиваюсь слова от имени русских большевиков. Выкрикиваю среди неясного шума непривычную здесь речь

об измене старых вождей, о смерти II Интернационала, о III Интернационале, вожде социалистической революции, о перерастании русской демократической революции в мировую социалистическую, о переходе от империалистской войны к гражданской,—„от окопов мировой бойни к баррикадам классового восстания“. „Война—войне, и до победного конца, до торжества социалистической революции“.

Аплодируют жидковато. Здесь, среди организованных рабочих, царит авторитет старых вождей синдикалистского движения. А они—в лучшем случае на правом крыле Циммервальда...

Восклицаниями согласия, аплодисментами принимается умеренная интернационалистская резолюция.

И вдруг... раздается чей-то выкрик: „На улицу! Против войны, за мир!“...

...Со двора на узкую Granges aux Belles вытягивается шествие. Сотни, тысячи рабочих и работниц. Откуда-то красные флаги. Быстрым темпом, меняя затяжное „A bas la guerre, à bas la guerre, à bas!“ („Долой войну!“) на энергично обрубленное „Vive la paix! Vive la paix!“ („Да здравствует мир!“), движутся к широкой площади Республики.

Впереди смешанных рядов разгоряченных женщин и суровых пожилых мужчин—несколько инвалидов войны: безруких, безногих, слепых, поддерживаемых друзьями. И, возвышаясь над ними целой головой, весь пламенея возбуждением, широкоплечий парень взмахивает время от времени костылем, отрубает ритм: „Долой войну, долой войну, долой!“

В домах на пути толпы распахнуты окна, вывешиваются красные флаги, несутся приветствия. А в лавках поспешно захлопываются ставни и двери.

С боковой улички появляется пара полицейских циклистов. Молча, под улюлюканье толпы, ныряют в переулок.

Пение усиливается. Толпа растет. Бодрый шаг чеканит мостовую.

Из Granges aux Belles шествие направляется в обширное

авеню. Толпа перестраивается широкой колонной. Навстречу, с площади Республики, четким строем преграждают путь черные ряды ажанов. За ними—группа конников.

...Мгновенное колебание. Но злобный взмах костылей, резкий выкрик: „Долой войну! Да здравствует мир!“—и опять, отчетливо отбивая: „Vive la paix!“, толпа движется вперед,—палки, кулаки наготове...

И вот смешались в яростной свалке. Передние ряды инвалидов и женщин смяты, гигант-вожак еще держится, яростно крича: „Долой войну!“, отражая костылем удары полицейских. Задние напирают. Но из боковых уличек выскакивают новые группы ажанов с матраками (резиновыми дубинками).

Отчаянно отбиваясь, рабочие отступают, держась плечо к плечу, втягиваются вновь в темные переулки, откуда вынесли на площадь свое проклятье войне...

На площади Республики спокойно и резко высится внушительная статуя: дебелая огромная баба, с добродушной улыбкой, в окружении грузных плодов—символ изобилия и благосостояния Франции.

На площади Республики—четкие группы конных ажанов, и под ногами лошадей—несколько грязных каскеток, поломанных палок и пятен крови...

ПРОЩАНИЕ С ФРАНЦИЕЙ

Во французском журнальчике „J'ose dire" („Осмеливаюсь сказать")—добродушный рисунок: две обстоятельных размеров и откровенно одетых дамы,—одна во фригийском колпаке с надписью „Франция", другая в кокошнике—„Англия",—ведут за руки игриво сучащего ножками мальчонку в косоворотке и кучерской шапчонке набекрень. Надпись: „Ну, не упрямься! Дай твоим старшим сестрам научить тебя ходить!"

В последнем номере „Новой эпохи" мы ответили на эту претенциозную выходку журнала, и это был наш прощальный привет империалистической Франции:

> „Где ты, прекрасная, светлая Франция, которая когда-то так высоко поднимала факел, озаряющий пути человечества? Где яркие гордые мысли, которые так победно расцветали на гребнях твоих баррикад? Лишь на стенах тюрем Третьей республики красуются ныне торжественные слова: „Свобода, равенство, братство"; не перевоплотились слова эти в жизнь Франции, каторжным клеймом клеймена ты, биржевая республика. Военщина, не уступающая германской, африканские дисциплинарные батальоны, миллион паразитствующих, назначаемых свыше чиновников, сотня тысяч попов, сотня тысяч городовых, жандармов, сыщиков; Франция неслыханной биржевой игры, дутых предприятий и колониальных авантюр; Франция, снабжавшая своими деньгами проклятый царизм в дни его смертельной борьбы с порывавшимся к свободе трудовым русским народом, биржевая капиталистическая Франция—продажная тварь на перекрестках мировых дорог!

И еще более опытная, старейшая „сестра“ Англия, высасывающая соки почти изо всех стран мира; Англия, поработившая великий индийский народ, доведя его до полного изнеможения, до вымирания от голода, холеры, тифа; Англия, раздавившая буров; в союзе с Николаем кровавым растоптавшая молодой персидский парламент; потопившая в крови стремления Ирландии к независимости; воздвигшая виселицы у порога своей „свободы“; Англия, поставившая рогатки на всех мировых дорогах, затягивающая своей зловещей рукой узлы всех мировых конфликтов; Англия, где все политические права ее граждан, ее былая гордость, принесены ныне в жертву военщины, в жертву колониальному хищничеству; Англия—страна мирового грабежа, проституированной свободы!..

Нет! Русская революция не пойдет вашим путем! Русская революция поднялась в дни великого кровавого заката старого мира. Стоящий в ее авангарде пролетариат видит пути прошлого и прозревает путь грядущего. И не допустит совлечь русскую революцию с ее нового, пусть многотрудного, но единственно победного пути. И он знает, что на этом пути не останется одиноким. Он знает, что тянутся к нему, что на путь этот выбиваются подлинные его братья, братья по трудовой неволе во всех странах. Он найдет поддержку за спинами самозванных „старших сестер“. Сквозь дым сражений и пожаров, над развалинами городов, над грудами искалеченных тел, великая русская революция протягивает свои зовущие руки и знает, что встретит горячее пожатие сильных братских рук. Дружным напором сметут восставшие пролетарии старый капиталистический строй. Конец придет коронованным и некоронованным разбойникам в Англии, Германии, Франции, Австрии, во всех странах мира! Так будет!“

Конечно, это прощальное приветствие было присвоено „мадмуазель Сизо“ (ее изображают в очках на тонком и длинном носу, старой девой, злобно-сухопарой,—„мадмуазель Ножницы“—цензура). Это было 4 мая, пред самым нашим отъездом из Парижа...

...Вести из России—о борьбе двух линий: за продолжение войны и за продолжение революции—призывно звучали к нам. Пример Ленина, прорвавшегося через Германию, бодрил.

Французское же правительство всячески сопротивлялось

выезду из Франции тех эмигрантов, которые проявили себя как интернационалисты. Репатриционный эмигрантский комитет, созданный из представителей двадцати одной организации, тщетно добивался равенства в отправке в Россию.

Уже две партии эмигрантов уехали. В одной—отпетые оборонцы, вроде Г. Алексинского и других прохвостов. В другой—вновь обретшие родину В. Чернов и К°. Но для нас путь оставался закрыт.

И только Комитет по восстановлению интернациональных связей, наряду с протестом против попыток исказить великий смысл нашей революции, поднял свой голос против „варварского" поведения французского правительства в отношении нас, эмигрантов-интернационалистов. В нелегально выпущенной этим комитетом листовке он возвысился на этот раз до языка подлинно революционного интернационализма.

...„Вечная слава русскому пролетариату! Он спас честь всемирного пролетариата и интернационального социализма.

Но недостаточно, товарищи, ограничиваться лишь прославлением русского пролетариата. Наша обязанность и наша задача—стать рядом с ним на борьбу для того, чтобы обеспечить победу и превратить русскую революцию в революцию международную...

...Перед войной господствующие классы поддерживали царский режим, доставляя ему средства существования. Вся их пресса совершенно замалчивала ужасы и безобразия, творимые царской кликой.

Со времени возникновения войны социалисты сделались сообщниками этого бесчестия.

...После революции эти самые люди, продолжая оказывать услуги союзническим правительствам, делают вид, что приветствуют революцию. На самом деле они стремятся подавить ее.

...Русская революция должна послужить, по мнению этих новоявленных друзей, лишь для нового нагромождения гор трупов, для полного разорения Европы...

...Чтобы достичь этой цели, для них все средства хороши. Они искажают все происходящее в России.

...Они преступно продолжают пытку изгнания для эмигрантов, освобожденных победоносной революцией и задерживаемых

французской и английской лжедемократией... Мы не знаем преступления более отвратительного, чем это продление нашими правительствами мук изгнания для борцов русской революции, для которых Англия и Франция становятся той же Сибирью.

...Закрывая границу революционерам, союзные правительства открыли широко двери России „социалистам“-националистам, которые тотчас же принялись за контрреволюционную работу. Они торопятся послать в Россию правительственных агентов, выбранных среди наиболее ярких „социалистов“-шовинистов.

Во главе с г. Плехановым они проповедуют бесконечное продолжение всемирной резни, не отказываясь от портфелей буржуазных министерств теперь, тогда как перед войной они боролись против вхождения социалистов в министерство.

Они приемлют таким образом цели войны союзных держав, провозглашенные во всеуслышание и цинично в их коллективной ноте Вильсону; они приемлют тем самым целиком империалистскую программу завоеваний и лишения независимости народов противоположной коалиции.

Война грозит затопить в крови революцию, купленную такой дорогой ценой. Этого не будет.

Русская революция—лишь первое следствие ужасной всемирной войны, следствие, предвиденное социалистами и синдикалистами, не изменившими принципам социализма.

...Восставший народ должен везде сбросить свои классовые правительства, чтобы поставить на их место депутатов рабочих и солдат, перешедших на сторону народа.

Русская революция служит сигналом к всемирной революции. А всемирная революция обеспечит полный успех русской революции. Всемирная революция должна быть ответом на всемирную бойню.

Удвоим же энергию и силы для борьбы!

Будем бороться за мир, за социальную революцию! Пусть повсюду—на заводах, в предместьях больших городов и в деревнях—раздается клич:

Долой войну!

Долой капитализм!

Да здравствует всемирная революция!“

Мы с Гришей Беленьким решили попытаться пробраться нелегально в Швейцарию, чтоб оттуда, хотя б „за пломбой“, ехать через Германию в Питер.

Лорио, секретарь Комитета по восстановлению интернациональных связей, сухой, учительского вида, выслушав нас спокойно, обещал содействие, но через несколько дней сообщил, что дело организовать вряд ли удастся...

Однако Грише и Тане Людвинской удалось-таки проехать в Швейцарию под видом родственников какого-то больного.

Перед отъездом мы с Гришей выпустили нелегально журнал, оценивавший события в России с точки зрения революционного интернационализма. Журнал был предназначен главным образом для солдат русских бригад и был широко распространен среди них.

Пришлось также вновь выдержать натиск французских властей, потребовавших вдруг явки в комиссариаты всех военнообязанных. 22 апреля на общеэмигрантском собрании было решено не являться на призыв, опротестовав это распоряжение. Для заявки нашего отказа военному министерству были избраны Валериан Бранденбургский и Димант (оба из Клуба интернационалистов).

И вдруг, неведомо почему, французское правительство смягчилось. Мы получили возможность беспрепятственно выехать через Англию—Скандинавию в Россию.

28 апреля „Российское генеральное консульство в Париже“, по „полномочию Временного правительства“, выдало мне и свыше двадцати другим эмигрантам, почти сплошь интернационалистам, паспорта на возвращение в Россию.

Но прошла еще неделя, пока удалось реализовать эту внезапную „благосклонность“.

4 мая вечером наша группа (из нее помню: тт. Деготь, Диманштейна, Абрама Беленького, Седого (Иголкина) с женой) прибыла в Гавр для погрузки на пароход, отправляющийся в Англию.

Мы выезжали в начале новой стачечной волны в Париже. Эта волна вынесла на пышные бульвары Парижа многотысячные манифестации портных, модисток, белошвеек. С

15 мая, нарастая день ото дня, заливает она еще работающие мастерские платья и белья.

„Заработная плата для женщин должна быть достаточной, чтоб они могли жить и соблюдать свое достоинство. Не будем изнывать без счета часов над работой—хотим жить. Требуем английской недели (отдых в субботу после полудня)“.

Стачка захватывает к 20 мая до 30 000 работниц, 22 мая—победа их полная: 1) никаких увольнений за забастовку; 2) возмещение в случае отказа от работы; 3) довоенная заработная плата; 4) добавок на дороговизну; 5) английская рабочая неделя.

Но затягивается начавшаяся почти одновременно забастовка меховщиков, каучуковых работниц, работниц на военном платье, вышивальщиц, белошвеек, машинисток в банках, работниц шоколадных, конфектных, кондитерских фабрик...

Слой за слоем пролетарки проходят крещенье духом классовой борьбы.

„Но ведь теперь война“,—беспомощно кудахчут социал-патриоты.

В ПУТИ

...Прощай, Франция! Страна, где прожито столько тяжких лет изгнания, прощай! За эти трудные годы было все же не мало светлых, озаренных дней. Это были дни общения с твоими пролетариями в их подъеме, в их классовой борьбе. Пылкие, удивительно отзывчивые, великодушные, мужественные братья! Вам от всего „сердца“ крепкий привет!..

...Ого-го, какие рогатки! Соутгемптон. „Alfiens office“, „Metropolitan police“. Двойной опрос. Двойной обыск. Прощупывание всех швов снятого платья. Мы—в Англии, сразу осевшей на два столетия.

Лондон... Вот он, знаменитый Уайтчапель, и Вестминстерское аббатство, и средневековая затхлость чопорной Палаты общин.

Ждать неопределенное время, когда придет оказия пересечь Северное море в Скандинавию.

Мы, эмигранты-интернационалисты, „большевики“, находимся под неустанным, негласным, но вполне ясным наблюдением.

Удается, однако, попасть в рабочий клуб в Уайтчапеле, где можно кой-кого повидать.

Рекомендованный товарищ—француз, лондонский старожил, восторженно-общителен. Жадно слушает о нашей революции, рабочей, не буржуйской. „Так это она идет, пролетарская!

Социаль! Советы рабочих депутатов! Это хорошо. Это повторяет, но исправляя, Парижскую коммуну".

Знакомит нас с несколькими англичанами-рабочими. Сухие энергичные ребята. Со спокойной флегмой рассказывают.

Тред-юнионистские бюрократы продолжают „священное единение" с капиталистами. Вновь в январе конгресс Рабочей партии 1849 тысячами голосов—за участие в правительстве Ллойд-Джорджа, и всего 302 тысячи—против. И только те же 302 тысячи—за немедленный приступ к мирным переговорам, против 1697 тысяч голосов.

Но массы волнуются. И льется елей сладких обещаний на взбаламученное море нужды.

Макдональд от имени независимой партии на конгрессе Лейбор-парти требует:

> „Пред лицом огромной задолженности—немедленно установить равномерную систему реквизиции состояний, так как никакие налоги не спасут народ от бремени уплаты этих долгов! Не допускать обложения предметов первой необходимости; ввести прямой подоходный налог и налог на предметы роскоши; такса—до пяти шиллингов на фунт.
>
> Земля была защищена народом; она должна принадлежать народу, по причине крови, которую он пролил, ее защищая; она должна быть обращена в пользу нации. Банки должны быть также национализированы и быть под контролем государства".

Эти благочестивые пожелания одобрены единогласно Лейбор-парти. Почему нет? Разве это к чему-нибудь обязывает? Ведь они даже не сделаны условием поддержки правительства, они превращены в пустую отписку от требований масс!

Независимая рабочая партия выполняет в Англии роль французских миноритэров, роль стыдливого фигового листка, прикрывающего постыдное грехопадение Лейбор-парти. Как и французские миноритэры, она сделала себе конек из „восстановления интернациональных связей". Пресловутое предложение б. секретаря Международного социалистического бюро Гюисманса—о созыве международной конференции со-

циалистических партий в Стокгольме—нашло в ней горячую поддержку. Она решила послать на эту конференцию своих делегатов, хотя исполком Лейбор-парти постановил большинством семи против четырех не участвовать в ней.

А рабочие стиснуты кандалами трудовой повинности. Дороговизна растет. Зарплата—та же.

Вы смотрите!—это пишет не какой-либо рабочий листок, об этом говорит солидный орган буржуазной экономики „Экономист“:

> „932 акционерных компании в 1915 году реализовали 67,2 миллиона фунтов стерлингов прибыли, в 1916 году—уже 86,5 миллиона,—увеличение на 28,6%. „Прибыль более крупная, чем когда-либо“. Но не рекордная! Ибо семь нитратных предприятий увеличили свою прибыль в 1916 году на 441%. Судовые компании выдали 47% дивиденда“.

Дела военных поставщиков цветут, благоухают. Новый внутренний заем в 25 миллиардов франков расписан молниеносно. Это „самый большой финансовый триумф в мировой истории“, кричит „Times“.

Однако терпение рабочих истощилось. Уже в прошлом году вспыхивали стихийно забастовки. Их возглавляет левое меньшинство тред-юнионов. Официальные лидеры стараются их срывать, им отказывают в поддержке, нет пособий от тред-юнионов, вожаков преследуют, арестовывают...

Маклин? Вся честная пролетарская Англия чтит Джона Маклина!—вспыхивают глаза на суровом лице.—Да, он послан на каторгу до окончания войны... Не все обезличено в Англии! „Тред-юнионист“ держит знамя рабочей борьбы... Как раз теперь происходит почти всеобщая забастовка механиков!

Читайте! Читайте! Во всех газетах (12 мая) и на перекрестках рабочих кварталов:

> „Предупреждение
>
> Благодаря действиям механиков военных заводов произошли серьезные прекращения работ в этой отрасли, необходимой для жизни нации. Эти остановки произошли как раз в момент,

когда, по причине наступления, развиваемого на всех фронтах, нужда в военном снабжении более велика, чем когда-либо.

Заявленные мотивы—желание протестовать против проекта упразднения синдикальных карт и против применения проекта закона о военном снабжении. Правительство дало самые подробные объяснения относительно необходимости этих мер и о способе, которым будут обеспечены интересы рабочих в обоих случаях. Однако стачечное движение продолжается вопреки тому факту, что:

1. Стачка полностью не одобрена всеми корпоративными организациями.

2. Что представители 50 самых значительных тред-юнионов механиков, посланные на верфи, приняли следующую резолюцию: „Собрание представителей 50 профсоюзов механиков индустрии, верфей подтверждает свое убеждение, что во время войны конфликты труда не могут быть разрешаемы согласно конституционным правилам. Оно глубоко сожалеет, что нынешняя стачка произошла, несмотря на отказ в покровительстве ей со стороны тред-юнионов“.

Представляется ясным, что стачка имеет целью протестовать не столько против действия правительства, сколько против интервенции исполнительного комитета тред-юнионов. Эта точка зрения вполне подтверждается телеграммой вождей стачечного движения в районе Манчестера, которые отвергают всякое вмешательство своего исполнительного комитета в настоящий конфликт...

Правительство не может позволить стачке продолжаться и осложнять таким образом производство военного снабжения.

Оно заклинает всех добрых граждан возобновить немедленно работу и заявляет, что всякое лицо, которое будет толкать к остановке производства военного снаряжения, будет преследуемо согласно законам о защите королевства и наказано бессрочными каторжными работами или всякой другой меньшей мерой, которая может быть решена судами“.

Британское правительство пытается каторжными мерами сломить протест механиков.

И профсоюзная бюрократия всячески помогает в этом правительству. Центральный исполком тред-юнионов опубликовал заявление против стачки, призвал забастовщиков вернуться к работе.

19 мая семь руководителей стачки—два в Шеффильде, два в Манчестере, два в Ковентри и один в Ливерпуле—арестованы, но освобождены под залог до 23 мая, когда будут судиться в Лондоне. В Вальтфорте (предместье Лондона) полиция обыскала помещение синдиката механиков и захватила документы.

Забастовка, тем не менее, продолжается. Ллойд-Джордж мечется, пытаясь ее сорвать. Он добился решения о конце стачки, но еще 21 мая ему пришлось в Палате общин докладывать, что в Лидсе и Шеффильде стачечники обсуждают на митингах вопрос о ее прекращении, в Барроу—положение неопределенное, большинство рабочих продолжают стачку.

Остальные рабочие сочувствуют механикам. Того и гляди, движение разрастается...

Так рассказывали нам английские друзья и перебивали расспросами о „русских делах“.

— А как вы думаете кончить войну? Братанье... А если немцы на него не пойдут? Прежде всего—революция у себя, до конца? А немцы прорвут фронт,—что тогда?..

Тут еще—груз сомнений и националистических пережитков. Но искреннее желание понять.

На прощанье—крепкое пожатие:

— Ол райт! Пусть будет вам удача. Мы не позволим, чтоб вам помешали...

Улучили день, чтоб совершить паломничество на могилу Карла Маркса. Обширное кладбище. Мягкий английский пейзаж со склона холма, овеваемого весенним ветром. Скромная плита с надписью: „Здесь похоронены: Дженни Вестфален, ее любимый муж Карл Маркс, их внучка Генриета Лонге и ее няня“.

—...Они были люди бедные и вчетвером легли в одну могилу,—поясняет наш француз.

Говорят, незадолго до нас эти могилы навестил „сам“

Вандервельде, экс-председатель экс-Интернационала и министр его величества короля Бельгии. С мертвым львом можно быть нахальным...

— Почему так скромна могила? До сих пор нет самого простого памятника.

— По завещанию, на могиле не должно быть никаких украшений.

— А красные розы нельзя посадить?

— Можно.

Француз,—немного садовник,—легко это устраивает. Оставляем на могиле Маркса густой куст красных розанов, на кусте дощечка с надписью по-русски: „Освобожденные революцией буржуазной—во имя революции социалистической“.

...Прошло несколько дней. Негаданно поздним вечером срывают нас, отводят на вокзал. После утомительного переезда, мы—в каком-то шотландском порту. Здесь—спешная погрузка на пароход. На рассвете уже плывем Северным морем... Едва видны за волнами—спереди, сзади—миноносцы охраны. А на волнах порою—вдруг бревна, лоскутья, какие-то обломки. Вчера работали немецкие подводки...

Как свежий сон, мелькнул голубой фиорд. Берген. Солнцем обласканная Христиания. И вот—хмурый Стокгольм. Здесь—нам пересадка, и рядом с нашим вагоном—вагон какой-то французской миссии, едущей в Питер. Говорят, сам Альбер Тома, министр военного снабжения...

Вот они—группка лощеных господ у спального вагона.

Импровизируем концерт. Хором основательных глоток скандируем: „A bas la guerre, à bas la guerre!“ и режем четко „Vive la paix! Vive la paix!“

Французов перекашивает. Смываются в вагон.

К вечеру (28/15 мая)—граница у Торнео. Тут уже „наши“. На пароме—через речку. Видим красное знамя. Дружно хором: „Вставай, проклятьем заклейменный!“

Выехавшие навстречу—какой-то таможенник и „предста-

витель“ Временного правительства недовольно хмурятся. На берегу—погранохрана, офицер...

— Нельзя ли прекратить пение, господа?

— Ах ты, язви тебя!—срывается у кого-то из наших, видать—сибиряк.

— Погоди, товарищ,—успокаиваем,—до Питера погоди.

Сошли... Продолжительный осмотр... Чорт с ними! Скорее в Питер!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

В РЕВОЛЮЦИИ

РАССТРОЕННЫЙ ТЫЛ НЕВОЗМОЖНОЙ ВОЙНЫ

...Семь лет разлуки.

Ты сильно изменился, родной город! Чинный, чиновный, нарядный Санкт-Петербург. Наступивший сапогом полиции, жандармерии, казачины, сыска, провокации на хмурые рабочие предместья... Бакенбарды полицмейстера, пущенные по ветру через плечо—бодрый рысак уносит его превосходительство на доклад министру. Бородачи-городовые. Звон шпор и шуршанье шелков по широким панелям в праздничное полудня иль в послеслужебный вечер... И заглушенно мощное „аллилуия“ архиерейского хора из переполненного Казанского собора в час литургии... Гоголевские „тени“? Да, столетней жизненности гоголевские „тени“...

Где все это?..

Ты сильно изменился. Но когда-то я видел тебя примерно таким же, как и в этот канун лета 1917 года[1]...

...Худощавый, подтянутый товарищ прокурора читает мне, в присутствии закусившего губу жандармского ротмистра, „высочайший указ“ об амнистии. Через несколько минут, с узлом в руках, стремглав выскакиваю из подследственной военной тюрьмы Кронштадта. И вот, все еще с недоверчивой оглядкой в мыслях („не вернули бы!“), еду на пароходе, и скоро—на твердой земле Питера...

[1] В этой части книги все даты — по старому стилю.

Какое чудесное превращение! За четыре месяца моего заточения свершились громадные вещи!

Город будто обмыт горячей волной, снесшей серость подавленности, настороженности с суровых лиц, оживившей глаза, улыбку, распрямившей спины, облегчившей походку, развязавшей жесты... Начальство ушло. Затерялись городовые, жандармы... Может быть, вот они в этих серых, одного тона, одной кройки пиджаках—по выправке фигур, по тупости лиц, настороженности ушей, глаз... Но формы, властвовавшей над обывателем, нет. И обыватель расцвел и заговорил, расцвел всеми оттенками „красного", заговорил полнотой лексикона либерального любомудрия. Всюду—группы, теснящиеся около тех или иных говорунов. И рядом с празднующим именины сердца обывателем—сосредоточенно четкое лицо пролетария и страстный силуэт изнуренного подпольщика.

И улицы—сразу демократизированные. Невский, согнавший со своих панелей малиновый звон шпор и шелест шелков; Невский—непричесанный, неумытый, но веселый, оживленный. И—штрих особого значения—в Екатерининском сквере, среди свободного разгула необычно пестрой толпы, чугунная Екатерина II в окружении своих фаворитов, все та же на своем круглом пьедестале, но с красным флагом в руках и в сияньи птичьих нечистот на челе... Свобода гражданам—свобода и воробьям! Начальство ушло. Дворник державный и всяческий дворник стушевался!..

...В большом двусветном зале несколько сот четких, серьезных фигур, уверенно и спокойно заняв места, слушают речи о делах государственной важности, продумывают ближайшие судьбы огромной страны. Начальство ушло. Новый хозяин пришел в жизнь. „Его величество Пролетарий Всероссийский",—немного иронически и очень подобострастно скажет Шебуев в „Пулемете". Эти несколько сот представляют сотни тысяч питерских пролетариев; их словам отвечает созвучное эхо миллионов рабочих всей страны, к их речам

прислушиваются с разгорающимся сочувствием огромные массы пробуждающихся к политической жизни крестьян. Да, новый хозяин пришел. Может быть, ненадолго. Может быть, вскоре будет сломлен, свергнут, загнан в свое подполье, чердак, подвал, под ярмо подневольного труда. Но это неизбежно, неотвратимо—он вновь придет! Ибо его приход не был случаен, он—весть о наступлении новой эпохи, эпохи решительной битвы двух классов, эпохи социальной революции!

...Двенадцать лет. Что такое двенадцать лет в истории класса! И вот он вновь пришел, огненный вихрь пролетарской грозы. Это его дыханьем обожжены серые улицы родного города. Копоть и дым больших боев, поступь гигантских движений легла на них. Чинное шуршанье празднующих шелопаев сменено неровным перестуком бесчисленных шагов. Наряды, румяна на себе сосредоточенной спокойной жизни смяты, стерты требовательным, жадным пламенем массовой обостренной борьбы. Предместья надвинулись на город, предместья почти захлестнули центр, едва-едва не стерли его чиновного вида.

Летят беспорядочно грузовики, автомобили, трамваи, переполненные серой толпой. И стоит непрерывный гомон. На всех перекрестках больших улиц толпы, внезапные, летучие митинги. И всюду мельканье газет, листков. Движенья быстры, жесты развязаны. Речи пестрят новыми терминами, насыщены лихорадкой. Как в 1905-м, но гуще, напряженнее, грозовее... И как в 1905-м, свобода гражданам, свобода воробьям! Царица-матушка, с красным флагом в пухлых ручках и с птичьим серебром в волосах и на челе...

Но есть что-то особое в этом повторении. Не серость пиджаков,—преобладает зеленоватая желтизна хаки, зеленоватый тон бесчисленных шинелей, и в звуках—не шуршанье штиблет, но скрип грубых сапогов...

И к хрусту бесчисленных шагов примешивается хруст семечек. Замызган Питер семенной шелухой. Деревня в го-

роде. Но это—вооруженная деревня, это—крестьянство в солдатских гимнастерках... Распоясанное, обезначаленное и... митингующее, втянутое в политику, жадно тянущееся к ней. Огромная лаборатория по перешлифовке крестьянского сознания. Расстроенный тыл невозможной войны, когда начальство ушло, а новое еще не явилось—или не освоилось?

ДВОЕБЕЗВЛАСТИЕ ЛИ?

„Невозможной войны?.. Но вот серьезненько поговаривают о наступлении. Генерал Алексеев объявил братанье преступным. Милюков проговаривается, что союзники требуют активности от нас. „Главноуговаривающий“ языкоблудит на фронте. Французские и иных наций социал-прохвосты, Альбер Тома, сам Вендервельде работают, чтоб протолкнуть обязательства, принятые в феврале Николаем. Сорвутся? Ну, конечно!.. Но будет туговато в ближайшие дни. Говоришь—революция на бивуаке? Скорее—на перепутьи... Невский тебе покажет это всего четче. Тут скрещенье двух миров. Основная масса еще в колебаньи... Но сколько подспудных сил! Какой порыв, как быстро растет сознательность! Ты б посмотрел на Питер, когда стало известно о милюковских заявлениях!

... Империалистской войны не хотят ни рабочие, ни крестьянство. И Милюков Дарданельский должен был уйти. Но социал-оборонческие иллюзии остаются. Они прочны в туманном сознании землеробов. А для Милюковых этого достаточно. Только б продолжалась война! А для ее продолжения нужно священное единство: никакой гражданской войны! Соглашательство не изжито. Да, да, становится все яснее, что политическое соглашение длит войну, усугубляет разруху. И массы все нетерпеливее. Вот на ряде фабрик Выборгской стороны и в частях, хотя б в Финляндском на Васильевском

острове, где я больше работаю, начинают успевать анархисты. Массу приходится сдерживать. Конечно, там, где пахнет крестьянством,—не так. Настроения не ровны.

...Что в совете? В рабочей секции мы с каждым днем делаемся сильнее, но соглашатели еще преобладают. В солдатской секции мы слабы, но тянет к тому же. А на пленуме солдатская масса берет верх—представительство не ровно...“

Это все сказано не так вот,—залпом, а вперемежку с блестящими отскоками, прибаутками, яркими иллюстрациями, на которые такой мастер мой друг Безработный (Дмитрий Захарович Мануильский). И остроумный Дмитрий Захарович совсем в своей сфере, когда передает о внутренних делах Совета и борьбе партий:

...Дан, Церетелли, Чернов (каждый поразительно скопирован)—вожди современности. Керенский—божок мещанских девиц и свой человек заговорщицких кадетско-октябристских салонов. ЦИК и Петроградский исполком в руках социал-патриотов, значит, в руках Милюкова...

Партия?.. Ленин? Как он ошарашил своим выступлением!.. И врагов и друзей. До его приезда не было полной ясности. Наш приятель Тюфяков, подозрительно схожий (поразительная мимика!) с Николашей Романовым, авторитетно разъяснял, что буржуазно-демократическая революция не закончена и что задача—толкать буржуазное правительство к проведению последовательно-демократической программы. Того чище! На совещании советов, как раз пред приездом Ильича, Каменев загнул: надо заставить Временное правительство отказаться от аннексий и предложить всем народам справедливый мир. Этакая мещанская наивность! Буржуазные волки могут отказаться от своей империалистской политики! И Ленин сразу (имитирует): „Обращаться к этому Временному правительству с предложением заключить демократический мир—все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели“!..

...Заворот мозгов!.. Ты говоришь—апрельская конференция!

Верно, на ней Ильич победил. Но не без сопротивления. И не одного Каменева. Но как его травят в буржуазной и социал-прохвостской печати, и какой авторитет у рабочих!.. Видно, что сказано важнейшее слово эпохи, намечено основное звено всей цепи.

— Ну, ну! Так что ты теперь среди ленинцев?!

— Видишь ли... Не совсем... У нас своя организация—межрайонцев. Та, о которой мы спорили в Париже... В организации господствует мнение, что так просто войти нельзя. Надо договариваться...

— И Троцкий такого же мнения?..

— Такого ж... Сегодня как раз его доклад на нашей фракции.

... В какой-то из зал Таврического—человек пятьдесят. Немало знакомых. Расспросы, рассказы. Принимают довольно хмуро... Знают уже, что не одобряю обособленчества. Троцкий... С обычной самоуверенностью он недоглядывает чужих настроений, недооценивает иных мыслей. Доклад его внешне блестящ. Но ведь это уже в основном слышано и перечитано. И куда лучше было выражено,—потому что проще, классово членораздельнее,—в „Правде", в речах Ленина, Сталина на недавней конференции большевиков и в ее резолюциях! А что от себя у Троцкого,—то риторично и не четко. У Ленина—двоевластие,—ударение на лобовом столкновении двух классов, политически оформленных, кардинальный вопрос революции—перерастанье в социалистическую. У Троцкого—„двоебезвластие", напор на отсутствие решимости, на прозябание революции, загнивание, когда жизнь требует быстрых, четких движений. У Троцкого тут своеобразно якобинский, административно-радикальный оттенок. И не усыпляет ли этакий анализ бдительность масс? Ведь на деле буржуазия великолепно обделывает свои дела чрез Временное правительство: войну продолжает в союзе с Антантой, земли не дает, проводит саботаж рабочих требований, дезорганизует производство, подготовляет свое полновластие. Нет! Это—не „двое-

безвластие“! Да, ясен вывод о необходимости твердой, а потому однородной революционной власти, дабы вывести страну из тупика, но без четкой перспективы социалистической революции. И какой напор на международное положение при отсутствии так сугубо подчеркнутой Лениным задачи борьбы за переход крестьянства на нашу сторону! Пахнет все той же „переманенткой“...

ОРГВЫВОД

Ранним утром читаю в „Правде“ (№ 60): „К вопросу об объединении интернационалистов“. ЦК предлагает немедленное объединение, причем предлагает ввести в состав обеих газет по одному представителю от межрайонцев; через полтора месяца партсъезд, в оргкомиссии по его созыву—два делегата от межрайонцев; следует привлечь и представителей от „мартовцев“, если последние порвут с оборонцами; дискуссионный листок при „Правде“ и дискуссия в „Просвещении“. Это предложение встречено „межрайонкой“ довольно прохладно—принята резолюция, весьма одобряющая объединение на платформе „Циммервальда и Кинталя, программы и постановлений партии от 1908 и 1910, 1912 и 1913 годов“. Очень отрадно, но не очень-то четко! В Циммервальде и Кинтале не было подлинно революционного единства, боролись три линии. И теперь, при такой зрелости ситуации, брать за платформу столь расплывчатое основание—совсем не пристало!

Но хорошо, нужно объединение, так объединимся же! „Межрайонка“, однако, никакого практического предложения не делает. Горсточка интеллигентиков норовит поставить условия массовой пролетарской партии и куксится с недоверием, когда ей великодушно предлагают исчерпывающие „гарантии“. Будто нужны особые гарантии при вступлении в партию мас-

сового действия! Поганенький интеллигентский индивидуализм, столь многих из нас ослабляющий, сказывается в этаком недоверии, в этаком уважении к оттеночкам своих личных взглядов. И все разъяснения мне кажутся неубедительными. Ясно, что межрайонцы хотят договариваться как „равный с равным".

Мое же решение принято.

— Хотел бы видеть секретаря ЦК.

— Подождите немного, товарищ.

Здесь, в тесноватых комнатах, много кажущегося беспорядка бумаг и людских движений. Проходят группы торопящихся людей—проносят листки, газеты, слышатся телефонные разговоры, откуда-то заглушенный, на низких тонах, рокочет бас.

— Вы товарищ из Парижа, из Клуба интернационалистов? Гриша Беленький? Залевский? Знаем. Знаем!—Из-за очков смягченный взгляд, казалось, строговатых глаз на сухом, четком лице немного классно-немецкого типа.

— Пойдем к Надежде Константиновне.

В комнате рядом, за столом, заваленным письмами, газетами, на краткое замечание приведшей меня Стасовой встречает приветная улыбка:

— Владимира Ильича нет... Помним ваши статьи в „Голосе", „Нашем слове".

Выслушивает с интересом рассказ о споре с Троцким. Напоминаю попутно, что еще два года назад в „Нашем слове", в статье „Две партии", говорил о необходимости организационного раскола с оборонцами и примиренцами и вступлении интернационалистов в большевистскую партию.

— Если за границей возможна была организационная нечеткость, хотя наш Клуб интернационалистов стоял по существу на ленинской платформе, то в России она абсолютно недопустима. И вот, прошу принять в партию...

— В добрый час!—говорит Надежда Константиновна,—в добрый час! Яков Михайлович, на минутку.

Из соседней комнаты—небольшого роста, быстрых и верных движений, черноватый, большеротый... Широко протягивает руку при первых словах представления и рекомендации.

— К нам? Отлично!—сверкнув энергично взглядом, гудит Яков Михайлович.—Только надо вам дать в „Правду" заявление... И пройдемте ко мне, поговорим о работе...

— Огляделись уже в Питере? Только пару дней как приехали! Эх, расспросить бы надо, да некогда. В другой раз. Сейчас—заседание ЦК. Кратко. Основная кампания теперь—муниципальная... Ведь вы опытный оратор? Вот пока и будете выступать... Положения наши вам известны? Особенно статьи Ильича, Сталина. Вот материалы... Основа—90% о войне, 10%—об остальном. Но к массе надо подходить от ее особых нужд. Политическое воспитание не закончено. Приготовительный класс—эти частичные лозунги момента. У рабочих—одни, у солдат—другие. Рабочие сейчас болеют безработицей, дороговизной, опасениями разгрузки—эвакуации. Солдаты—война, земля, декларация прав. Знаете? Хорошо. Хотели бы сейчас приступить... Подождите, товарищ, занят!.. А, это вы, Архипенко? Кстати! Входите. Знакомьтесь—товарищ Антонов, эмигрант, недавно из Парижа. Бывший военный. У вас сегодня митинг? О декларации прав и муниципальные выборы? Вот вам оратор... (Серые выпуклые глаза недоверчиво оглядывают мою фигуру в крахмальном воротничке, задерживаются на длинных лохмах волос.) Старый революционер, подпольщик. Был офицером. Найдет нужный язык... Итак, двигайте. Завтра в эту же пору, товарищ Антонов. Да, а как у вас с деньгами? Еда, кров?

Стремительность этого темпа бодрит, деловая речь, без выкрутасов, прямой взгляд, точность, определенное внимание к мелочам,—как он располагает к себе, Яков Михайлович Свердлов!

НАСТРОЕНИЯ КОЛЯТСЯ

Обширная мастерская—гараж с десятками авто, грузовиков. Деревянный помост, на котором, за опрокинутым ящиком, на табуретах несколько солдат и штатских. Мастерская переполнена, гудит...

Архипенко, встретив у входа, опасливо замечает:

— Ильин приехал!

— Вот этот?

— Да, от совета!

— Ничего! И не таких видали! (По правде-то, еще никого не „видал“!)

— Товарищи! Так разрешите собрание открыть. Выберем председателя.

— Калашников!

— Иванов!

Жиже:

— Архипенко!

— Кто за Калашникова?.. Ясное дело... Секретаря!

Начинает толково.

— Попереди у нас—„Декларация прав“, вторым—„О выборах в районную думу“. По первому мы продолжаем собрание, список был закрыт. Слово, значит, Архипенку.

Мой знакомый преображается, начиная говорить. Угрюмость исчезла. Жестикуляция сдержанна, но сильна. Много крепкой злости в сжатых словах:

— Называется „Декларация прав“. Права, выходит, даны солдатам? По-нашему, обокраден солдат! Кто свергал Николая кровавого? А рази офицерство не той же крови? Не от тех же дворян? Старые дворянские порядки рвать надо с корнем. Холуев теперь нет! А что декларация... „В тех местностях, где нет возможности нанять прислугу, разрешается иметь вестового“. Что это? Вперед иль назад? Назад! Так-то был денщик, теперь вестовой. „Не вмер Данило,—болячка задавила“. (Смех, аплодисменты.) А параграф девятый—это вперед или назад? Во внеслужебное время только разрешаются митинги, и вообще свобода слова. А кто его определит, когда „служебное“, когда „внеслужебное“. (С места: „Врешь! Это известно!“) Ничего неизвестно! Вот тут приехал товарищ с северного фронта—у него в артиллерийское ведомство служебное дело. Что ж он во внеслужебное? Нет?!.. Насчет наказаний,—того хуже. Разрешается пускать вооруженную силу против того, кто не исполнит приказа. Выходит, право командира—бить, а наше право—спину подставлять. Вооруженная сила! Значит, и расстрелять, да без всякого суда, можно! Это что? Насилье, товарищи! Царский прижим! Романовщину возвращают. Дворянскую власть! Выборность отменена. Выбирать начальников нельзя... Это нас в ярмо гнут. Назад вертают! Царя свергли, взяли права. Наши права берут назад. Откуда такой царский манифест! Господин министр Керенский издал. А нас спросили? У совета спросили? Не спросили.

На место Архипенко коренастый бородач.

— Должна быть дисциплина! Война не кончена. Значит, должна быть власть. Иначе нет войска, а толпа, с ней не навоюешь, пропадешь ни за грош. Раз—дисциплина, должно быть и наказание дисциплинарное—без суда, властью начальника. А Керенского не тронь! Мы, социалисты, знаем—он готов жизнь за народ отдать. Сколько раз страдал в Думе. Надо держать фронт, так выходит, что нужно уважать начальство, дать ему силу, власть. Выборные комитеты для внутреннего

8*

распорядка, а не для команды. Небось, у немцев никаких прав солдатам нет. Значит, надо принять декларацию!

— ...Чего говорить-то! Ты поскобли его—нашивки найдешь! Шкура барабанная!—кричит надрывно, лихорадочно жестикулируя, новый оратор:—Мы немцу спуску не дадим, да наших правов не забирай! Холуев больше не будет для вашего благородия! Дисциплина должна быть, да не ваша, барская, царская, а народная. От доброго сердца и от понимания общего дела и антиреса. (С места: „Довольно! Все ясно! Давай дальше! Третье собрание тратим".)

Председатель:

— Список ораторов был еще раньше закрыт, значит слова кончены. От комитета мы в заключение не говорим, потому что все ясно. Предлагаем резолюцию.

В резолюции—упор на отмену выборности начальства, что „лишает силы все завоевания революции в армии"; собрание протестует „против умаления прав солдата, завоевавшего вместе с рабочими свободу", и требует „вполне демократичного выборного начала, которое одно может дать солдатам возможность влиять на создание действительной революционной армии и устранит все злоупотребления и произвол командного состава".

— Кто за?.. Кто против?.. Единогласно, при пяти против... Прежде второго пункта просит слово приветствовать делегат от 105-й дивизии.

— Просим! Просим!

— Дозвольте, товарищи, передать вам привет от окопных граждан 105-й дивизии с румынского фронта...—Один из тех загорелых и замусоленных, несколько растерянных, кого можно встретить в кулуарах Таврического иль на Невском в кучках; слова тяжелые, выстраданные:—Мы на фронте истощали... Лошади дохнут. С орудий стрелять нельзя. Снарядов подвезти не на ком... Три года со вшами боремся. Гнием в соломе... Немец, знай, поливает... А ты, думаешь, снарядов страшно? Страшно оттого, что конца этой каторге не видим.

Роешься, как крот... А и ночью все без сна. Еды ж нехватает... Хлеб—не всегда два фунта, и то с соломой... Начальства почти не видим... Кто вовсе сбежал, а кто где прохлаждается. Послали нас сюда, к совету, чтоб спросить, скоро ль будет какой конец. У нас все говорят, что скоро быть замиренью... А из дому пишут, что землю надо делить и чтоб приезжали. В тылу тоже расстройство. Железные дороги ходют неисправно... Приехали мы и услышали—говорят о новой войне. Какая еще новая война? И кто это говорит-то! Толстобрюхие, что скрываются на учетах, в санитарных местах, штабах, канцеляриях да на заводах. Пользуются увольнением под видом, что больны, а уволены только по тяжести их карманов. Так пусть они и идут в окопы на новую войну. А мы довоевались! Пусть не стращают нас немцем. Они хуже всякого немца... Россия, говорят, погибает! Пусть гибнет ихняя Россия, а нашей дайте жить, дайте отдыху. Вот как уехали с фронту, поняли... Товарищи, враг наш не впереди, враг в тылу... (Нараставший гул покрывает оратора.) Чего? Нету, товарищи, мы не большевики. Мы с фронту...

— Слышали! Довольно! Долой! Давай доклад!

Председатель что-то объясняет делегату, пытающемуся продолжать. Тот махает рукой и сходит с настила.

— Так мы скажем товарищу от 105-й дивизии—передай землякам, что мы их понимаем и сочувствуем, и благодарим за приветствие... Позвольте к порядку...

С привычно спокойной манерой баловня говорит эсер Ильин. Снисходительно отстраняет „неграмотную“ речь окопника.

— ...Враг не пред нами? А разве немцы увели свои войска? Не занимают наших земель? Не обстреливают позиций? И свергли своего царя? А ведь это тот царь, что помогал Николаю Романову удушить революцию в 1905 году. Покинуть фронт—значит открыть его, открыть путь к восстановлению царизма. А тогда—прощай, воля и земля! В тылу враг? Мы знаем, что есть и враг. Но в тылу великая работа демо-

кратии, которая покончит с этим врагом. Временное правительство опубликовало заявление, что готово заключить справедливый мир без аннексий и контрибуций. Но враг наш не идет на такой мир. Что же остается?.. Временному правительству мы доверяем, потому что ему доверяет Совет из выбранных вами депутатов. Во Временном правительстве шесть лучших людей наших социалистических партий. Временное правительство разрабатывает законы о земле, об улучшении положения рабочих, о солдатских правах... (Шум, выкрики.) Надо ждать. Вот соберется Учредительное собрание, оно установит постоянный строй в России, оно даст землю крестьянам. До той поры должен быть порядок и никакой борьбы меж собой. А братоубийство заводят ленинцы. (Шум: „Долой!" Аплодисменты.) Если бы был единый фронт демократии, мы уже куда бы продвинулись! И вот теперь— надо закрепить революцию у себя дома, в районных и городской думах... (Развивает программу эсеров. Многое понаобещано!) Рабочая секция Совета постановила, чтоб не дробить голосов, всем социалистическим партиям объединиться на одной платформе, а большевики и тут срывают дело демократии, помогают реакции. Почему? Потому что им нет дела до творческой работы, им бы только разрушать, критиковать. Товарищи! Не дадим ни одного голоса крикунам! Только таким социалистам-практикам, которые знают и умеют делать простое и важное дело городского самоуправления! (Шумные аплодисменты.)

От меньшевиков совместно с „Единством" (Алексинский-Плеханов!) выступает Назимович. Тех же щей, да пожиже. И опять хлопки. Настораживается собрание, когда председатель объявляет:

— Слово товарищу Петрову, от эсеров-интернационалистов!

В студенческой тужурке, громкоголосый парень сразу начинает крыть. (Эге! Есть и такие эсеры!)

— Простой от нутра голос кричал пред вами,—а их мил-

лионы там, окопных жителей! Три года течет кровь русского трудового народа. За что? Нет, вы вдумайтесь, вглядитесь— червяком ползет поперек земли нашей, от Балтийского до Черного моря, окоп, и трупами устлана земля. И если эти миллионы положить,—мост из трупов!.. Куда мост из трупов ведет нас? К погибели трудового народа, к погибели свободы! Девять миллионов сейчас на фронте, оторваны от труда. Вся страна работает на них, на прокорм их, одежду, вооруженье; сотни миллионов металла пущены по ветру. Останавливаются железные дороги. Хлеба не хватает. Бескормица. Безработица. В деревне нечем засевать! А вы хотите воевать дальше!.. Милюкова, говорите, убрали. Социалисты в правительстве! Мы ждем, что сделают социалисты в буржуйском правительстве. Только если будут окопники знать, что будет скоро мир, они смогут держать фронт, иначе быть беде при первом же бое... Выбирайте, говорят, в думу, чтоб навели порядок в городском хозяйстве! А можете навести порядок, если не затронете богатых, если не обидите спекулянтов, домовладельцев? Как же их обидеть, когда нужен покой в тылу, ибо на фронте враг? Пока идет война, не должно быть борьбы в тылу!.. Что же вы поделаете со всей вашей демократической программой? Нет, не этих соглашателей, изменников народному делу,—выбирайте интернационалистов, революционеров! Только тех, кто за революционные меры в городском хозяйстве—за рабочую милицию, за прогрессивный налог, за реквизицию и правильное распределение продуктов...

Конец речи тонет в громовых аплодисментах. На подмостках высокий солдат с черной бородой.

— Чего они понимают?! Война, трупы... Мост из трупов... Куда ведет?—заорал он:—К дворцу романовскому... Через войну вышел народ в разум. Шесть миллионов погибло потому, что царята губили народ. Предатели Сухомлиновы. А теперь опять понаехали шпиены мутить нас... Единство нужно! Давно б смяли немца: у немцев голод. Америка с нами. Победа в руках! Спасаете немца! Вы с Вильгельмом, с Франь-

цем... Вы нож в спину фронту! Пож самим немецким рабочим! Товарищи! Долой предателей-шпиенов! Война—войне! Война Вильгельму до конца! Пока не сгниет, как Романов. Каленым железом предателей, а не в думу их выбирать! Все места только честным людям, не немецким агентам!..

И такая ярость в голосе, что собрание, только что плескавшее словам интернационализма, устраивает едва не овацию урапатриоту ...Как в тумане, в глубоком волнении, полный образов недавно пережитого, начинаю свою речь:

— Привет вам, товарищи, от революционных пролетариев Запада. Я из Франции. („Через Германию, под пломбой?!") Проехал морем через Англию и Скандинавию. А если б был в Швейцарии и не было бы иного хода, проехал бы и через Германию. Союзники наши? Демократия Франции, Англии?.. Англии?..

И встают образы гнусного издевательства над рабочими, презренного насилия над всякой демократией и над солдатом. Наши солдаты во Франции. Вспоминается, как встречена была русская революция. И во имя чего их война. Как наживается их тыл. И как встает возмущение этой войной.

...Вот союзники наши,—лучше ль они немцев?! А мы— где наша революция? Николай II подписывается на „заем свободы". (Смех, протесты. „Врешь!!") Государственная дума, Государственный совет собираются свободно и творят заговор против революции. Милюков Дарданельский не у власти, но сладкозвучный Керенский проводит его программу. (Протесты.) Да, его программу! Что ж вы думаете, спроста эта декларация солдатского бесправия? Она возвращает вспять. Она восстанавливает прежнюю армию. Для чего? Чтоб она безропотно шла за старым начальством. А это начальство втайне за царя, за царскую войну, против воли и земли народу. Пошли слухи о наступлении. „Декларация прав" связана с этими планами. Готовят новую бойню. Наше наступление сорвет революцию в Германии, Австрии, во Франции, Англии. Наступление развяжет реакцию у нас... А нас успокаивают—все

в порядке, социалисты у власти... Какие? Кто за эту войну, тот не социалист. Говорят: выбирайте в думу вести городское хозяйство. Нельзя, товарищи, строить городскую думу, как Государственную думу, из буржуазии и соглашателей. Надо организовать революцию, в думу выбирать только последовательных революционеров.

Касаюсь некоторых пунктов нашей муниципальной программы и опять—о войне и избрании лишь интернационалистов.

Шумные рукоплескания... Несколько ораторов сразу...

Яростно вновь вопит чернобородый: „Пломбированные вагоны! А вы у него паспорт проверьте!"

Мягко и язвительно выступает Ильин.

Резолюции. Сговариваемся наспех с Петровым на одной: о выборе в думу последовательных интернационалистов. Ильин и меньшевик выдвигают свою: за деловых людей демократов, за положительную работу. В защиту этой резолюции вновь говорит Ильин—о необходимости единения демократии и отстранения бессмысленных разрушителей, невольных, а то и вольных пособников Вильгельма. В ярости кричит ему Петров:

— Провокатор!

Я говорю в защиту нашей резолюции, стараясь перекричать шум:

— Практические деятели—это обман, нужны люди решительные, способные брать буржуя за глотку и карман. Вот это будет практика!

Отчаянный шум. Председатель охрипшим голосом пытается ставить резолюции на голосование. Голосует за ту и другую меньшинство. Большинство орет, разбившись на группы.

...В небольшой кучке солдат—мы с Петровым. Архипенко весь сияет:

— Здорово! Такого еще не было! Ильин у нас завсегда почти единогласно проходит...

— Плохо, что резолюция не прошла.

— Да что вы! Тут мы и этого не ждали. Ведь и их не прошла... Никаких! Сорвали лавочку!

НУЖНО СМЕНИТЬ ВАГОНОВОЖАТОГО

Получив боевое крещение у автомобилистов, я завертелся по массовым собраниям. Вспомнить все—немыслимо! Бесконечная вереница захватывающих впечатлений...

Сегодня мой вечер в Рождественском районе. Пестро: утомленный, задерганный рабочий народ трамвайного парка. Сказал я свое. Хорошо приняли. Заслушался я на этом собрании одного парня. В заношенной блузе, монтер, толковый и точный, начал свой сказ с расстроенного трамвайного хозяйства.

— Трамвай особенно плох для окраин, и вообще окраины забыты—без света, без воды и газа, нет мостовых, нет школ, нет садов, больниц. Это—николаевское наследие. И революция здесь споткнулась. Потому что буржуйская революция. Дальше, за рабочий порог, революции нет ходу, тормозят. Кто на тормозах, кто вагоновожатый революции? Временное правительство. Тормозят во имя войны. Во имя войны зовут к соглашению с буржуями. Это, значит,—мирись, рабочий, со своей нищей долей. А жизнь дорожает. На рубль теперь купишь, что недавно на тридцать копеек. Плата прежняя. Спекуляция свободна. Безработных в Питере уже за двадцать тысяч. Заводчики с умыслом срывают работу: то нет сырья, то нет заказов. Но берется рабочий за ум. Организуется. Бастует. По всей стране—рабочее волненье. Даже прачки—в стачке, а на что отсталый элемент!

Подходит и к железнодорожной забастовке.

— А это уже нашего цеха!.. Рабочему невтерпеж. Ему войной глаза не отведешь! На буржуйской революции его не успокоишь. Нужно сменить вагоновожатого, чтоб не тормозил. Нужна власть советов. Тут борьба серьезная. За освобождение рабочих. Нужна прежде всего организация. Каждую возможность организации надо использовать. И не дать врагу нигде укрепиться. Нельзя его пускать и в думу. Районные думы и центральная городская должны быть наши. Ни одного голоса буржуям и их лакеям-меньшевикам и эсерам! Все голоса—большевикам!

Мы вышли с т. Степаном и еще с кем-то, разгоряченные и насыщенные боевым задором.

— Двигай в 9-й кавалерийский!

— Идет!..

В манеже 9-го кавалерийского полка был жаркий бой. Щуплый прапор из „военки" храбро защищал позиции большевиков от победоносно наседавших оборонцев.

Резкими, четкими словами заговорил Степан:

— Был уже нам даден урок двенадцать лет тому назад. Тут же, в Питере, в Москве, по всем, почитай, городам легли сотни борцов и безоружных. Царь отбил натиск рабочего народа. Чьими руками? Солдат. Крестьянских сынов! А когда чрез год поднялось крестьянство за землю, рабочий не имел сил дать поддержку. Не было союза, и были разбиты поодиночке. Смотрите, товарищи, как бы не вышло опять по-старому. Не отделяйтесь от рабочих. Будем итти дружно.

Кавалеристы слушают хорошо. Этот закопченный парень говорит ведь тоже о единстве.

— Итти дружно,—но не с купцом, помещиком. А мозоль с мозолью! Земля нужна крестьянству? Вот как нужна! Где ее взять? У помещика. Кто хлебом спекулянтит, прячет его в амбарах? Купец. Как хлеб удешевить и фронт насытить? Сократить купца! Кто мой труд грабит? Заводчик. Как же с ними быть, живоглотами? За горло их единой мозолистой рукой!

(„Чего врешь! А война?!“) Да, война! Война—самое грабительское их дело. Цари и капиталисты во всех странах ведут борьбу меж собой, только не своими руками, а нашими, руками рабочих и крестьян. Нам же ничего чужого не надо. А что своего у нас есть? Сколько у тебя земли? Сколько у меня капиталов? Пусть идут защищать купцы да помещики. Но стой, разберись, товарищи! Неспроста нам твердят про войну. Буржуазия глаза отводит. Чтоб не трогали помещичьей земли, не обуздывали хозяев, не устанавливали свою власть. Сейчас много земли пустует. Каждый знает. И лежит земля без засева. („Верно! Правильно!“) Почему не дает правительство крестьянским комитетам пустить ее в обработку? Посылает комиссаров, чтоб мешали тому. Объявило войну крестьянству... Жди, говорит, до учредилки! Когда-то еще она будет! А Государственная дума в живых, и Николай Романов, того и гляди, вновь объявится. Не дают трогать помещичьей земли, а поэтому, что на ней стоял старый порядок, царский строй. Не дают земли,—значит, готовят поворот к старому...

Война, говорят,—нужна, значит, дисциплина, единоначалие. Потому выборности начальства лишают, восстанавливают власть назначаемых начальников, лишают свободы слова. Вертают старую казарму. Эту тюрьму, где отделяли солдат от народа, чтоб был солдат цепной собакой на буржуйской службе. Война! А потому не трогай помещичьей земли. Не ссорься с помещиком, плати ему исправно аренду, или батрачь у него с зари до зари за квас да хлеб. Не перечь капиталисту. Пусть наживает по сорока и больше копеек на рубль. Не тронь спекулянта—пусть грабит честной народ. Помещики да капиталисты готовят поворот назад, к царским порядкам, потому они и их холуи требуют продолжать войну и не дают земли...

...Мы, товарищи, тоже за войну. И до конца, до полной победы. Наша война—помещикам и всем дармоедам, живоглотам. Наше единство—рабочих и бедных крестьян. И чтоб

эту войну довести до победы, надо прежде всего нам взять власть в свои руки. Как войну кончить? Завоевать себе землю, всю свободу, всю власть. А с немцем на фронте—братанье, договор: друг друга не тронь, бей врага своего в тылу...

Каждое слово дошло... Но раздумчиво, недоверчиво гудит масса.

Выскакивает оборонец, бойко сыплет: Какой ответ! Братанье! Это провокация! Это на руку немецким шпионам и офицерству. Воевать в тылу, а немец придет и поставит опять Николая!

Наш друг из „военки" пытается разъяснить, что немец ведь тоже рабочий или крестьянин. Чего ему зря к нам лезть, если его не трогаем, а своим домом заняты! Да и у немца уже идет волнение. Скоро Вильгельму и Францу—крышка!

Плохо вслушиваются. Лучше слушают свежего человека. Сразу заинтересовываю тем, что вот только что из-за границы.

Привычно разгорячась, говорю о союзниках, о революции, растущей у них. О надувательстве нашей буржуазии. Перехожу к солдатской жизни: о закрепленьи бесправия солдат, о подготовке наступления. О попытке вывода верных революции полков из Питера. Об обмане с землей. О том, что ее брать надо и как брать. Развиваю высказанную Степаном мысль о роли рабочих как верного друга и поводыря народной бедноты; кто за союз рабочих и крестьян, тот будет за большевиков.

Настроение ломается. Оборонца уже не слушают. Председатель из эсеров норовит, однако, протащить соглашательскую резолюцию. Друг из „военки" оглашает свою. Большинство явно за нас.

Выходим группой. На углу уже сильно стемневшей улицы—афиша.

— Эге! Недалеко здесь! Партия народной свободы... Не послушать ли кадетов? Занятно...

В просторной аудитории какого-то училища их несколько

сот. „Приличные“ господа. Собрание уже под конец. На нас косятся. Особенно на Степана.

Какой-то гладенький тип гаденько скрипит про предателей-большевиков, особенно о пломбированных вагонах, призывает к единению всех „живых сил“ и к серьезной работе над городским хозяйством. За ним представитель „беспартийной деловой группы“ нудно тянет о текущих нуждах района, развивая крохоборческую чепуху.

— Прошу слова!—не выдерживаю я.

„Кто такой?“—весь зал в немом или гласном вопросе. „Эмигрант, только что из Парижа“,—шелестит по рядам разъяснение. Председатель звонит:

— Никто не возражает?..

— Дать слово!—предлагают ожившие обыватели.

Об отношении заграницы к нашей революции, о борьбе мнений вокруг нее. Идет гладко.

— Слышу, что и вы также поняли значение нашей революции. Маленькая революция для большой войны... Но вот невдомек мне. Хотите строить городское хозяйство, и очень все расчетливо, хозяйственно выходит. А на деле все равно, как если б пытались у песчаного обрыва в половодье дом выстроить. Ведь фундамент-то подмоет, ведь вода-то все выше и сильнее бьет. Как можно наладить хозяйственную жизнь, не справившись с причиною ее расстройства! А причина в чем? В войне. („Большевик!“ Грохот, несколько хлопков. „Дайте говорить!“) Война уже поглотила миллионы людей и миллиарды рублей. На фронте девять миллионов. Железные дороги работают на войну, и на одну треть уже ослабла их провозоспособность. Промышленность работает на войну. Разруха растет. Вы знаете, что́ говорят ваши же люди в исполкоме (напоминаю Череванина, Громова, Скобелева, недавно кричавших о грозящей катастрофе). Безработица. Голод. Как же вы мечтаете строить правильно городское хозяйство в этаком хаосе! („Так что делать?“) Что делать?! Надо прекратить войну. (Крики и шиканье: „Дайте говорить!“) Нет, не

сепаратным миром. Нет, не втыканьем штыков в землю. Надо братаньем перебросить революцию в Германию. (Свист, крики. Председатель звонит: „Мы сможем ответить большевику. Дадим ему высказаться!“) Разве ж вы не видите, что война уже невозможна? Кто пойдет воевать?! За что?! Нечего защищать рабочим, нечего защищать крестьянам! Дайте им отечество! Землю, заводы, свободу, власть! И тогда будет непобедима армия революции!.. („К делу! О выборах в думу“.) Городское хозяйство, как и все хозяйство нашей страны, нужно подчинить руководству тех, кто способен наиболее хозяйственно его вести. Наиболее хозяйственен тот, кто понимает, что нужно прекратить преступно-бесхозяйственное дело, дело войны. Народное хозяйство и городское хозяйство должны вести те, кто против войны и за революцию до конца. Да, без революционных мер не справиться с городским хозяйством. Не соглашателей, а большевиков-интернационалистов надо выбирать в районную думу. Вот это будет по-хозяйски!

Рев, свист и жидкие хлопки. Сразу несколько к трибуне, жаждая ответить... Весело становится. Разворошился улей до двух часов ночи.

Чего мы только ни услыхали! Нас наставляли по Дану—Потресову о том, что страна наша не доросла до социальной революции, и что авантюрист—тот, кто предлагает переступить черту революции буржуазной.

Нас обвиняли в пособничестве реакции прусской и самому Николаю II. И прочее, и тому подобное.

Степан пытался выступить—не дали. Не дали и мне ответить. Подозрительные типы подобрались к нам. Кто-то шепнул: „Вы б ушли от греха!“ Мы заупрямились.

Только несколько десятков рук поднялось против кадетской революции. Мы вышли под угрожающее шипение...

НЕВСКИЙ — БАРОМЕТР КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Возвращался с какого-то митинга поздним вечером. Бурлит еще Невский. То там, то сям—группы спорщиков. Смесь мягкой шляпы с кепкой, матросской шапкой, солдатской бескозыркой, студенческой фуражкой...

Миновав пару вяловатых, не раскачавшихся групп, застрял в третьей—больно густая... В глубине выступает высокий тенор, очень задористо, под аккомпанемент одобрительных междометий:

— Держать фронт? Что ж, будете торчком торчать, а если немцы пойдут в атаку? Нет, отвечайте! („Ловко!") Отвечайте!

— Будут наступать—придется отбиваться!—неуверенно гудит ответ.

— Отбиваться? А знаете вы, что такое отбиваться? Ведь это на маневр ответить маневром: значит—и наступать. Где различие? Как же можете быть за оборону и против наступления?

Хорошей выправки (видать—кадровый) поручик наседает на матросский бушлат. Высокий тенор властвует:

— Раз немцы не хотят нашего мира, раз они на нашей земле, их надо бить!

— Верно! Бить!

— А тех, кто против наступления, надо арестовывать, как германских шпионов!

— Давить их, гадов! Всех, во дворце Кшесинской!

— Пломбированные прохвосты!

— А нельзя ли разъяснить насчет наступления?.. Хватит ли наших сил, чтоб победно наступать?—некий пиджак спокойным голосом покрывает крики.

Бушлат оживает:

— Да, хватит ли сил?

— Должно хватить, раз вся страна поддержит. И мы не будем одни—союзники напрут со всех сторон...

— Не впервой ведь напирают... А сколько народу уже перебито! Забираем восемнадцатилетних, сорокалетние идут в строй.

— Так, по-вашему, войну кончать похабным миром?! Вы что, против обороны?

— Нет, я за наступленье...

— Ага!

— За наступление против внутреннего немца.

— Какого еще?!

— Против Черновых, Милюковых и их пособников!

— Большевик!

— Милюков и Чернов—великие патриоты!—фальцетирует военный:—Ваши немецкие наймиты служат Вильгельму!..

— Кто это наймит?—не выдерживаю я.

— Милюкова защищать!—разгорячается и матрос:—Ты б еще Николая Романова в угодники посвятил!..

— А ты что, из Кронштадта?—прорвав резким напором ряды, бросается к матросу чуйка:—Изменники! От России отделяетесь!..

— От какой России?—выкрикиваю.—От вашей полицейской, золотопогонной, конечно!

Чуйка резко поворачивается ко мне... Но сильный толчок меня отклоняет за чью-то спину.

— Да, мы кронштадтцы!—кричит матрос.—Ничего не отделялись!

Хочу вернуться в спор, чувствую—настойчиво тянут за рукав:

— Осторожно! Уйдем. Вы слишком горячи, товарищи!

Недавний оратор в пиджаке бодро поспевает за моим привычно быстрым шагом.

— Вас уже собирались взять в работу. Вчера на Морской был избит до полусмерти один пулеметчик. Здесь георгиевские кавалеры, Лига порядка, монархисты, кадеты, переодетые жандармы.

— Ну, вы, положим, сами с задором!

— Пожалуй, сегодня увлекся... Здесь надо бы не в одиночку. Группой и с крепкими кулаками, если еще не с чем иным... Я тут недалеко живу. Постоянно возвращаюсь проспектом... Но вы, очевидно, наш, большевик?..

Разговор—о себе. Мой спутник—Яков Иванович (так, кажется?) Гордон, организатор различных издательств...

Гордон специализировался на кадетских и правосоциалистических („Единства“) собраниях. Его манера—под видом недоумения задавать разоблачающие вопросы:

— Вы говорите, что оплачены немцами? А как же об этом узнали? И свидетели есть? Ах, ах, как интересно!.. Так воевать до конца? То есть до полной победы? Американцы на это дают деньги! Какое бескорыстие! Ничего себе за это не просят? Проценты! И много?.. Сколько ж нам придется платить в год этих процентов? Миллиарда два-три рублей. Кто же их будет платить?.. Дарданеллы? Вы уверены, что получим Дарданеллы? Вот бы хорошо! Но чей это флот в 1878 году помешал наступлению наших войск к Стамбулу?..

Яков Иванович любит бродить среди „кучек“ по Невскому. Чего тут только ни наслушаешься! Но неспроста эти разговоры! Вот уже дней пять, как они господствуют на Невском... Видно, затевают всерьез наступление. Хотят сорвать братанье. Подтянуть армию. Развить поход на большевиков в тылу.

— Все эти мотивы уловите на Невском. Невский, знаете ли,—верный барометр контрреволюции.

„СЕЛЯНСКИЙ МИНИСТР“

И довелось вновь встретить В. М. Чернова. В зените его славы. Из ЦК послали меня в Колпино. Тов. Стуков (бородка „буланжила“ его мягкое русское лицо) просил поддержки против эсеровского засилья. Большой митинг—приезжает сам „мужицкий министр“.

...В поле у деревянной трибуны, драпированной кумачом, народищу, действительно, гибель. И все мастеровой. Но колпинцы—или пришлые из деревни, или с деревней не порвавшие, да еще здесь огородик, домишко. Есть за какую „жабру“ ухватить их соглашателям.

Крики „Ура-ра-ра!“ задолго возвестили приближение министерского автомобиля. Широкий проход министру. Нас, группу большевиков, небрежно, резко отодвинули. Овация затянулась, пока министр обменивался демократическими рукопожатиями с самозванным президиумом митинга и освобождал пухлую шею от кашне.

...„Товарищи!“—еще больше самодовольный барской приятностью в певучем баритоне. (И почему это все шулера и эсеровские лидеры обязательно баритонят?) Виктор Михайлович сейчас еще живописнее, чем на столе, в жалком прокопченном зале „кордильерки“! Ох, и нуда двухчасовая!.. Какой понос красноречивого пустозвонства! Обо всем, и ничего ни о чем... Свержение Романовых—великое завершение

вековечной тяжбы народа с монархией. Теперь снят камень с гроба народной жизни. Расцвет творческих сил. Вся задача: довести страну до Учредительного собрания. Свободно избранное народом Учредительное собрание закрепит республику с землей и волей. Мешает война. Но наше правительство уже определило цели войны. Оно—за справедливый, без аннексий мир. Оно солидарно с советом, посылающим делегатов на Стокгольмскую конференцию социалистов всех стран. Уже в Германии разрастается революция. Австрия готова „выйти из строя". С демократической Германией союзники легко договорятся... Война на исходе. Но нужно единство демократии. Не надо раскола. (Аплодисменты.) Иначе война затянется, и реакция нас победит. Так много работы пред демократией. Надо покончить с остатками старого режима, но не надо преувеличивать их значения. Государственная дума и Государственный совет—труха ветхих времен. Не будем растрачивать сил на борьбу с призраками. Борьба должна быть с разрухой, борьба с голодом, с нуждой. Тут нужны продуманные меры, при помощи рабочих и иных общественных организаций, прежде всего кооперации. Нужно удовлетворить справедливые пожелания обиженных нацменьшинств, но не ослаблять России. (Аплодисменты.) Нужно решить земельный вопрос...

Оратор делает длительную паузу, выпивает с решительным жестом стакан воды. В толпе движение, теснее к трибуне. В задних рядах шопот...

И нуда вновь неумолимо наползает. Социалисты вступили в правительство для этой великой работы. Но без поддержки народа успех невозможен. Нужна поддержка, нужно полное доверие. Он, Чернов, социал-революционер, остается верен программе своей партии и на посту министра земледелия. Земля не должна быть ничьей собственностью. Вся помещичья и подобная земля будет отобрана без выкупа и будет использована по общему закону. Это проведет Учредительное собрание. Таково решение самих крестьян, недавно собрав-

шихся на всероссийском съезде. Крестьянский съезд высказался против немедленного захвата земли. Потому что земельные запасы распределены неравномерно: есть места, где их почти не имеется, и такие, где их в избытке. Потому еще, что захват земли будет на руку только зажиточным: беднота с землей, не имея инвентаря, не управится. Да и взятую так землю плохо засеют—быть поэтому голоду. И наконец, разовьется дезертирство с фронта, а войну надо кончить, но лишь справедливым миром. (И этакую похабщину развивал „социалист“ и „революционер“ Чернов! Так и подмывало разнести его благонамеренную помещичью аргументацию. А он все тянет...) Да, надо помешать помещикам запутать земельные отношения, и министр обязуется издать закон, запрещающий куплю-продажу земли. Правильно отмечают, что много земель пустует, брошены прежними владельцами или просто свободны; разрабатывается закон о передаче таких земель земельным комитетам для общественной обработки... И дальше—такое же крохоборчество. Все еще лишь „разрабатывается“. Прежде всего „порядок“, „никакого самоуправства“.

Главэсеровская пожарная кишка на крестьянский пожар!

Кончил патетической фразой: „Опять к единенью для общего блага, для торжества свободы, за всю землю и полную волю“. Кончил с поднятой рукой. И так и поплыл, колыхаясь на десятках рук над толпою, обнажившей головы под пенье „Марсельезы“...

Грозно, хмуро смотрели на нас, большевиков, не снявших шапок. А в президиуме встретили холодно, насмешливо: „Слово?! Это не митинг. Доклад министра. Никаких прений не будет!..“

Чернов укатил, провожаемый восторженным „ура!“.

— Чего только ни натяпал! И как бы легко его крыть!—сокрушался Иван Иванович, старый котельщик.—Жа-аль!

— Но как ловко рулил—чего ни наобещал!

— Рулил-то ловко, а все же сядет! С пробоинкой!

ВОЛОДАРСКИЙ

... За Невской заставой, вдоль богатой пылью дороги—цепь облезлых, подслеповатых домов и деревянных домишек, где ютится обгрызанная хмурая жизнь. Там и сям высятся трубы мощных заводов.

— У нас еще народ—в раскачке. Крепко сидят эсеры. Сейчас они ходят винтом—играют в оппозицию собственной партии. На Обуховский и податься трудно. Недавно там был— и с каким успехом!—сам Алексинский. Подписались на „заем свободы". Но в последние дни во всем районе как бы все двинулись. Больно народ озадачен разгрузкой. Чего затеяли?! Хотят ослабить Питер. Недалеко, мол, немец. Мы-то знаем иное—контрреволюция близко.

Алексеев, старый рабочий, большевик, такой беседой стремится подать мне, новичку в Невском районе, живые факты, помочь подготовить мою будущую речь. Да, за это можно зацепить массу. Идея с разгрузкой столицы от предприятий, действительно, оказалась для Временного правительства идеей политически несчастливой.

По всему рабочему Питеру идут волнения. Неудивительно еще, что рабочие такого „большевистского" завода, как „Новый Леснер" (где из 8000 за меньшевиков голосует едва 35), заявляют, что организация промышленности и доставка продуктов для населения могут быть обеспечены лишь при пе-

реходе власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов и при организации строгого контроля трудящихся над всем хозяйством страны. „Система разгрузки, выработанная капиталистами, направлена против революционных рабочих,— заявляют леснеровцы в своей резолюции,—поэтому мы протестуем против такой системы“. Дальше в своей резолюции рабочие завода „Новый Леснер“ требуют удаления из Петрограда лиц, не занимающихся производственным и общественно-полезным трудом (кокоток, праздношатающихся саврасов и т. п.), требуют отпуска на полевые работы крестьян, работающих на фабриках и заводах, а также прекращения доставки роскоши для „невских шакалов“.

Неудивительно также и то, что завод Парвиайнена требует разгрузить Невский от шелопаев, которые кричат: „Война до победного конца!“—и натравливают солдат на рабочих. Но вот и Путиловский называет разгрузку „контрреволюционной западней“. Балтийский требует эвакуации монастырей, лазаретов, уничтожения спекуляции, закрытия кино, театров, а также всех „злачных мест“...

— Надо спешить!—спохватывается Алексеев. Как бы не запоздать.

Входим группой в уже доотказа переполненную мастерскую огромного завода... Протискиваемся к трибуне, на которой словоблудит какой-то „видный“ эсер. Конец его речи тонет в бурных одобрениях. Но прежде чем мы успели добраться до стола президиума, председатель объявляет: „Слово от партии большевиков имеет т. Володарский“.

— Приехал-таки!—удовлетворенно и несколько сконфуженно шепчет мой поводырь.—Уж вы извините, товарищ.

— Ничего, послушаем!

Да, есть что слушать. Голос, несколько глуховатый, нутряной и трепетный, вдруг наливается металлом, крепнет и как бы ударяет молотом по раскаленным „сердцам“...

И откуда берется в будто чахлой, чахоточной груди нью-йоркского портного такая мощь звуков! Язык его прост, слова

доходящие даже в самых сложных местах речи. А диапазон ее достоин момента—так говорят с классом, созревшим для того, чтоб творить историю.

В его речи много о разрухе. Ах, эти министры-социалисты! Какая храбрость на словах! Министр труда Скобелев заявил недавно, что государственное хозяйство на краю пропасти. В казне нет денег. Надо вмешаться в хозяйственную жизнь. Надо обложить имущество беспощадным налогом—до 100 процентов прибыли. „Если капитал хочет сохранить буржуазный способ ведения хозяйства, то пусть работает без процентов... Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков“.

И вы хотите это выполнить под ручку с десятью министрами-капиталистами и не трогая чиновного аппарата старого режима! Нельзя ли к делу, г-н Скобелев! Но Временное правительство и не хочет и не сможет приступить к делу, ибо оно—правительство буржуазии и требует единства для войны.

На деле же углепромышленники на юге сознательно дезорганизуют производство. На деле—акционеры получают от 20 до 200% дивиденда. Заводы не ремонтируются, изношенные части не заменяются новыми, запасы сырых материалов и угля не возобновляются. Хозяева проводят итальянскую забастовку, а то и скрытый локаут,—сокращая производство и рассчитывая рабочих под предлогом недостатка металла, угля, отсутствия заказов, непосильной конкуренции.

Оборонцам это известно. Они вынуждены признать факт разрухи, близость катастрофы, необходимость „героических“ мер. На узких собраниях они договариваются до прямых обвинений капиталистов в экономическом саботаже и до таких требований, как нормировка товарных цен, в связи с принудительным распределением по указаниям „общественной власти“; установление контроля над производством; принудительная трестификация промышленности, своего рода государственная трудовая повинность для администрации и т. п.

На деле же они не идут дальше организации „Экономического совета“ из представителей капиталистов, совдепа и правительства. Нет, не такими мерами исцелить разруху. Первой мерой должно явиться—прекращение войны...

И тут, чрез несколько фраз, особенно захватывающе заговорил оратор:

— ...Сейчас Милюков Дарданельский стоит за продолжение войны до победного конца. Но в царское время, с полгода тому назад, тот же Милюков заявлял в Государственной думе: „Лучше поражение, чем революция!“ Противоречие? Нет. Тонкое понимание своего социального интереса. Потому что революция—тоже поражение, хоть и не военное, но поражение в классовой борьбе, поражение класса, который представляет Милюков. Милюков был при царе пораженцем в войне против немцев. Он боялся, что революция отнимет у буржуазии ее капитал, ее заводы, ее землю и ее власть. Он понимает, что эта революция, раз начатая, не остановится на том, что перенесет корону с головы одного Романова на голову другого Романова, не споткнется о буржуазный порог; революция возьмется за землю, за заводы, фабрики. И он был пораженцем, предпочитал революции поражение от немцев. Запомните это, товарищи (голос его звучит трубно, в высшем подъеме), потому что при случае и Милюков и иже с ним снова станут пораженцами, только б сломить революцию; они будут готовы открыть фронт войскам кайзера, только б не дать ходу нашей рабочей революции. Запомните и вынесите для себя еще такой классовый урок— лучше поражение на фронте, чем победа контрреволюции в тылу! Это классовая, пролетарская установка... Не волнуйтесь, не огорчайтесь! Разбив контрреволюцию в тылу, захватив землю, установив свой контроль на заводах, овладев властью для доведения революции до полной победы, рабочие и крестьянская беднота обретут наконец свое отечество, зажгут ряды свои таким подъемом, таким геройством, что их армия станет несокрушимой, непобедимой, победоносной!..

Невольные бурные аплодисменты прерывают речь т. Володарского. Но слышу над ухом:

— В райком звонят, что нет никого наших на Обуховке... Как, товарищ?

— Идем!

И был трудный бой на Обуховке. Но резолюция оборонцев с одобрением вступления социалистов в правительство была провалена. Говорят—первое их поражение на Обуховском заводе.

ЗРЕЕТ КРЕПКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ ГРОЗА

В буйном кипении огромного города чувствуется железная волна пробудившегося класса. Поэтому язык крепнет, становится требовательным, властным.

Пусть еще много колебаний! Еще можно на время, на короткое время, сбить массу, особенно солдат, с правильного пути. Ведь у большинства из этой массы всего лишь два месяца политической жизни. Пока еще проходятся азы политической грамоты. Но обучение идет быстро.

Лишь одни представители Кексгольмского и Преображенского полков голосуют против резолюции, принятой собранием от 9 гвардейских запасных батальонов (29 мая ст. ст.) против переформирования их в полки.

Солдаты поняли, что под предлогом поднятия боеспособности хотят разгрузить Петроград от революционного гарнизона. Ведь при развертывании каждые два батальона из трех будут удалены из Питера на побережье, в Питере останется лишь третий батальон каждого полка из необученных, т. е. из вновь пришедших.

Попытка разгрузить Питер от революционного гарнизона сорвалась.

Наряду с частями еще весьма политически незрелыми были, однако, и части высоко сознательные. Довелось мне соприкоснуться с одной из таких, большевистских частей—со 178-м

полком. Фактический руководитель полка, подтянутый, стройный прапорщик Левенсон, который так хорошо показал себя потом на фронте против донской контрреволюции, задумчивым, серьезным взглядом определяет меня:

— Ну, у нас работа благодарная. Отдых будет для вас!

И был, действительно, отдых! Каждое слово подхватывалось жадно, с подъемом; сотни искрящихся глаз будто поднимали тебя мощной волной. Речь насыщалась уверенностью, казалось все возможным, казалось, что нет такой силы, которая способна была бы задержать наш порыв. Предвиделась уже близкая наша победа. Чувствовалось, как вся трехтысячная масса как бы слита с тобой в одном порыве...

Таких полков было несколько. Не довелось мне быть у пулеметчиков. А говорят—не отстанут от 178-го! Финляндцы, московцы—тоже.

Но преобладают все же еще колебания, сомнения.

Не чужды их и некоторые слои рабочих. Однако есть заводы, даже районы, далеко опередившие в политическом развитии основную массу. В Выборгском районе—громадное возбуждение, революционное нетерпенье.

Как-то во дворце Кшесинской встретился мне впервые и так и врезался в память горячий патриот Выборгского района, т. Лацис. „Дядя", как его все звали, крупный бородач, крепыш,—весь горел возбуждением. Он приносил с заводов своего района особую яркость настроений. В нем звучало мощное напряжение масс. Он говорил о неизбежности рабочих выступлений за власть советов, о росте анархистских влияний из-за нашей медлительности, говорил о невозможности остановить массы от прямых действий, от захвата заводов, почты, арсенала. Движение, по его мнению, неминуемо должно было прорваться.

В других районах не было еще такого единодушия и нетерпенья.

Однако даже в наиболее, казалось, отсталом, в Невском районе, прямо на наших глазах за одну неделю настроение

настолько изменилось, что эсерам и меньшевикам было уже невозможно выступать открыто. Изворачиваются, прячутся за интернационализм, отгораживаются от своих лидеров. Лозунги же большевиков победоносны, популярны. Популярность наших лозунгов была такова, что эсеры и анархисты вынуждены были сплошь и рядом их красть.

Громадный подъем также и в организационном строительстве рабочего класса. Растут профсоюзы. Повсюду возникают завкомы, все расширяющие на практике свою деятельность. На каждом заводе—десятки выборных делегатов. Вот хотя бы Трубочный завод Васильеостровского района. На этом заводе выбраны делегаты: в центральный Питерский совет, в завком, в контрольную над производительностью завода комиссию, в примирительную камеру, в товарищеский суд, по страхованию, по приему и увольнению рабочих, в культпросветкомиссию, в продовольственную комиссию, в финансовую, в президиум общезаводских собраний. Функции еще не точны, смешаны; права завкома и профсоюза не определены; завком наблюдает как будто за всем и ни за чем в частности—в стороне от него комиссия контроля за производством, комиссия по приему и увольнению, культкомиссия. Но везде жизнь—движение к новым формам.

Рабочий класс организуется. Рабочий класс энергично борется за улучшение условий своей жизни. Питер охвачен массовыми забастовками, и в том числе в самых отсталых пролетарских слоях (прачки, приказчики, булочники). И всюду—порыв к творческой инициативе, вскрывающий гигантские запасы энергии и организационных способностей.

Когда и где? Возможно, на следующий же день после злополучного митинга у автомобилистов, в знаменитом особняке Кшесинской,—в одной из заслеженных, с разметанной мебелью зале Петроградского комитета встретился мне этот любопытный парень. Тов. Жук, работающий на Шлиссельбургском заводе. Коренастый, чернобородый, с живыми глазами,—он оправдывал свое имя. Легко разговорился.

— ...Сутолока здесь в Питере. Терпенья нет! У нас, на пороховом, мы уже взяли власть. Еще месяц назад администрация заявила: работать не над чем, завод закрываем... А с пороховым бы стал и кирпичный, и молочное заведение барона Медема. У нас производство вредное—газ, вентиляция никуда, сколько народу поотравилось! Поэтому и пьют молоко. Мы и решили, если закрывается пороховой, то сохраним хотя бы кирпичный и молочную экономию. Туда-сюда. Нашлись-таки меж нас люди с понятием, взялись вести молочное дело. Рабочие в экономии охотно согласились остаться, управляющий тоже: „Буду работать под вашим контролем". Таким же порядком наладили с кирпичным заводом. Поставили свою боевую дружину и в экономии и на заводе, чтоб не было расхищения. И работа пошла. Ох! И поднялась же кутерьма! „Речь" да „Биржевка" кричат об анархии, приехал к нам прокурор, за ним делегаты от правительства, следом сам Чхеидзе с членами Центрального исполкома. Повертелись, посудачили—и с тем и отъехали...

Характерная картина!

Рабочие переходят к непосредственному действию, ибо уперлись в тупик, а мелкобуржуазные оборонческие „вожди" в ужасе: курица, выходившая орлят.

...Возбужденные, возволнованные посетители „военки" и ПК—солдаты, матросы, рабочие. Все это несло на себе отпечаток грозовой насыщенности масс, чрезвычайного напряжения, наросшего, в потенции, огромного движения.

Значительно позже (около 25 мая ст. ст.) произошла встреча с парой молодых моряков из Кронштадта.

— Что это вы? Взяли власть в свои руки, с правительством рвете?

— Видишь, товарищ! Дело простое.

Совет депутатов в Кронштадте постановил взять в свои руки управление городом. Это верно, что сгоряча решили было отказаться от сношений с правительством, но потом сообразили, что это неправильно. Откуда хотя бы денег взять? По

делам текущего порядка придется разговаривать с правительством. Однако в политическом вопросе признаем руководство только Питерского совета. Должность комиссара правительства упразднили. Ну, и пошел же вой!.. Да не то обидно, что из „Биржевки“ лают, а вот—что и свои не совсем поняли. Ведь как нас в „Правде“[1] Каменев отчитал! Будто младенцев. Трудное, мол, дело затеяли. И то вот, смотри, как бы не проворонили, и об этом, поди, не подумали... А у нас „республика“ уже второй месяц, управляемся советом и живем: городское хозяйство налажено, спекуляции нет, производство идет полным ходом... Только и делов, что уточнили свой порядок. В буржуйских газетах пишут, что у нас самосуды, избиения и издевательства над заключенными. Ничего подобного! Порядок полный! Наезжали к нам члены Центрального исполнительного комитета Скобелев и Церетелли, но повернуть назад не смогли. Признали, что имеем право на выбор правительственного комиссара и на контроль над военным начальством.

Таких примеров, меньшего размера, не мало! Пороховской район, например, организовал производство пищепродуктов, Шлиссельбургский—общую запашку пустующих земель.

Капиталисты саботировали производство. Рабочие приходили к выводу—надо поставить рабочий контроль над производством. „Оргвыводы“ на одном заводе вырастали в выводы значения государственного...

Рабочие Питера организовывались. И все настойчивее вставал перед нами вопрос о создании своей вооруженной силы. Вначале—для охраны заводов и заводских складов, митингов и демонстраций. В мае это движение еще не развернулось, но оно шло, оно захватывало уже все предприятия Выборгской стороны, ряд заводов Петроградского, Нарвского и Московского районов...

В Питере все жарче. Зреет крепкая пролетарская гроза.

[1] «Правда», № 63.

И зреет мощь пролетарской партии, партии ленинцев-большевиков.

И вся огромная организационная работа пролетариата, и вся его разгорающаяся экономическая борьба протекает под непосредственным руководством большевистской партии. Партия идет под знаменем конечных целей, партия зовет к борьбе за власть, но партия не упускает из виду повседневных нужд рабочих масс, она энергично направляет борьбу рабочих за их частичные требования. И гигантски возрастает влияние большевистской партии. В профсоюзах, завкомах мы шаг за шагом тесним, вытесняем оборонцев, отбрасываем их в мелкобуржуазную „улицу“. Все более нераздельно господствуем в рабочих районах Питера.

МОРЯКИ ГЕЛЬСИНГФОРСА

Среди митинговой горячки вызывают в ЦК.

— Вам предложение—поехать на руководящую работу в Гельсингфорс. Вы уже огляделись. Подходят крутые дни. Быть большой драке... Финляндия—наш боевой тыл. Мы крепко рассчитываем на поддержку оттуда. Так согласны?

— Согласен, Яков Михайлович!

— Вот и отлично! Братишки приехали оттуда... Там не мало тысяч моряков—великолепные ребята! Когда бы могли ехать?

— Хоть сегодня...

Подробности Гельсинфорсской обстановки мне рассказали „братишки". Такие свежие не одним лишь обликом: у Марусина—несколько белесоватым, с тонкой хитрецой, у Дмитриева—украинским, да не совсем: черноволос, черноглаз, но без всякой хитринки.

— ...Как флот встречал Февральскую? Адмирал Непенин занялся провокацией. В ночь на 3 марта издает приказ: идет, мол, полк на усмирение, „Павел I" будет расстреливать всех. В Питер же телеграфит, что, мол, в Гельсинге погром. 2 марта разогнал на Сенатской площади минную роту. С Непениным вообще невозможно—нас лишили всего. Аресты, карцеры переполнены. Шпионство. Тянули за куренье, за езду в трамвае. В Гельсинге запретили продавать матросам

книги. Любимое наказание—сажать матроса на оклад, лишать на шесть и больше месяцев. Гнилой суп. Отказались есть—53 старшины столовой посажены на оклад. Явился сам Пепенин: „Все на ют!“ Ругается постыдными словами. Начальник 2-й бригады линейных кораблей, контр-адмирал Небольсин—тоже... Вот и прорвало терпенье. 3 марта к вечеру корабли „Павел I“, „Андрей Первозванный“ и „Слава“ подняли боевые красные флаги. К ним присоединились остальные, да крепость и порт. Офицеров и сыщиков арестовали. Самосуды были самые необходимые. Общее святое дело пострадало бы, если бы их оставили на воле. Все принято во внимание и расчет. Не было лишних жертв. В городе начался переполох. Полицейские еще раньше того испарились все до одного... Со всех кораблей и частей еще с вечера 3 марта нарядили массу тайных и явных обходов для поддержания порядка... В корне старая власть, все нити, связывающие ее, были порваны. Пришедшие в разное время вагоны с напитками для господ офицеров уничтожили, разбив на месте. Не было ни одного пьяного. С 9 часов утра 5 марта на кораблях уже возобновилась работа по ремонту...

Организация большевиков в Гельсингфорсе оформилась лишь с начала апреля.

До той поры существовала какая-то странная каша, называвшаяся „социал-демократической организацией“: в ней прекрасно себя чувствовали председатель совета, выдававший себя за большевика, мичман С. А. Гарин да некий Хилиани, раскачивавшийся от крайнего интернационализма до самого пошлого оборончества и соглашательства. В армии и во флоте было засилье эсеров, в порту и на заводах—меньшевиков.

Приехавшие, во главе с тт. Женевским и Жемчужиным, в середине марта несколько большевиков из Питера и Кронштадта сильно оживили работу. Поставили ежедневную газету „Волна“, помогли оформиться судовым коллективам, созвали наконец партконференцию. На ней был избран пер-

вый большевистский комитет. Хилиани и Гарин сразу стушевались. Секретарем был избран рабочий Сидоров. Были созданы партийные коллективы на многих судах, из них наиболее крепкий был на „Республике“. Партийный комитет наладил контакт с финскими социал-декократами, которые играли большую роль в сенате; вице-председатель сената т. Такоя, как и рабочий Властен, много помогли в налаживании газеты и вообще организации. Газету печатали в сенатской типографии. 5 апреля (ст. ст.) состоялось совместное с финскими рабочими выступление за восьмичасовой рабочий день.

На митингах, однако, все еще брали верх эсеры.

На что хороший оратор была т. Коллонтай, но и ей не удалось переубедить в вопросе о „займе свободы“. Совет постановил подписаться на заем. Но совет давно не перевыбирался, настроение же масс быстро и резко менялось. Были уже суда, команды которых заявляли готовность итти хоть сейчас в бой за власть советов...

Под оживленную беседу незаметно приехали...

В Гельсингфорсе, на Мариинской—и комитет, и редакция „Волны“. Все в сборе по случаю приезда нового работника. Среди складно скроенных, ловких движений моряков Павел Дыбенко выделялся законченной солидностью: басистым голосом, спокойной уверенностью походки, спокойной выдержкой черных глаз и курчавистой бородкой—красавец-парень и деловитый. Он председатель Центробалта, „старый“ моряк с флагманского судна. Рядом—Лебедев, невыдающейся наружности, с задумчивой усмешкой, но человек больших способностей. Молодой моряк Светличный, превосходный, преданный товарищ, безотказный работник „на все руки“. Канунников—сама простота и преданность, смелый распространитель „Волны“ в Питере, уже битый однажды юнкерами за это. Таковы вдобавок к Марусину и Дмитриеву моряки первой встречи.

Рабочие: Сидоров, секретарь парткома, старательный, но

безличный; твердый, финской флегмы и финского бесстрашия т. Властен. Наезжие: весь кипучий, „бекренистый“ Дмитрий Жемчужин, приглаженно-тихий и скромный Анатолий (Антипов), солидно-педагогичный Владимир (Залежский), Бон—особенно случайный и будто в крылатке, Леонид Старк—под внешней вяловатостью немало энергии, молодой литератор, т. Эля—„женорганизатор“, чернявая, молодая.

Перекрестный разговор за чаепитием. И такая искренняя простота, сердечность от моряков и великолепного Жемчужина, что сразу вживаешься и закипаешь к работе...

Немного я прожил с моряками Гельсингфорса, но эта жизнь, работа с ними незабываемы! Ах, ты, братва, просоленная морем, обработанная крепкими ветрами,—горячая, боевая, сплоченная, задушевно-простая!

Ясным, прямым подходом к ним надо было итти, открыто брать их словом классовой правды. И какие же источники невиданной энергии, преданной самоотверженности, беззаветной веры, гигантского энтузиазма являли они!

Когда пришла пора испытания огневым вихрем Октября, они обнаружили дивной крепости большевистский закал, героическое мужество, „братишки“ Балтики. И всюду, на всех постах, на всех фронтах Октября в его тяжкой, неравной, в его героически прекрасной борьбе—они были в первых рядах. Разметали свою энергию, свою крепкую волю, свой порыв по всем краям страны революции... К ним, к этой гвардии Октября, ни слова упрека, вспомнив „Кронштадт“! То был иной флот, уже истощивший большевистскую кровь в далеких боях; флот—иного подбора, без кадров, израсходованных иль переброшенных в костяк иных организмов пролетарской революции. Вам, „морским волкам“ семнадцатого года, стойким ленинцам,—честь и привет!

ВОЛНА

— Сегодня у эсеров митинг о положении труда. Пойдем, послушаем...

До Сенатской площади недалеко. Под вечер она в тенях, и море там, за переулком, отливает хорошо отпущенною сталью. Гулкая площадь прекрасно резонирует. Но и размеров почтенных! Тысяч пять, нет—больше, народу,—преобладает матросский бушлат,—сгустились пред папертью собора, откуда раздается размеренно голос. Это местный лидер эсеров Терапулов. Пухлый восточник в гимнастерке.

— Полезно бы использовать! Может, выступите?—обращается выжидательно ко мне кто-то.

— Охотно!

— Только не говорите им о братаньи,—советует Бон,—тут этого не любят...

— О братаньи? Непременно скажу!

С сомненьем косятся на меня новые приятели. Дмитриев отделяется к председателю митинга.

— Никаких прений не допускается...

— А мы и без прений,—предлагает Жемчужный.

Эсеры объявляют доклад законченным. Публика трогается, но, увидя нашу группу на паперти, кое-кто из моряков останавливается, и когда один из нас (кажется, Дыбенко) восклицает гулко: „Товарищи, задержитесь! Только что приехавший эмигрант из Франции хочет порассказать кой-чего“,—

толпа вновь густеет и подкрепляется мало-по-малу прогуливающимися.

Чудаковатый вид „эмигранта“ заинтересовывает. А я уже— „в седле“... Привычный, но с новым подъемом рассказ о заграничных переживаниях и затем—о нашей революции. С большой злобой и внутренней, злой слезой—о нелепости войны, о необходимости ее кончить братаньем и бойной в тылу. Жадно слушают, подъемно отзываются. Это бодрит, внушает еще больше уверенности и силы. Возбужденные, радостно орущие лица... И уже подхватили, понесли над толпой крепкие руки.

Новые приятели, вижу, начинают „уважать“.

— И голосище же у вас!—басит Дыбенко.

С этой поры оборонцы не смели до „июльских дней“ выступать на Сенатской площади: она безраздельно была завоевана нами.

Просидел изрядно над старыми номерами (комплектом) „Волны“.

Первый номер „Волны“ вышел 30 марта, как орган свеаборгского матросского коллектива РСДРП. Номер начинается статьей „От редакции:

> „Поднялась волна революции. Смело ринулась она на темную, мрачную скалу, одним ударом обрушила она ее подмытые, расшатанные устои.
>
> Отступает она на миг и снова, с еще большей силой, набрасывается на скученные, нагроможденные обломки, размывает, уносит их в морские глубины.
>
> И не упадет, не успокоится волна, но будет расти, вбирая в себя новые силы, пока не довершит свое дело, дело правды“.

Молодо, свежо, как волна Ботнического залива в вечерний час хорошей весны.

И самая наивность подкупает. Особенно хорош „отдел местной жизни“, ведущийся самими моряками.

С 6 апреля „Волна“—уже издание гельсингфорсского комитета партии. Хороший организационный скачок!

11 апреля—о собраниях судовых коллективов. (Вот! Вот! Основа организации по-большевистски—ячейки на местах!)

16 апреля—городская конференция. Видать, в организации не очень-то четко! Входили и не-большевики. Наивное решение: создать совместно с эсерами и комитетом республиканцев „информационное бюро для борьбы с контрреволюцией“...

Соответственно нет полной четкости и в редакционных статьях. Рядом с великолепными ленинскими формулировками, заимствованными из „Правды“,—от себя довольно беспомощные указания на то, как бы братанье не превратилось в „ловушку“ для революционных русских солдат (№ 19 от 6 мая). И так много этой опасливости, что отбивает охоту брататься!

Слабенек еще наш комитет! 29 апреля комитет обсуждает, между прочим, дело представителя эстонской социал-демократической группы Мазича, голосовавшего на заседании совета депутатов за „заем свободы“. И большевистский комитет ограничивается напоминанием явному оборонцу о партдисциплине!..

Через несколько дней социал-демократическая фракция предлагает Гельсингфорсскому совету признать недопустимым и опасным решение исполкома Петроградского совета о вступлении социалистов в коалиционное правительство. Это предложение, однако, сформулировано неправильно: коалиционное правительство осуждается, между прочим, потому, что оно „вызовет доверие лишь к отдельным его членам, а не ко всему правительству“.

Соглашательски звучит и вынесенная на заседании 17 мая резолюция Гельсингфорсского совета, принятая на основе соглашения социал-демократов и эсеров, о необходимости создания „демократического правительства из рядов революционной демократии“, а также призыв к Петроградскому совету создать такое правительство.

При такой нечеткой позиции парткома не окозалось и

должного руководства пестро настроенной, взволнованной массой.

В эту массу входило до десяти тысяч матросов флота, 42-й пехотный корпус, крепостные части, рабочие порта и заводов—и финские рабочие!..

Пестрая масса, пестрые настроения!

«МЫ ПОСЛЕДНЮЮ РЕЗОЛЮЦИЮ ВЫНОСИМ. НЕ ВЫПОЛНЯТ—БУДЕМ ДЕЙСТВОВАТЬ»

На стальных волнах Балтики, перед бескрайным простором, полным вражеских угроз, флот гельсингфорсской базы выглядит нарядно, подтянуто, бодро и всегда наготове.

Основной кадр его моряцкой массы—машинисты, техники, серьезной квалификации, зрелые пролетарии—задает тон всей флотской жизни. В этом слое все социалистические партии Гельсингфорса имеют основную свою опору.

Но этот слой поглощается моряцкой молодежью, особенно многочисленной на дредноутах. Эта молодежь, подвижная и буйная, вносит много неожиданных зигзагов в политические выступления флота.

...Когда шла речь о том, с кого мне начать „визиты", не было двух мнений. С „Республики". Старый броненосец, насквозь большевистский, шел впереди всего флота по своей политической зрелости. Еще в апреле, после первого выступления Ленина, он требовал всей власти советам. И если он принимал „ступенчатые лозунги" (как 21 мая—о переводе Николая Романова в Кронштадт), то из соображений педагогических в отношении остальной моряцкой массы.

На „Республике" приняли меня крайне радушно. Судовой комитет жил в деловой дружбе с командным составом. Судовой комитет сливался с партийным коллективом. А коллектив

на „Республике“ был наиболее крепким, представлявшим собой настоящую большевистскую ячейку, сумевшую и революционно решать мелкие вопросы моряцкого быта, и держать через судовой комитет дисциплину на судне, и откликаться своевременно и инициативно на злобу политического дня.

Хорошо мы побратались с „Республикой“. Недаром меня потом здешние эсеро-меньшевики именовали „большевистским попом“ с „Республики“ (на „попа“ иль дьяка смахивал длинными волосами и чрезмерной певучестью речи).

С „Республики“ пошел причаливать от судна к судну. Вторая бригада крейсеров: „Диана“, „Россия“, „Андрей Первозванный“ и „Слева“—шла в большевистской колонне следом за „Республикой“.

В резолюции 21 мая команда „Дианы“ единогласно заявляла:

> „Мы третий раз уже не намерены шутить ни с кем. Мы последнюю резолюцию выносим, а потом, после этой, уже будем действовать открытой силой. И так, кому дорога свободная родина, тот немедленно присоединяйся к нам для спасения молодой свободной России.
>
> Пока у нас находится в своем дворце Николай кровавый, дотоле мы не можем быть спокойны, дотоле мы не можем сказать уверенно, что он от нас не улизнет и не начнет на те же деньги, которые награбил, будучи коронованным разбойником, мутить, то есть устраивать контрреволюцию, которой нам совершенно не надо. Вот, товарищи, почему мы требуем отправить теперь же Николая Романова к самому верному революционному народу (Кронштадт)“.

Здесь, как и почти во всех резолюциях Балтфлота того времени, еще лишь начатки классового прозрения. Подход от братского Кронштадта облегчал продвижение мысли: вся власть советам! Но эта мысль еще не сформулирована даже первыми словами. Подход от Николая II, чрезвычайно уместный для наиболее отсталых масс своей выпуклой очевидностью, также не заведен достаточно далеко и не увязан с

идеей о всей власти советам. Но в этих резолюциях уже несомненен подлинно революционный порыв.

23 мая крейсер „Диана“ легко переходит в следующий класс, он присоединяется к резолюции „Республики“: за власть советов, землю—крестьянам.

Крейсер „Россия“ также присоединяется к резолюции „Республики“ и стоявшего в Кронштадте судна „Заря свободы“; но о земле еще не точно—требует раздела по закону, изданному Учредительным собранием (тут еще непреодоленное влияние правых эсеров).

Председатель корабельного коллектива Красоткин—симпатичный и несколько застенчивый молодой моряк. Хорош и машинист Губунов с крейсера „Андрей Первозванный“, который вместе со „Славой“ идут рядом с „Россией“ и „Дианой“.

Целый ряд более мелких судов—целиком под нашим влиянием и с хорошим большевистским ядром.

Эти суда равнялись по заградителю „Мста“, который в конце мая говорил в живописном наказе делегату на общефлотский съезд:

„1. Помещичья, царская и т. п. земля должна еще до Учредительного собрания перейти безвозмездно в распоряжение местных советов и земельных комитетов; солдаты с фронта посылают своих представителей в эти учреждения, под руководством которых будет отбираться земля.

2. Эта война—не в интересах народов; разыграна она капиталистами для расширения рынков и для пополнения своих сундуков народным золотом. Война затеяна коронованными и некоронованными разбойниками; грабительская война несет смерть и разрушение лишь народам, а кучки капиталистов наживают миллиарды. Россия, свергая царя, не свергла капиталистического строя. Надо, чтоб у власти встала трудовая демократия; лишь она выведет из разрухи и войны к миру всего мира. Кончить так войну можно, лишь скинувши капиталистов и помещиков всех стран.

3. Отношение к власти. Никакого доверия Временному коалиционному правительству, никакого доверия союзникам, требующим войны до конца. Вся власть советам!

4. Не жандармы и постоянная армия, а—всеобщее вооружение народа.

5. Чтоб прекратить разруху, надо скорее кончить войну и передать власть советам; должен быть организован рабочий контроль над производством и распределением продуктов.

6. В городе и деревне—восьмичасовой рабочий день, зарплата—в уровне с дороговизной".

Куда слабее обстояло дело на большинстве крупнейших судов (дредноутах).

Большевистский коллектив на „Гангуте" слабенек. Но все же судовая команда единогласно (1200 человек) выносит 24 мая резолюцию о немедленном переводе Николая кровавого в Кронштадт и о требовании отчета от всех старорежимцев в расходовании народных денег.

Требование подкреплено угрозой—действовать силой!

На могучем „Петропавловске", с которого вышли такие влиятельнейшие вожаки Балтики, как Павел Дыбенко и Марусин, все еще в брожении: молодежь дышит нетерпением, сбивается временами на анархию, щеголяя крайней бунтарской фразой, но мысль не четка, большевистское влияние не определяюще.

Приняли меня здесь хорошо, с подъемом, но ощущалось, что наш коллектив—не полный хозяин, как на „Республике".

Хуже всего на „Полтаве"; здесь с нами целиком лишь седьмая рота. Меня вовсе не допустили на это судно, где господствовали эсеры.

На дредноуте „Севастополь" в полемику вступил один из офицеров, очень ловко доказывая опасность реакции, идущей из Германии в поддержку русской реакции.

Но еще до моего ответа офицера резко, четко „покрыл" матрос Берг, квадратный, мощного голоса, латышского акцента.

Первая неделя почти целиком ушла на объезд флота.

Хорошее, свежее впечатление. Только на „Полтаве" отшили... Неладно еще на некоторых мелких судах. Плохо по-

тому, что боевое значение этаких миноносцев и подводных лодок большое.

Подготовительный класс революции моряками в основном пройден. Настроение же огненное, „невтерпежное“, требовательное.

„Мы последнюю резолюцию выносим. Не исполнят—будем добиваться силой.“ Таков—Балтийский флот гельсингфорсской базы в начале июньских дней.

Стоит, передовыми отрядами смыкаясь с эскадрой ревельской базы, уже ощущающей угрозу германского флота.

Стоит на день ходу от Кронштадта, нетерпеливо вспыхивающего революционным огнем, в преддверьи бурлящего Питера.

СОЛДАТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Флот решительно определял массовое настроение. Его влияние чувствовалось властно в сухопутном гарнизоне. Но солдатская масса сильно отставала в политическом развитии.

В 423-м Лужском полку произошла моя первая встреча с левыми эсерами Прошьяном и Устиновым. Внешне они весьма разнились. Прошьян—„темная южная горячка“, кипел искренним пафосом; Устинов—выше ростом, блондин, суше, рассудительнее, спокойнее и увереннее. Во флоте они быстро нашли поддержку среди эсеров-моряков: с ними—рослый, горячий на язык и на жесты Епифанов, хорошей закалки Евдокимов, с ними подвижной, гибкий юноша Попов. Не считаясь с шипением официальных эсеров, оба вели отчетливо свою интернационалистскую линию. Их влияние чувствовалось и среди рабочих. Позиция их была направлена резко против оборончества, за мир, но была неясна в вопросе о братании. Они выступали против Временного правительства—за чисто „революционно-демократическую“ власть. Не—вся власть советам, но все же—отказ от коалиции с буржуазией. Определенно—за землю крестьянам без выкупа, но против немедленного отобрания земли в распоряжение местных земельных комитетов. Учредиловские иллюзии еще живы.

Со своим нечетким в классовом отношении жаргоном, со

своим особым подходом к „мужицкой психологии“ левые эсеры, наряду с нашими моряками, с их боевым задором, были хорошими будителями политической мысли среди наиболее отсталых солдатских масс.

Споткнувшись о наше непреодолимо растущее влияние во флоте, они утешились работой в пехотных частях. Там до сих пор во многих случаях нераздельно властвовали правые эсеры. Под флагом своей партии Устинов и Прошьян вырывали солдатские массы из плена соглашательства и прокладывали дорогу для нас.

На этот раз их столкновение с большевиками кончилось принятием моей, более определенной резолюции. Помог подход от чисто солдатских нужд, помог напор на опасности подготовляемого Временным правительством наступления, четкая формулировка вопросов о братаньи и призыв к немедленному организованному отобранию помещичьей земли в ведение крестьянских комитетов.

Слабой стороной левых эсеров, особенно чувствительной для слушателей, была их организационная непоследовательность: оставались в одной партии с социал-предателями, несли ответственность за военного министра Керенского, звавшего к наступлению, отнимавшего у солдат завоеванные в революции права, за министра внутренних дел Авксентьева, арестовывавшего крестьянские комитеты, захватывавшие землю, за министра земледелия Чернова, уговаривавшего крестьян погодить до учредилки, уступавшего помещикам в вопросе о пустующих землях, в вопросе об аренде, о купле-продаже земли.

509-й Гжатский полк совсем сыроват—к нему пришлось применить подход от „Декларации прав солдата“, ставить вопросы быта: не дают отпускникам „порционных денег“ и т. д. Лучше в 428-м Лодейнопольском, команда связи которого обслуживала наш партком.

31-й Александровский крепостной полк оказался на начальной стадии политического развития. Впервые этот полк

откачнулся от оборонцев лишь к концу мая, когда отказал в выборе георгиевских кавалеров в дивизионную комиссию по распределению французских наград:

„Протестуем против политики крови, не примем орденов, пока французское правительство не откажется от завоевательных стремлений; постановляем—отослать ордена в Петроградский совет, как вещественное доказательство явно провокационной деятельности французской буржуазии по отношению к свободной русской армии“.

С этого отказа у нас и пошел разговор на полковом митинге. Поздравил я с ним полк, порассказал о французской буржуазии, а потом о нашей армии, ее „свободе“, о скованности ее империалистическими целями войны, общими у Временного правительства с союзниками, да о декларации солдатского бесправия и о провокационной политике наступления.

Развязались языки. Мою речь хорошо подкрепляли сами солдаты.

Плохо было то, что наше влияние в пехотных частях не было оформлено, почти не закреплялось, не было в них партячеек, и эсеровские влияния к началу июня все еще здесь преобладали.

Всего слабее оказалось—в крепостной артиллерии. Отчетливое засилие правых эсеров. Лишь 12-я рота 2-го Свеаборгского артполка приняла большевистского оратора, к другим у нас и хода не было.

В специальных частях лучше, особенно в 3-й роте электротехников. Почти сплошь—надежные, крепкие большевики.

Рабочие

Среди гельсингфорсских рабочих меньшевики еще держат официальное руководство, но масса уже с нами.

На Обуховском, Металлическом, Адмиралтейском заводах и в Свеаборгском порту до 2000 рабочих, а членов партии только 60 человек.

12 мая совет депутатов Свеаборгского порта решил под-

держать „заем свободы“; резолюция „интернационалистов“ (социал-демократов и эсеров) отклонена.

А на общем собрании, тотчас по приезде, мне довелось провести без особого труда резолюцию четко нашу, в противовес меньшевистскому бормотанью некоего Трофимова.

Совет депутатов не отражает настроения масс. Создан еще в марте и не переизбран. Мартенятами полон. Сейчас в нем из 535 членов 130 большевиков, в исполкоме—до половины наших. В областном комитете Финляндии—большевиков всего два-три. Неравное представительство от солдат давало лишние шансы оборонцам.

Финская с.-д.

В редакции на следующее утро по приезде встречается т. Смирнов. Очень „офиненный“, мягкий, внешне вяловатый. Узнаем легко друг друга. В 1907 году, после побега из севастопольской тюрьмы, получил к нему в ЦК явку. Тогда он был библиотекарем Гельсингфорсского университета, много помогал по партийной технике и мне оказал ценнейшую помощь.

В „Волне“ Смирнов вел „отдел Финляндии“. Разговорились.

После революции социал-демократическая партия Финляндии сильно выросла (с 70 000 до 120 000 членов к концу мая); выросли и профсоюзы, находящиеся под ее влиянием (с 50 000 до 115 000) и социал-демократический союз молодежи (с 7000 до 15 000). В финляндском сейме социал-демократы имеют 103 депутата из 200. Но в партии преобладает оппортунистское течение, и на недавнем ее съезде лишь 37 голосов против 70 высказались за большевистскую резолюцию т. Вальпаса в вопросе о власти.

Принятая резолюция отмечает, что участие социал-демократов в правительстве (сенат) есть неизбежное зло; нужен контроль над правительством со стороны рабочего класса; социал-демократическая фракция сейма имеет право поддержать сенат или нет, в зависимости от интересов рабочих. Сенат не является социал-демократическим правительством.

Съезд поручил ЦК, совету и фракции сейма решить вопрос, уйти ли из сената, и в случае ухода—определить его момент. Социал-демократические сенаторы должны уйти, если буржуазное меньшинство в сейме, не дав квалифицированного вотума, постановит отложить принятие новых коммунальных законов и закона о восьмичасовом рабочем дне до сессии новых выборов.

Меньшинство съезда предлагало признать незаконным назначение сената Временным правительством России; отмечало, что вступление социал-демократов в сенат состоялось вопреки постановлению предыдущего съезда, по решению центральных учреждений партии. Поэтому меньшинство предлагало выразить недоверие сенату и ЦК.

Однако в вопросе об Интернационале победа была за левыми: решено немедленно присоединиться к новому Интернационалу. Конечно, это очень характерно для оппортунистов—быть радикалами во „внешней" политике Интернационала, в прикрытие примиренческой тактики во „внутренних" делах.

Мы—в тесном контакте с революционным крылом финских социал-демократов. Мы с ними в их конфликте с Временным правительством и с финской буржуазией.

Конфликт с Временным правительством—из-за переданного 29 мая сейму проекта временного закона о „разрешении прав финляндского сейма".

После принятия Всероссийским съездом советов резолюции, признающей передачу высшей власти в Финляндии ее сейму, социал-демократическая фракция сейма высказалась за коренное изменение внесенного Временным правительством проекта. 108 голосами против 83 (вот он, патриотизм финской буржуазии! Она согласна на самооскопление нации, лишь бы не дать хода пролетариату!) принято предложение социал-демократов: „1) Финляндский сейм один принимает, окончательно утверждает и определяет порядок исполнения законов по всем делам, раньше решавшимся царем и наместником, кроме вопросов внешней политики, военных и

управления; 2) сейм собирается самостоятельно; 3) сам определяет исполнительную власть Финляндии; 4) выборы по четыреххвостке“...

Мы—на стороне социал-демократов и во внутренних вопросах Финляндии. В сейм были внесены социал-демократами новые коммунальные законы (между прочим, дающие и русским право выбора) и о восьмичасовом рабочем дне. Буржуазное меньшинство сейма саботировало их проведение. Социал-демократы грозили всеобщей забастовкой.

Впоследствии, 1 июля, мы организовали совместно с финскими рабочими грандиозный митинг, на котором приняли резолюцию поддержки требований социал-демократической фракции. Громадной демонстрацией направились мы к сейму и вручили свою резолюцию вице-председателю сената Такой.

ЦЕНТРОБАЛТ И КЕРЕНСКИЙ

— ...А теперь пойдемте к нам на „Виолу“.

По пути П. Дыбенко воодушевленно рассказывает о своем детище—Центробалте.

Не легко далось осуществить эту затею. Негаданно оказали сопротивление моряцкие части (суда и экипажи) ревельской базы и Питера: долго тянули с присылкой своих представителей. Совет саботировал, не давал помещения. Устроились нахрапом на неказистом пароходике „Виоле“, неподалеку от Мариинского дворца, где заседал Совет.

В Центробалте большевики в меньшинстве (на 33 меньшевика—9 большевиков и 2 сочувствующих), но председатель—наш, П. Дыбенко, заместитель председателя Магницкий—меньшевик, два секретаря—сочувствующие большевикам.

С первых дней своего непредвиденного бытия Центробалт оказался в кипучей работе.

Разгорячась, гудит Дыбенко о злоупотреблениях во флоте, об „измене“ при постройке батарей на островах, о необходимости отдать полковника Иванова под суд, о ремонте судов. Центробалт взял все эти дела под свой контроль. Хозяйственный, тароватый мужик этот П. Дыбенко!

Рассказывает, как принимал делегатов Центробалта Керенский; распорядился провести в приказе его организацию, по весьма хмурился, читая устав, и направил его „для согласо-

вания“ в Центрофлот. А Центрофлот, слаженный еще в февральские дни моряками-оборонцами, пришел в еще большее смятение... И устав затормозил.

Так и существует Центробалт без утвержденного устава. Но существует-таки! Кипит бодрящей работой. Вместе с Емельяновым и другими левыми эсерами, при содействии близкого большевикам, солидного, с вечной трубкой, моряка Лукашевича, ворочает легко, толково, с хорошей хитрецой и громадной дозой здравого смысла П. Дыбенко большим делом.

Теперь канун первого съезда Балтфлота. Центробалт отчитывается за три недели своего бытия. Дыбенко беспокоит проведение устава. Хотя в § 2 заявляется о признании Временного правительства, как верховной власти в стране и моряки обязуются выполнять все его приказы и распоряжения, но § 3 оговаривает: „Без санкции Центробалта приказы и распоряжения считаются недействительными“. Ожидают на съезд самого Керенского... Хлопот не оберешься!

— Ничего, не подкачаете!

Не „подкачали“.

Провести устав помог не кто другой, как помощник Керенского по морской части Лебедев. Да! Своей наглостью! Керенский не удостоил съезд вниманием (это также „обидело“ моряков), а Лебедев „изволили“ запоздать, а, приехав, расшумелся нахалом и вздумал припугнуть роспуском съезда и Центробалта, если не пересмотрят принятого до его приезда положения о судовых комитетах, о командующем флотом, а также резолюцию, отвергшую специальные суды, введенные приказом 21 мая, и признавшую лишь суды гражданские. Моряки озлились... Скинули Лебедева с почетных председателей и залпом приняли злополучный устав. Да еще скрепили: „Права Центробалта будем защищать силой оружия“...

Без „помощи“ Лебедева провести § 3 трудненько бы было — преобладали на съезде соглашатели.

Съезд разъехался, но тотчас начался целый ряд конфликтов с Керенским.

Центробалт на основе решения съезда не допустил опубликования приказа о назначении членами гельсингфорсского военно-морского суда полковника Подзняка (кандидатом) и прапорщика Шамеса, удаленных из исполкома совета за антисоветское направление.

Второе столкновение было вызвано ретивостью министра. Отдает приказ:

„Родина и революция в опасности. Враги—немцы грозят походом на Петроград, сердце революции. Приказываю всем верным сынам отечества и революции немедленно записаться добровольцами на фронт. Из добровольцев сорганизовать шесть батальонов, которым приказываю собраться в Ревеле и ожидать особых инструкций и распоряжений. Срок формирования пять дней. Министр А. Керенский“.

Но председатель Центробалта, используя § 3, положил на этом приказе резолюцию:

> „Ввиду недостатка специалистов на кораблях и угрозы наступления немецкого флота, ни один матрос, верный революции, не может покинуть корабль. Излишек офицеров может быть в порядке приказа откомандирован на сухопутный фронт. Тот, кто покинет добровольно корабль, исключается из списков флота и считается дезорганизатором последнего“.

Пленум Центробалта, поспорив, одобрил эту резолюцию.

Очень огорчился Александр Федорович! Для просветления гельсингфорсцев направил к ним делегацию черноморцев (знаменитый „матрос“ Баткин).

Центробалт постановил—приветствовать дорогих гостей, но просить Черноморский флот принять делегацию балтийцев. Поежились, однако, согласились... На свою голову! В результате поездки балтийцев на судах Черного моря произошел решительный поворот в настроениях матросской массы, приведший к „бунту“ против адмирала Колчака.

Вскоре в Гельсингфорс прибыл и „сам“ Керенский.

Торжественный прием в совете... Главнокомандующий и

министр требует прибытия центрального комитета Балтфлота к нему на „Кречет“.

На это приглашение последовал ответ: „Центробалт—выборная организация: министр должен пожаловать к нам!“

Министр помялся, но принужден был приехать на „Виолу“. Получил слово для приветствия. „Приветствовал“ с явной злостью и замитинговался... Вдруг матрос Ховрин среди речи перебивает министра: „Нельзя ли, т. председатель, попросить к делу“. Председатель призывает Ховрина к порядку. Но Керенский уже осекся, побагровел: „Состав Центробалта придется пересмотреть. Адъютант, запишите!..“

Стали докладывать накопившиеся дела, в том числе и устав подсунули.

Растерянность ли от приема, или стремление загладить свои бестактности, но министр подмахнул все бумаги и... устав утвердил!

Отправился на суда. „Республика“, „Россия“ и „Петропавловск“ приняли министра предъявлением различных претензий и „злых“ вопросов... Взбешенный, покидал Керенский ершистый Балтфлот.

Вскоре назрел новый конфликт—из-за командующего флотом. Временное правительство вдруг сместило вице-адмирала А. С. Максимова, пользовавшегося громадным уважением у матросов. Ряд кораблей, с „Петропавловском“ во главе, отказались признать нового комфлота Вердеревского. 3 июня „Петропавловск“ дает радио „всем, всем“ с предложением недоверия Временному правительству, которое назначением Вердеревского отменило выборный порядок во флоте; одновременно „Петропавловск“ посылает делегации на остальные суда—присоединиться! Ф. М. Онипко, правительственный комиссар по Балтфлоту, тщетно пытался помешать этим действиям. Почти все суда присоединились к „Петропавловску“. На следующий день Максимов явился лично на „Петропавловск уговаривать моряков согласиться на замену командующего флотом. „Петропавловск“ при приезде Максимова под-

нял флаг командующего. Но затем спустил его по настоянию Максимова.

Наш партком нашел, однако, несвоевременным заострять конфликт. Большевистская фракция Центробалта получила указание—ограничиться протестом, но принять Вердеревского.

Тем более, что в Балтфлоте не было единодушия в этом вопросе. Команды судов „южного берега“ (т. е. ревельской базы)—1-я бригада крейсеров и английские подводные лодки послали демонстративно приветственные телеграммы Вердеревскому.

Как видим, Керенский хорошо работал над прояснением политического сознания моряков Балтики.

Центробалт брал на себя нередко почин в проведении тех или иных кампаний. Подтягивая отстающих, он выдвигал объединяющие лозунги. Так, им было созвано на „Республике“ 7 июня собрание всех судовых комитетов для обсуждения вопроса о посягательствах на свободу слова и печати. Принята единогласно (при одном воздержавшемся) резолюция протеста против восстановления ст. ст. 129 и 131:

> „Напоминаем „коалиционному правительству“, что оно обязано исполнять волю народа, а не приказывать ему; заявляем: „Руки прочь от народной свободы!“ и обязуемся защищать завоевания революции всеми средствами!“

НЕ ОБОРОНА, А НАСТУПЛЕНИЕ

Из Питера приходили тревожные вести.

Значительны были успехи партии на муниципальных выборах. Партия собрала, несмотря на бешеное противодействие всех сил реакции и соглашательских лакеев, до 140 000 голосов. Партия победила в Выборгском районе—в районе крупнейших заводов, примыкавшем к Петроградской стороне, соприкасавшемся с Петропавловской крепостью и ее арсеналом, в районе, в тылу которого стояла Финляндия, где мы имели мощную поддержку пролетариата и все более единодушно шедшей за нашими лозунгами солдатской и, главное, морской массы—боевого флота Балтики.

Это был большой политический, это был крупнейший стратегический успех. Недаром Ильич так настойчиво отмечал пред рабочими Питера необходимость завоевать выборгскую районную думу.

Мы знали о брожении в полках столицы, вызванном слухами о подготовке наступления на фронте, вестями о начавшейся крестьянской борьбе за землю, лишением солдат политических прав, восстановлением власти начальства, угрозой вывода революционных частей из Питера.

Мы знали о растущем революционном нетерпении рабочих Выборгской стороны. Знали о единодушном возмущении путиловцев, с апреля тщетно добивавшихся пересмотра расце-

нок и нового распорядка работ, об общем брожении рабочих ввиду возросшей дороговизны, отсутствия борьбы со спекуляцией, растущей безработицы, наглых локаутов, необузданных предпринимательских барышей, угрозы эвакуации из Питера (разгрузки).

Знали и о росте черной сотни, ярко монархических организаций, накоплении контрреволюционного заговора.

Кипел Питер. Все тревожнее, все напряженнее, все горячечнее думы его предместий.

И рабоче-солдатские массы Питера сосредоточили свою волю, революционную страсть в одном ожидании—нового слова от Всероссийского съезда советов, съезда—увы!—меньшевистско-эсеровского в подавляющем большинстве. Это, конечно, была иллюзия. Но масса изживает свои иллюзии лишь на практическом опыте.

Мы в Гельсингфорсе решительным большинством судовых команд и полковых собраний, давлением низов, организацией огромных митингов на Сенатской площади откликнулись через совет на это настроение питерских пролетариев и солдат.

„Всероссийский съезд советов должен создать однородную социалистическую власть!“

И настолько сильно было настроение нашего основного политического актива, что соглашательский Гельсингфорсский совет вынужден был выносить подобные резолюции.

В парткоме мы горячо переживали все волнения внутрипартийной борьбы.

Всем темпераментом и волей были с т. Сталиным, который на заседании 6 июня ПК с активом с обычной у него спокойной энергией разбивал доводы оппортунистов.

— Когда Временное правительство готовит наступление на фронте, мы должны наступать в тылу. Нужна рабоче-солдатская демонстрация против наступления и за однородную социалистическую власть, выделенную Съездом советов.

С досадой узнали мы, что ПК решил все же отложить окончательное решение на 8 июня.

А 7-го в Выборгском районе начались забастовки в связи с выселением рабочих организаций с дачи Дурново.

9-го ранним утром мы были извещены, что на расширенном собрании ЦК и ПК с представителями районов и воинских частей (8 июня) громадным большинством решено устроить 10 июня демонстрацию. Мы постановили поддержать питерцев под теми же лозунгами: против войны, против политики наступления, долой 10 министров-капиталистов, вся власть советам!

В разгар подготовки вдруг получаем известие, что Всероссийский съезд постановил на три дня запретить все уличные манифестации в Петрограде. „Нарушение этого постановления является ударом по революции. Кто будет призывать к его нарушению, тот враг революции".

Большевистская фракция съезда в этих условиях—против демонстрации. И ЦК отменил демонстрацию.

Воспрянули меньшевики и эсеры в Питере, воспрянули в совете Гельсингфорса. Омрачилась „братва".

А в Питере разнуздывалась травля большевиков.

Уже 11 июня исполком Петроградского совета заявляет: большевики—заговорщики, за спиной Всероссийского съезда нарушили революционную дисциплину.

„Вооруженные воинские части могут вызываться на демонстрацию только советами рабочих и солдатских депутатов. Партии, которые не подчиняются этим решениям, ставят себя вне демократии, не могут оставаться в советах."

Церетелли уже договорился до прямых угроз:

— Пусть извинят нас большевики, теперь мы перейдем к другим методам борьбы.

Но эти маленькие Кавеньяки сразу спали с тона, когда, пропагандируя свое решение о запрете демонстрации, отправились на заводы и в казармы Питера и соприкоснулись с холодной ненавистью масс.

Сильные поддержкой масс, большевики обратились к съезду с резким протестом. В нем четко показан смысл выступлений

г-на министра, меньшевика Церетелли: „Заговор понадобился Церетелли исключительно для того, чтобы выдвинуть программу явно контрреволюционного характера, произвести обезоружение петроградского пролетариата и раскассировать петроградский гарнизон“.

Но „рабочие массы никогда в истории не расставались без боя с оружием, которое они получили из рук революции. Стало быть, правящая буржуазия и ее „социалистические“ министры сознательно вызывают гражданскую войну на том коренном вопросе, на котором контрреволюция всегда мерялась силами с рабочим классом“.

В эти дни большевики заявили, что ни в коем случае не откажутся „от права самостоятельно и независимо пользоваться всеми свободами для мобилизации рабочих масс под знамена нашей классовой пролетарской партии“. И „если бы даже государственная власть целиком перешла в руки совета,—а мы за это стоим,—и совет пытался наложить оковы на нашу агитацию, это могло бы заставить нас не пассивно подчиниться, а пойти навстречу тюремным и иным карам во имя идей интернационального социализма, которые нас отделяют от вас“.

Крепко, с огромным достоинством!

Так говорит партия неотвратимо идущего к власти класса!

А жалкое соглашательское съездовское большинство поддерживает тщедушный, давно забракованный, еще мартовский исполком Питерского совета—осуждает назначенную партией демонстрацию, запрещает вооруженные выступления без разрешения советов, решает „организовать комиссию для расследования событий 9—10 июня“.

И вся эта соглашательская шушера усердно использует для запугивания обывателя слушки и факты оживления (под ее же попечительной полой!) черносотенных организаций. Мол, наряду с большевиками готовилась контрреволюция и т. д.

И тут же Съезд советов, а за ним и Питерский совет, решают устроить 18 июня демонстрации единства демокра-

тии и использовать эти демонстрации в свою пользу. Официальная цель демонстраций—возложить венок на могилы жертв революции на Марсовом поле и „обратить этот день в большую политическую манифестацию всей революционной России“. Под таким флагом совершается попытка закрепить „поражение“ большевиков и протащить доверие Временному правительству, правительству измены революции, правительству, уже подготовившему, с ведома и благословения социал-прохвостов из ЦИКа, в тайниках своих дипломатических, военных и полицейских лабораторий наступление на фронте против немцев, наступление в тылу против партии большевиков, против рабочих и крестьян.

18 ИЮНЯ

И пришел день 18 июня...

На Соборной площади—весь трудовой Гельсингфорс. С высокой паперти площадь кажется залитой мощной волной; десятки тысяч в стройных колоннах, с оркестрами впереди. Совет депутатов в полном составе. Крестьянский союз, партийные комитеты, флотские экипажи, с „Республикой" во главе, армейские части и финские рабочие. „Долой министров-капиталистов!" „Вся власть Всероссийскому съезду!" „Долой политику наступления!" Не видать ни одного „доверия" Временному правительству. Бедный совет, где оборонческое большинство не осмелилось вынести на площадь свое лакейство перед буржуазией! Совет украшен знаменем с нейтральным, но с наших прописей лозунгом: „Мир, земля, свобода!"

В 2 часа дня ударили оркестры, шелохнулись сотни знамен. Мощным строем тронулись колонны к Брунс-парку, к братским могилам. „Точно флотилия больших судов проплывает темной рекой под красными парусами заветных надежд"... Невиданный подъем! Единодушие революционной силы!

...На братском холме—представители партий. Вокруг плотным кольцом многие тысячи обнаживших головы людей. Тихо и печально оркестры играют похоронный марш.

С полным сознанием, что этот день наш, что наши слова переливаются в чистый металл революционного дерзания, говорит представитель большевиков:

— Мы пришли сегодня к этим могилам и обступаем их стальным кольцом—стальным венком революционного единения. И здесь, у могилы первых безвестных борцов революции, мы даем стальной, нерушимый обет—положим все силы, чтоб добиться полной победы пролетарской революции! Должно быть покончено с грабительской войной! Должно быть покончено с грабительским строем, вызвавшим грабительскую войну! Вся власть Всероссийскому совету! Да здравствует социализм!

Вновь бьют оркестры. Бьют поход... Вокзальная площадь запружена громадной толпой, гуще всего—у грузовика, с которого говорим мы, и с нами Прошьян от эсеров-интернационалистов и Соколов от Крестьянского союза... Да, с нами представители крестьянской бедноты. Олицетворение революционной диктатуры, уже созревшей в жизни!

Единогласно громадный митинг заявляет:

„Требуем немедленного удаления представителей буржуазии из правительства, передачи всей власти в руки Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; только объявив решительную борьбу буржуазии, Всероссийский совет обеспечит себе поддержку всего революционного народа, сможет вывести страну из разрухи и в кратчайший срок прекратить войну; требуем также немедленной передачи всей земли народу и полного запрещения всех сделок па землю; протестуем против расформирования революционных полков и заявляем, что готовы поддержать свои требования всеми средствами“.

С таким же революционным подъемом прошли демонстрации 18 июня в Або и в Выборге.

Приходят вести о демонстрациях 18 июня в Питере, Москве, отовсюду.

...Вы не этого ожидали, бедные Либерданы! Оплеваны, замордованы ваши знамена, кой-где приподнятые на мгновенье. Под знамена большевиков потекли тысячи тысяч. Это день великого смотра сил назревшего нового порыва революции. Это день нашей предгрозовой, бодрой, уверенной переклички! Это наш день. Здесь уже предназначение Октября!

ПРАВИТЕЛЬСТВО БРОСАЕТ ВЫЗОВ

В то время, когда вся „революционная демократия“ демонстрировала против политики наступления, Временное правительство отдало приказ о наступлении.

Таков был смысл запрещения большевистской демонстрации 18 июня. Таков был смысл отчаянной травли, поднятой против большевиков. Как только Всероссийский съезд вынес нужную Керенскому резолюцию, этот проходимец подписал 16 июня свой приказ о переходе в наступление. 19-го этот приказ был опубликован. 19-го фракция большевиков на Всероссийском съезде заклеймила политику наступления, выгодную только контрреволюции, продиктованную Временному правительству союзными империалистами. В полном единении со всей массой рабочего и солдатского Питера, наша фракция заявила:

> „Вся ответственность за эту преступную политику падает на Временное правительство и поддерживающие его партии—меньшевиков и эсеров. Конец войны может быть положен не наступлением на фронте, а единственно лишь революционными усилиями трудящихся масс всех народов“.

20 июня пленум Петроградского совета 432 голосами против 279, при 31 воздержавшемся, одобрил объяснения министров относительно наступления.

А 21 июня в Питере—уже демонстрация „патриотов“.

Вот она в описании газет:

„Впереди, окруженная живой цепью из учеников и барышень, кучка инвалидов—георгиевских кавалеров и офицеров. Здесь больше знамен, чем людей. На знаменах—„Да здравствует победоносная армия и Временное правительство“, „Отечество и пролитая кровь требуют доведения войны до полной победы“.

За ними—группка матросов Гвардейского экипажа с портретом Керенского.

За матросами со своим желтым знаменем женский „батальон смерти“.

На плакатах: „Солдаты, не падайте духом, вперед до полной победы“, „Назад нет возврата“.

А дальше со своим единственным знаменем 40-летние солдаты.

Понуро, опустив головы, сгорбившись под бременем заботы и тоски о семье, земле и хлебе, бредут они: „Нельзя воевать без хлеба. Страна и армия нуждаются в хлебе. Дайте нам, 40-летним, убрать хлеб“,—говорит их знамя.

За 40-летними едут казаки 1-го и 4-го донского полков с портретом Керенского“.

Все силы реакции мобилизовал Невский в поддержку политики наступления. И жиденько вышло, весьма жиденько! И недосмотр какой! В разрез патриотическому тону—стон бородачей-землеробов!

Патриотические выступления учащаются. Патриоты попутно избивают матросов и солдат, несогласных с их лозунгами. Зашевелились разные темные „лиги борьбы с большевиками и шпионажем“... Взволновался в ответ гарнизон. Автобронедивизион требует принять меры против патриотического хулиганства, иначе применит свое оружие. Первый пулеметный полк, ядро революционного гарнизона, получив предписание в 7 дней сдать пулеметы и двумя третями выступить на фронт (причем в случае невыполнения в срок полку угрожают вооруженной силой), отвечает: „Приказ не выполним, не остановимся перед раскассированием Временного правительства и других организаций, его поддерживающих“.

Громадное брожение на Путиловском.

40 000 рабочих этого завода доведены до крайнего возмущения отказом правительства выполнить их экономические требования. Каждый день можно ждать их выступления, а оно стихийно поднимет весь рабочий Питер!

23 июня большевистская фракция вносит в ЦИК заявление, в котором перечисляет эти факты, отмечает чрезвычайную напряженность обстановки и запрашивает, что же намерен предпринять ЦИК. ЦИК отмалчивается.

23 июня большевистская фракция Питерского совета решает требовать экстренного собрания рабочей секции совета для обсуждения мер борьбы с контрреволюцией. Фракция заявляет о своем намерении требовать: 1) соблюдения договора совета с правительством о сохранении ядра революционного гарнизона в Питере; 2) никаких расформирований полков; 3) полной свободы агитации в войсках, в тылу и на фронте; 4) совет поддерживает все экономические требования питерских рабочих, одобренные профсоюзами и центром фабрично-заводских комитетов; 5) немедленной отдачи под суд виновников нападений на рабочих и солдат в последние дни; 6) немедленного расследования деятельности всех контрреволюционных организаций („Гроза", „Маленькая газета", „Военная лига", „Лига борьбы с большевизмом и анархией" и т. д.); 7) немедленного расследования и обезврежения деятельности лиц, известных президиуму ЦИК, не останавливаясь перед представителями „союзных" правительств, и т. д.

Волнение на Путиловском, между тем, все растет. 23-го на Путиловском—собрание делегатов всех цеховых и заводского комитета завода с представителями 73 крупнейших питерских заводов.

Собрание единогласно, против обуховца, заявило, что в случае выступления Путиловского все к нему присоединятся. Почти по всем заводам и полкам Питера выносятся резолюции против политики наступления и против реакции. Волну-

ются железнодорожники Северо-Западных ж. д. Министр путей сообщения Некрасов ответил категорическим отказом на их требование прибавки на дороговизну. Общее собрание железнодорожников 1-го и 4-го участков службы тяги Северо-Западных ж. д. оповещает граждан, что железнодорожники накануне забастовки.

Параллельно всем этим событиям идет усиленная организационная работа партии. С 16 июня—Всероссийская военная конференция партии. С 21-го—Всероссийская конференция профсоюзов; на ней побеждают большевики (резолюция о восьмичасовом рабочем дне и т. д.).

Гроза назревает в Питере.

Гроза прорвалась в Питере 3—5 июля.

12*

ГЕЛЬСИНГФОРС В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Известие о приказе Керенского о переходе в наступление вызвало яростную бурю в революционном Гельсингфорсе.

Под давлением революционного подъема масс зашевелился даже соглашательский Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии. По нашему предложению, он вынес резолюцию, в которой отметил, что ответ английского и французского правительства (11 и 13 мая) на ноту Временного правительства о мире без аннексий ясно свидетельствует об империалистических намерениях этих правительств и объединяет их в одном лагере с империализмом немецкой коалиции. Поэтому российская демократия должна целиком порвать с „союзными“ правительствами, „единственными ее союзниками могут быть только трудящиеся классы всех стран в их борьбе против своих угнетателей и против своих империалистических правительств... Российская демократия в своей стратегии должна считаться исключительно с интересами российской и мировой революции“.

Наш партком решил призвать 21 июня массу к вооруженной демонстрации протеста.

В „Волне“ (№ 67) мы писали:

> „На призыв Керенского о наступлении перейдем в решительное наступление против реакции.
>
> ...Наступление, скомандованное 16 июня, при тех условиях, в которых находится Россия, является вопиющим преступлением.

Россия еще связана грабительскими договорами с французскими, английскими, итальянскими и другими захватчиками. Наступление в союзе с этими хищническими правительствами, отнюдь даже не скрывающими своих захватнических целей, лишь туже затянет на шее нашего многострадального, едва отдышавшегося народа мертвую петлю войны. Руками Николая кровавого и его подлой шайки была наброшена эта петля, и она затягивается ныне руками коалиционного (соглашательского с буржуазией) правительства.

Наступление в настоящее время, когда во главе России стоит грабительское, в большинстве своих членов, правительство, которое не хочет и не может дать народу ни общего мира, ни всей земли, ни всей воли, наступление является сильнейшим ударом делу российской и международной революции. Оно подрывает то возрождавшееся братское единение пролетариев всех стран, которое только одно может покончить с основами господства капиталистов и тем освободить трудовой народ от безумной подати крови, взимаемой с него хищнической буржуазией.

Оно подбадривает, оно сплачивает во всех странах силы реакции; оно возбуждает, разжигает уже было угасшее в массах чувство национальной розни, вражды; оно подрывает разгоравшееся во всех странах возмущение против войны, порыв к освобождению от кровавого кошмара.

Оно сплачивает армию германских генералов, армию хищничества и разбоя, и расстраивает армию Либкнехта и Фридриха Адлера, армию революции в Германии и Австрии.

При данном международном положении наступление на русском фронте является могучей поддержкой империалистической политики всех (и германо-австрийского в том числе) правительств и ножом в спину пробуждающемуся революционно-освободительному движению пролетариата.

Вместе с тем военное наступление на нашем внешнем фронте знаменует наступление реакции внутри страны.

Оно дает повод для лютой расправы с революционными силами, увеличивает власть штабов царской и министерской милостью, лишает армию и флот завоеванных ими прав. Оно усилит реакционных генералов, закрепит позиции контрреволюционеров, подготовит военную диктатуру. Разгоревшееся пламя классового сознания, развившуюся вглубь и вширь освободительную классовую борьбу,—борьбу угнетенных классов (рабочих и беднейших крестьян) с их вековыми поработите-

телями (с буржуазией) оно заслоняет призраком внешней „общей“ опасности.

Все на демонстрацию протеста против наступления!“

И демонстрация была грозная, внушительная. На всех судах—боевые красные флаги. „Смерть буржуям!“—было написано на черном, с черепом над прекрестком костей, знамени „Петропавловска“.

Яростно говорили наши.

— ...Смотри, буржуазия, встав с ложа разврата, опухшими глазами...—гремел коренастый, с волосатой грудью, открытой морскому ветру, матрос с „Севастополя“ Берг.

Но буржуазия не решалась смотреть на эту площадь, залитую вооруженными стойкими колоннами. Попряталась буржуазия. Глухо захлопнуты окна богатых квартир.

Могучими „ура!“ приняли крепкую резолюцию—на наступление Керенского ответим наступлением на реакцию.

И демонстрация тронулась городом к Брунс-парку под грозное пение: „Кулаки, богачи жадной сворой“...

В тот же день 27 судовых комитетов требуют от Всероссийского съезда удалить 10 министров-капиталистов, упразднить Государственный совет и Государственную думу и т. д. (все—лозунги демонстраций 18 и 21 июня) и ультимативно предлагают выполнить все это в 24 часа,—„иначе поддержим эти требования всеми средствами“. Решено послать делегацию на съезд с этими требованиями.

Центробалт воспретил выход на учебную стрельбу „Севастополя“ и „Полтавы“.

Одновременно, почти на всех судах, во главе с „Петропавловском“, „Республикой“ и „Славой“ принята резолюция большевиков, в которой между прочим говорится: „Наступление, начатое нами, ведет к отвлечению сил и внимания русского народа от революции, оно наносит удар в спину трудящимся массам всех стран“.

На следующий день, подкрепляя создавшееся настроение, в Гельсингфорс приехала делегация из Кронштадта, во главе

с „мичманом Ильиным“ (Раскольниковым). Молодые, ловкие, стройные. „Мичман Ильин“ с несколько женственным, моложаво-симпатичным лицом и таким же голосом.

На Сенатской площади их митинг собрал огромную толпу. Мы, местные, были кратки. Предоставили главное слово гостям. Слово было удачным, крепким, революционным. Кронштадтцы разъяснили смысл своей „особой“, „отдельной“ республики, разбили клевету об их отделении от революции и горячо клеймили политику наступления. Масса Гельсингфорса была с ними, с их делом еще до их приезда; почва была вполне подготовлена... Последовал объезд главнейших кораблей кронштадцами, прошедший почти всюду с громадным успехом. Лишь враждебно-соглашательскую обособленность „Полтавы“ не удалось проломить и кронштадтцам.

В ответ на революционный натиск Гельсингфорса контрреволюция пытается мобилизовать „южан“. В Ревельском совете из 311 членов к этому времени было 57 большевиков, при тайном же голосовании за предложения большевиков бывало до 70 голосов. Однако уже 19 июня объединенное заседание судовых и ротных комитетов ревельской базы 103 голосами против восьми высказывается за выборное начало во флоте и армии.

22 июня командующий флотом Вердеревский, оправдывая доверие Временного правительства, отправляется в Ревель и ведет переговоры с судовыми комитетами первой бригады крейсеров. Еще раньше (13 июня) высказывавшиеся (вопреки Центробалту) за посылку ударных батальонов на фронт, эти судовые комитеты и ныне ведут отчаянную антибольшевистскую агитацию. „Олег“ идет под лозунгом: „Бей большевиков!“ (Этот лозунг олеговцы применили на деле еще 2 июня по отношению к морякам „Республики“, устроившим проездом митинг в Ревеле). Крейсер „Адмирал Макаров“, именующий себя „кораблем смерти“, высказывается за поддержку наступления.

1 июля, под охраной миноносца „Боевого“, в Гельсингфорс

направляются суда первой бригады крейсеров: „Богатырь“, „Олег“, „Рюрик“. Следом за ними прибывает миноносец „Донской казак“; 2 июля из Моон-зунда—„Адмирал Макаров“. 3 июля из Ганге—подводные лодки „Пантера“, „Тигр“, и „Рысь“, и из Лапвика два миноносца: „Украинец“ и „Войсковой“.

Смысл этих передвижений был ясен, и он не скрылся от внимания Центробалта. Было известно, что командование флотом получило ряд шифровок якобы оперативного характера. Центробалт потребовал ознакомления с ними, потребовал объяснения передвижения судов. Ввиду отказа комиссара Онипко удовлетворить требование Центробалта, его председатель П. Дыбенко, с одобрения нашего парткома, предписал арестовать Онипко, заявив об устранении его от должности. Это было накануне чрезвычайных событий в Питере...

Донесшиеся вести об отказе ряда частей на румынском и юго-западном фронтах от наступления и о расформировании этих частей совпали с отчетливой уже угрозой раскассирования Первого пулеметного и ряда других питерских полков, а также с правительственной провокацией по адресу путиловцев и, наконец, с демонстративным уходом кадетских министров из правительства.

Рабочий и солдатский Питер колыхнулся. Выросло стихийно движение—к совету, требовать, чтоб взял всю власть для подавления контрреволюции, для доведения революции до полной победы. Сила этого движения, совершенная его непреоборимость была настолько для нас ясна, что мы в Гельсингфорсе при первых же известиях о выступлении питерцев были проникнуты уверенностью, что дни керенщины сочтены коротким счетом.

Как только в Питере началось июльское выступление, морской генеральный штаб прислал ряд телеграмм в Гельсингфорс командующему флотом. Сообщения были, конечно, тенденциозны:

„3 июля вечером 1-й пулеметный полк начал агитацию, призывая воинские части к вооруженной демонстрации против

Временного правительства. Некоторые части, вопреки распоряжению совета рабочих и солдатских депутатов, вышли с оружием на улицу. На Невском и в некоторых других частях города, по невыясненным еще причинам, открылась стрельба. По поступившим пока сведениям, пострадало несколько человек. На Невском три вооруженных полка демонстрантов при первых, неизвестно кем произведенных, выстрелах рассеялись. Большинство частей, в том числе оба экипажа, не выступают, ожидая распоряжения от Комитета совета рабочих и солдатских депутатов. К часу ночи демонстранты стали возвращаться в казармы. Порядок, видимо, восстанавливается".

Следом передавалось воззвание бюро ЦИК советов и бюро ЦИК крестьянских депутатов. В нем, между прочей дребеденью, говорилось:

„Расформирование полков на фронте произведено по требованию армейских и фронтовых организаций и согласно приказу избранного нами военного министра А. Ф. Керенского. Выступление в защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте. Все, кто выступит без призыва главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами, мы объявляем изменниками и врагами революции. К исполнению настоящего постановления будут приняты все меры, находящиеся в нашем распоряжении".

Командующий флотом приказал сообщить эти юзограммы Центробалту.

В Гельсингфорсе на судах началось большое волнение.

Еще вечером 3 июля пронесся слух, что Временное правительство свергнуто и власть в руках совета.

Переданные в Центробалт юзограммы не остудили настроения. Им не верили, полагали, что нечто скрывается.

На „Полярной звезде" открылось заседание центрального и судовых комитетов, в Мариинском дворце—совета с комитетами партий.

А из морского штаба продолжали „заливать":

„...Тысяч до двадцати сорокалетних, которые требуют продолжения отпуска или увольнения в запас, затем полки Грена-

дерский и Павловский, протестующие против расформирования соответствующих полков на фронте, наконец, большевики, с их обычными лозунгами, и пулеметный полк. Сверх этого много просто хулиганов, как это всегда бывает. Со стороны правительства и Исполнительного комитета СР и СД систематического противодействия силой нет".

Тем временем „Республика" послала открытую радиотелеграмму:

„Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов. Экстренно сообщите о последних событиях. Нужна ли помощь? „Республика".

В 17 часов возобновилось заседание на „Полярной звезде". Решено было установить контроль над телеграфом штаба, послань для этого на „Кречет" члены ЦК Ховрин, Штарев и Шинбин. При них была получена юзограмма, отмечающая, что последует шифровка, которую надо расшифровать в „спешном и доверительном порядке". При получении этой юзограммы юзист добавил от себя: „А шифрованной телеграммы не будет, потому что наши телеграфисты не хотят сегодня давать шифрованных телеграмм, а если и будет, то ее передадут позже, после того, как сами рассмотрят ее. Пока до свиданья".

Все это сильно возбуждало моряков.

В 18 час. 50 мин. новая юзограмма:

„Около полудня прибыли в Петроград около пяти тысяч кронштадтцев. Рабочие некоторых заводов вышли одновременно на мирную манифестацию. Около 14 часов в различных частях города была кратковременная стрельба из пулеметов и из ружей; причины не выяснены. Исполнительный комитет срочно принимает энергичные меры к охране спокойствия. Никто до сего времени не может установить основной причины демонстраций, проходящих под лозунгами: „Вся власть советам!" Многие части, в том числе оба экипажа, твердо стоят в подчинении комитету".

Все эти сообщения были оглашены П. Дыбенко на пленарном собрании Центробалта с судовыми комитетами. П. Ды-

бенко добавил, что есть сведения о переходе власти в Питере в руки советов.

Между тем в штабе получена шифровка за подписью капитана первого ранга Дудорова:

„Временное правительство, по соглашению с исполкомом, приказывает: немедленно прислать „Победитель“, „Забияку“, „Гром“, и „Орфей“ в Петроград, где им войти в Неву. Итти полным ходом. Посылку их держать в секрете. Если который-нибудь из этих миноносцев не может быстро выйти не задерживать остальных. Начальнику дивизиона по приходе явиться ко мне. Временное правительство возлагает на них задачу демонстрации и, если потребуется, действия против прибывших кронштадтцев. Если, по вашим соображениям, указанные миноносцы прислать совершенно невозможно, замените их другим дивизионом, наиболее надежным“.

Следом еще шифровка:

„Временное правительство, по соглашению с Исполнительным комитетом, приказывает принять меры к тому, чтобы ни один корабль без вашего на то приказания не мог итти в Кронштадт; предлагаю не останавливаться даже перед потоплением такого корабля подлодками, для чего необходимо подлодкам заблаговременно занять позицию“.

Командующий флотом, зная настроение моряков, ужаснулся, прочтя эти телеграммы, и распорядился ответить помощнику морского министра Дудорову:

„На №№ 8294 и 8295. Приказание исполнить не могу. Если настаиваете, укажите, кому сдать флот. Причины дополнительно сообщаются шифром“.

В шифровке же он сообщал:

„По установившемуся порядку, я единолично распоряжаюсь только оперативными действиями. Посылка миноносцев в Неву в настоящий момент есть акт политический. Все политические решения могут мной приниматься лишь в согласии с Центральным комитетом, а потому, обсудив в секретном порядке вашу телеграмму, сообщаю: посылка миноносцев в Неву делает флот орудием политической борьбы и отвлекает его от прямых боевых задач. До сего времени все усилия

мои и Центрального комитета были направлены к боевой способности флота. Требуемая посылка судов в Неву внесет во флот раскол и очень ослабит его боевую мощь, а посему ЦК против этой посылки, с чем я согласен. ЦК и я приложили все усилия, дабы удержать от междоусобной войны флот, куда никто не имеет права его втягивать".

Председатель Центробалта т. Ховрин настаивал на оглашении пред ЦК телеграммы Дудорова. Он указывал, что ЦК взбудоражен известием о каких-то шифровках.

Контр-адмирал Вердеревский решил сыграть выгодную роль—отправился на собрание Центробалта и судовых комитетов и заявил:

— О том, что я буду говорить, прошу не распространять. Надеюсь, что эта моя просьба будет уважена. Я мог бы утаить, как это делалось во время старого режима, те распоряжения, которые я получил из Петрограда, но считаю это вредным и действую открыто, и так как в согласии с ЦК я отказываюсь исполнить приказание, то думаю, что собрание будет со мною единомышленно. Разглашение полученных телеграмм может только зря возбудить массы, а между тем практического значения они не имеют, так как я их не исполню.

Затем Вердеревский огласил телеграммы за №№ 8294 и 8295, причем все же смошенничал—огласил конец второй юзограммы не дословно, не упомянул о действии подводных лодок.

— Сила моя,—заявил он,—заключается в двух руках, но это ничего, и я в горячем убеждении в необходимости не допустить раскола во флоте. Я много раз говорил и утверждаю еще раз, что единственный мой долг—это поддержать боевую мощь флота. Я также всегда говорил, что ни весь флот, ни одна его часть не должна уходить со своей позиций во имя политических лозунгов, откуда бы они ни исходили. И когда „Петропавловск" собирался итти в Петроград, я осудил его. Я не соглашаюсь и теперь послать корабли

в Петроград, где кипят политические страсти,—это может погубить флот. Если пошлем сейчас миноносцы, они будут бороться за одни лозунги, завтра туда могут пойти другие и бороться за другие лозунги. Это повлечет к расколу, и флот пропадет. Вот, в согласии с двумя членами ЦК, я и составил такой ответ,—и командующий флотом прочитал телеграмму, отправленную помощнику морского министра.

С места кто-то спросил: „Кто прислал телеграммы?"

Командующий флотом:

— Помощник морского министра. Я этого приказания не исполняю, и если его повторят, то сложу с себя командование флотом. Прошу вас принять меры к предотвращению междоусобий. Думаю, что эта телеграмма послана из Петрограда под влиянием чрезмерного волнения, и ее надо рассматривать как акт судорожного хватания за соломинку. Вот все, что я хотел сказать.

Еще раз воззвав к единству, командующий флотом ушел. Заседание Центробалта протянулось за ночь.

Решили единогласно (на этот раз все четыре дредноута были с нами!):

1) Послать в Питер эскадренный миноносец „Орфей" с делегацией в 70 человек (от Центробалта и представителей всех судовых комитетов; от ЦК—Баранова и Марина) для получения точных информаций и для ареста капитана первого ранга Дудорова, проявившего явно контрреволюционное действие в отношении к трудовой демократии. Решение это довести до сведения Всероссийского съезда (совета).

2) Одобрить действия председателя—отрешить комиссара Онипко от его должности, как скрывшего от Центробалта факт получения ряда распоряжений контрреволюционного свойства, и арестовать Онипко.

3) Всероссийский совет должен положить конец двоевластию и взять полностью власть в свои руки, а также помочь в аресте бывшего помощника морского министра Дудорова для доставления его в Центробалт для следствия и предания суду

за контрреволюционные действия и оскорбление, брошенное всему Балтфлоту...

„Орфей“ с делегацией отбыл ранним утром 5 июля...

О поездке делегации стали приходить неопределенные известия, не дающие ничего ясного о ее судьбе.

Одновременно почти непрерывно заседал совет. Оборонцы окончательно растерялись. Они пытались связать нас постановлением совета (от 4 июля) о создании „объединенного органа для предотвращения неорганизованных выступлений местного населения и войск“. На объединенном заседании исполкома совета с представителями Центробалта и политических партий мы, совместно с представителями Центробалта, заявили, что не подчиняемся этому решению и сохраняем свободу действий.

В стремлении не потерять остатки влияния на массы оборонцы предложили создать смешанную редакционную комиссию для выработки отношения к происходящим событиям. Мы пошли на это предложение, уверенные, что проведем подходящую резолюцию.

„Редакционная комиссия“ была составлена: от исполкома—Шейнман (хотя и недавно приехал в Гельсингфорс и хотя большевик, а за свою оппортунистическую изворотливость уже выбран председателем исполкома, в котором мы все еще в меньшинстве), от Областного комитета—Паскевич, от Центробалта—В. Любицкий (межрайонец), от большевиков—Антонов (Овсеенко), от меньшевиков—Соболь, от социал-революционеров—Чегоидзе, и, наконец, от левых эсеров-интернационалистов—П. И. Прошьян.

Единогласно приняли следующую резолюцию:

„Обсудив в связи с создавшимся кризисом и происходящими в Петрограде событиями вопрос о власти, мы находим совершенно неотложным переход всей государственной власти в руки ВЦИК и образование ответственного пред ним исполнительного органа однородного революционно-демократического состава“.

5-го вечером Центробалт собирается вновь. По докладу П. Дыбенко принимается 246 голосами при одном против (все четыре дредноута и все три броненосца с нами!) следующее решение:

„Вторично довести до сведения ЦИКа советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что нами будет признана только власть, выдвинутая из состава Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поворота к прежнему быть не может. Мы напоминаем, что всякое промедление смерти подобно. Каждая минута безвластия наносит удар революции“.

И постановляет—послать в Питер еще два миноносца с дополнительной делегацией, во главе с П. Дыбенко, для того чтоб добиться исполнения резолюций моряков.

Мы не оспаривали этих решений, хотя такое ослабление Центробалта в Гельсингфорсе было явно опасным.

От второй делегации также ни звука... Но вдруг—телеграмма из морского штаба: „Вердеревскому прибыть экстренно в штаб для дачи объяснений“.

Немедленно состоялось объединенное собрание ЦК и судовых комитетов. Сильное волнение. Воспрянувшие соглашатели сеют панику. На собрании предлагается резолюция о недопустимости отрешения от должности или ареста Вердеревского. Последний распинается, что такие резолюции только к его вреду, так как создадут почву для обвинений его в провокации.

6-го к вечеру он уехал на миноносце „Молодецкий“.

На следующий день—известие об его аресте. О судьбе делегации—попрежнему неясно.

ЗАШЕВЕЛИЛСЯ ГАД

Плохие вести. „Правда“ 7 июля уже не вышла. Разгромлена. Издан приказ об аресте Ленина. Ушли в подполье. Добровольно явился для ареста Каменев. Арестованы многие из „военки“. В Питер введены части с фронта. Объявляется осадное положение. Проводится ряд мер по разоружению рабочих и раскассированию революционных полков.

Воспрянули духом растерявшиеся было социал-прохвосты и в Гельсингфорсе. Постановление Центробалта—не пропускать буржуазной печати, клевещущей на большевиков, отменено Гельсингфорсским советом (196 голосами против 107). Совет „просит и большевиков воздержаться от всяких мер против свободы слова и свободы распространения газет“.

Всему этому мы попытались противопоставить революционное настроение масс.

Состоялся совместный митинг с первой бригадой крейсеров, на котором произошло резкое столкновение с оборонцами из Ревеля („Олег“, „Макаров“). Несмотря на страстные нападки, приведшие почти к поножовщине, обязались на этом митинге держаться дружно. Между тем пришел приказ о выводе на учебные занятия крейсеров „Россия“, „Диана“, броненосца „Республика“ и мелких судов. Все наши, большевистские... Правительство решило оголить Гельсингфорс и подготовить расправу над большевиками.

11 июля состоялось заседание матросской фракции Гельсингфорсского совета с судовыми комитетами. На собрании выясняется, что часть делегации Центробалта, отправленной в Питер, арестована. Собрание решило полностью поддерживать Временное правительство и подчиниться всем его распоряжениям; собрание признало также „необходимым принять все меры к тому, чтоб раскрыть подозрительных лиц, принимавших участие в создании дезорганизаторского и контрреволюционного движения 3 и 4 июля". Избрано шесть представителей, чтобы они совместно с шестью членами прежнего Центробалта образовали ликвидационную комиссию для приема дел и ведения их до избрания нового центрального комитета.

За это решение голосовало 180 человек при 106 воздержавшихся; члены Центробалта ушли, отказавшись участвовать в голосовании; среди воздержавшихся были делегаты „Петропавловска", „Республики", миноносцев „Деятельный", „Достойный" и „Дело".

Да, не нашли мужества для решительного отпора! Даже „Республика"—только воздержалась! (Впрочем, судно уже выведено из Гельсингфорса „на учебную стрельбу".)

Это все говорило об ослаблении влияния парткома, хотя „Волна" продолжала держаться твердого, наступательного тона.

Вопрос о ликвидации Центробалта 12 июля ставится в совете депутатов с ротными и судовыми комитетами. Выступает оживший и обнаглевший эсер Чегоидзе, обеляет Керенского и Дудорова. Наше заявление заглушается воем и стуком сапог солдат. Наша фракция отказывается тогда обсуждать резолюцию, судовой комитет „России"—с нами.

14 июля—митинг на Сенатской площади. Руководит им Н. Соколов. С ним рядом Авксентьев и Гоц. На площади уже нет команд ряда наших судов. Наружу вылезла вся оборонческая и обывательская шваль. Сенатская площадь давненько не видала такой живописи!..

Соколов „лойялен". Он добивается, чтоб мне предоставили

слово. С большим трудом, с крайним напряжением глотки заставляю себя слушать. Говорю о преступности наступления, о законности нетерпения Питера, о необходимости взять власть советам, о подлинных целях движения 3—4 июля, о подлинной роли нашей партии. Но минут пять—и напряженный голос сдает. Вой и рев заглушают дальнейшую речь. Свирепые разгоряченные рожи тянутся ко мне угрожающе.

Не более удачно проходит и мужественное выступление Прошьяна.

С благоговением зато выслушивают Соколова и иже с ним и принимают погромную резолюцию. Такая же резолюция, после выступления баритонистого Авксентьева и Соколова, принята вслед за тем и советом.

А в эсеровской газетке „Нива" в тот же день помещаются откровенно погромного характера призывы:

> „Надо немедленно очистить Гельсингфорс от подозрительных господ. Должна быть прекращена деятельность провокаторов-шпионов, подобных Антонову, иначе мы будем вынуждены собственными средствами её прекратить!"

В КРЕСТАХ

«В движеньи мельник жизнь ведет, в движеньи».

С матросом Дмитриевым спешим к вечеру следующего дня по какому-то делу...

— Стой! Руки вверх!

Из-за угла с винтовками наперевес какие-то бородачи-солдаты, с ними прапор. Окружили. Лезут к нам в карманы неопытными руками.

— Оружия нет?

— Нет.

— Марш вперед! Не рассуждать! А то тут же к стенке!

Веселое дело... Идем шагом фланеров. Сзади бородатые дяди щелкают затворами.

В комендатуре какой-то морской офицер устанавливает наши личности. Затем Дмитриева уводят (после узнал—почти тотчас освободили).

Через два часа вводят Прошьяна и Устинова. „А, единенение пролетариата и деревенской бедноты!“ Улыбаются бодро в ответ. Захвачены около театра, куда направлялись для доклада о земельной программе учредилки.

— Учредилка! Вы все еще думаете, что с этими господами дойдете до учредилки!?

В темноте, под густым конвоем отправляют на вокзал...

Специальный поезд. Специальный вагон. Высокая честь! Вагон—наподобие курятника. Посреди—проход, по проходу часовой с револьвером; по обеим сторонам прохода узкие камеры—в них ни встать, ни лежать, можно только сидеть. Без окон, деревянная решетка внутрь вагона...

Недурно!.. Часовой растерянно просит молчать, но мы неутомимо перекликаемся. Прошьян вдруг очень точно и приятным баском запевает: „В движеньи мельник жизнь ведет, в движеньи“...

— А дальше помните? Пришла весна. И говорит батрак мельнику: „Прощай, мой мельник молодой! И я пойду вдаль за водой. Далеко! Далеко! Далеко!..“

В Питере нас разлучили. Прошьян и Устинов остались в комендантской вокзала ждать „дальнейшего назначения“. Меня оно уже поджидало.

Темная ночь. У вокзала—большой грузовик. „Пожалуйте!.. Ложитесь!“

Огражденный щитом вооруженных винтовками конвойных, мчусь в грузовике по затихшим улицам Питера.

...Та-ак! Кресты. Интересно—не доводилось в них сидеть.

Соседом по камере—Павел Дыбенко! И еще и еще—знакомые... Хоть и строгонько, но утром уже со всеми тесная связь.

С обычным юмором, которого ничто не сломит, Дыбенко рассказывает, как их, моряков, захватили, едва сошли на берег Невы, юнкера. В свой черед передаю гельсингфорсские новости.

На прогулке—этакое видение: серая, как мышь, с круглыми глазами фигурка. „Царский исцелитель Бадмаев“. Развязно заговаривает:

— Ага, еще большевичков подсыпали! Добро пожаловать! Крайности-то сходятся...

— Расходятся, господин Далай-лама! Будьте благонадежны, быть вам вскоре на свободе!

Напророчил-таки! Чрез несколько дней исчез Бадмаев. Его, как и Вырубову и иже с ними, Временное правительство

решило, используя вновь изданный им декрет, „выслать“ за границу.

Из Гельсингфорса приходят невеселые вести. Даже „Республика“ и „Петропавловск“ заявили, после долгого сопротивления, что подчиняются Временному правительству... Но мы твердо знали, что это временный упадок. Через пару недель Балтфлот начал выпрямляться.

...С разгоревшимися глазами вернулся со свиданья П. Дыбенко—впервые делегация от моряков с передачей для всех и вестями о переломе: флот требует освобождения арестованных, грозит силой освободить их.

Сидеть стало вольготнее. Хотя по „правилам“ и не полагалось общаться, но на деле камеры весь день открыты. Библиотека работает. Газеты приходят. Новостей не оберешься. Все бодрящие, зовущие!

Партия сжала ряды и твердо ведет свою линию. Во главе работы—никогда не сдающий, железный большевик Сталин. Это крепко, надежно.

И влияние партии под этим руководством растет.

13 июля исполком, стремясь использовать июльское „поражение“ большевиков, решает начать кампанию перевыборов Питерского совета, принимает также резолюцию о „безусловном“ подчинении большинству. Большевики голосуют, конечно, против. Но не боятся перевыборов, хотят их! В рабочей секции совета наших уже 400, уже большинство, а ведь месяца два назад было 65! 14 июля на заводе Лангезиппена происходили выборы тайным голосованием. 850—за большевиков, 215—за оборонцев! Выбраны в совет лишь большевики, а раньше были пополам с оборонцами. Через несколько дней наша победа на Франко-Русском в кузнечной мастерской Путиловского, в Рождественском парке.

„Рабочие Франко-Русского завода охвачены сильнейшей тревогой за судьбу революции, за все завоевания рабочего класса и революционной армии.

Революция в опасности. Уже занесен нож над нею, и только

сознательные усилия пролетариата в соединении с революционной армией могут спасти и обеспечить дальнейшее ее развитие в интересах трудящихся масс.

Товарищи! Контрреволюция, другими словами, все вчерашние приспешники и угодники Николая кровавого и его разбойничьей политики организуются, готовятся и уже пробуют захватить власть, чтоб накинуть петлю на революцию".

Так говорят „франковцы", недавно еще полуоборонцы!

21—22 июля в Питере совещание делегатов 29 полков с фронта совместно с представителями Кронштадта, питерских заводов и политических организаций. Эти фронтовики, явившись с протестом против смертной казни, не добились ничего в исполкоме; тогда решили собраться совместно с представителями рабочих. И вынесли крепкую резолюцию.

Контрреволюция от наступления на большевистскую партию переходит к наступлению на советы. Контрреволюция организуется. Нужен отпор. Нужна новая власть. Власть, опирающаяся на рабочих, крестьян и солдат. ЦИК должен взять власть в свои руки.

Так говорят фронтовики.

Огромное возбуждение на заводах. Рабочие резко протестуют против попыток их разоружения. Огромное возбуждение также во всех частях от угроз раскассирования революционных полков.

„Зреет почва для новых боев. Стреляя в большевиков, оборонцы в своем социальном перепуге делали дело контрреволюции. И контрреволюция торжествует.

Но долго длиться так не может.

Победа контрреволюции есть победа помещиков. Но крестьяне не могут жить дольше без земли. Поэтому неизбежна решительная борьба с помещиками.

Победа контрреволюции есть победа капиталистов. Но рабочие не могут успокоиться без коренного улучшения своего быта. Поэтому неизбежна решительная борьба с капиталистами.

Победа контрреволюции означает продление войны, но война не может долго продолжаться, ибо вся страна задыхается под ее тяжестью.

> Поэтому победа контрреволюции непрочна и мимолетна. Будущее за новой революцией".

Так говорит статья в № 1 нового органа ЦК „Рабочий и солдат".

Контрреволюция организуется. В угоду кадетам предполагают созвать в Москве „чрезвычайное собрание" цвета нации—от государственных, думских и прочих явно или скрыто буржуазных организаций. Рабочие—в незначительном меньшинстве.

26 июля—новое правительство. Победа кадетов!

> „Партия кадетов удовлетворена. Основные требования кадетов приняты. Эти требования положены в основу деятельности нового правительства.
>
> Кадеты добивались усиления правительства за счет советов, независимости правительства от советов. Советы, руководимые „дурными пастырями" из эсеров и меньшевиков, пошли на эту уступку, подписав себе смертный приговор.
>
> Временное правительство как единственная власть—вот чего добились кадеты.
>
> Кадеты требовали „оздоровления армии", т. е. „железной дисциплины" в армии, подчинения армии только непосредственным начальникам, в свою очередь подчиненным только правительству. Советы, руководимые эсерами и меньшевиками, пошли и на эту уступку, разоружив себя в интересах... „спасения страны".
>
> Советы, остающиеся без армии, армия, подчиненная только правительству,—вот чего добились кадеты.
>
> Кадеты требовали безусловного единства с союзниками. Советы „решительно" стали на этот путь в интересах... „обороны страны", забыв свои „интернационалистские" декларации, причем так называемая „программа" 8 июля повисла в воздухе.
>
> Война „без пощады", „война до конца"—вот чего добились кадеты" („Рабочий и солдат").

Да, кадеты победили. Надолго ли?

Наполовину загнанная в подполье, наша партия 26 июля собирает свой очередной шестой съезд. Партия насчитывает 200 000 членов. У нее 41 печатный орган в 320 тыс. экземпляров. В питерскую организацию входит 36 000 чле-

нов. За июль—2500 новых. Исключительное влияние большевиков в профсоюзах. Центральный совет фабрично-заводских комитетов—в большинстве наш. Союз молодежи с его 50 000 членов под нашим влиянием.

С величайшим вниманием мы, заточенные, следим за работами съезда. Из-за решеток шлем съезду привет:

„Приветствуем съезд нашей партии! Из глубины застенков, куда нас ввергла ненависть реакционеров и трусость изменников революции, приветствуем съезд нашей партии, как гордый показатель жизненности и силы, влияния и энергии революционного интернационализма в России.

Товарищи! На вашу долю пала почетная задача определить направление деятельности партии,—этого авангарда революционного пролетариата,—в самый тяжкий период русской революции. Вам предстоит пересмотреть партийную программу в духе последовательного интернационализма.

Пусть воспламеняет вас сознание великой исторической роли, которая лежит на плечах представляемого вами рабочего класса.

Убежденные в светлом будущем революционного пролетариата, мы из-за тюремных решеток посылаем сердечный привет съезду нашей партии и всем товарищам, стоящим под знаменем III Интернационала. С гордой уверенностью мы восклицаем:

Да здравствует российский революционный пролетариат и революционная армия!

Да здравствует социалистическая революция!“

Но на съезде какие-то колебания в вопросе о явке т. Ленина на суд. Недостойной либеральной гнилью несет от разговорчиков о пользе для партии „гласного суда“. Но эти разговорчики заглушены твердой линией большинства съезда.

С большим вниманием прислушиваемся к основным резолюциям съезда. В центре—вопрос о политическом положении. Ленин из своего подполья (в брошюре „К лозунгам“) дал руководящие указания. Обстановка с июльских дней в корне изменилась. С „двоевластием“ покончено; наступила диктатура военной шайки, сознательно поддерживаемой мел-

кими буржуа. Первый период требовал лозунга передачи власти советам. Это могло быть осуществлено мирным путем. И это был бы „крупный шаг к отрыву крестьян от буржуазии, к сближению, а затем и к соединению их с рабочими“. Но теперь лозунг передачи власти советам был бы „обманом народа, внушением ему иллюзии, будто советам и т е п е р ь достаточно пожелать взять власть“. Теперь власть можно лишь отвоевать, победив „в решительной борьбе действительных обладателей власти“, военную шайку.

Эти основные положения Ильича прекрасно развил в своем докладе съезду т. Сталин.

Активная, боевая постановка вопроса т. Сталиным вызывает немало прений на съезде. И чорт возьми! Даже наш гельсингфорсский делегат Владимир Залежский что-то возражает! Эх, не попасть бы ему на съезд, если бы он выступил с такой жвачкой в нашей организации.

И ряд еще... И каких товарищей!

Не поняли чрезвычайной значительности ленинско-сталинской постановки вопроса. Она ведь не отвергала значения советов, как формы новой государственности. Но она мобилизовала партию к величайшему напряжению сил для осуществления основной задачи—свержения империалистской диктатуры, захвата власти во имя дальнейшего развития революции. У Ленина—Сталина надо учиться этой поразительной действенности революционной тактики, этой прозорливости пролетарского вождя, который смело ориентирует партию в новом направлении при изменившейся ситуации, оставаясь совершенно чуждым всяческого организационного фетишизма, всяческой тред-юнионистской и прочей ограниченности.

Нужно быть поистине чрезвычайно глубоко слитым со своей партией, с авангардом своего революционного класса, суметь учесть всю растущую мощь, всю крепнущую сознательность и организованность пролетариата, чтоб иметь это спокойное, нутряное мужество—в момент, казалось бы, отчаянного погрома революционных кадров и разложения советов,

нагромождения отчаянных, казалось бы, непреодолимых трудностей,—поставить перед партией задачу—готовить вооруженное восстание для взятия власти.

И нужно еще было иметь хорошую большевистскую закалку, чтоб не упускать из виду эволюции крестьянского сознания в революционном процессе, не упускать из виду основного (помимо пролетарских масс) резерва пролетарской революции—деревенской бедноты.

Большинство выступавших на съезде против т. Сталина страдали именно этой недооценкой роли крестьянства в развитии нашей революции.

(Но сколь отчетливо этот коренной, роковой для всей личной истории революционного демократа периода социалистической революции, порок сказался в писаниях Троцкого того периода!

С большим недоумением мы читали в „Пролетарии" в статье Троцкого „Итоги и перспективы" перепевы все той же „перманентки". Сколько угодно анализа, но ни слова о российском крестьянстве, его роли в перерастании буржуазной революции в социалистическую! Единственное спасение от угасания социалистического содержания нашей революции—это революция международная! И это писалось после состоявшегося вступления Троцкого в партию большевиков! После отказа как будто бы от перманентной отсебятины.)

Вся глубокая значительность дискуссии, проведенной на 6-м партийном съезде тов. Сталиным, обнаружилась впоследствии—в решающие октябрьские дни. Тогда столкнулись, в Военно-революционном комитете, две установки. Одна из них, проводимая Троцким, отличалась стремлением оставаться во что бы то ни стало на почве советской легальности, оттянуть решающее столкновение до Съезда советов, от имени которого и должна быть взята власть. В этой установке Троцкого сквозило органическое недоверие к большевистской партии, сказывалось фетишизированье советской формы организации пролетариата. Эта установка была, вместе с тем,

чрезвычайно опасной, ибо она сковывала революционный почин партии, предоставляла инициативу в руки врага.

Этой оппортунистической, по существу внепартийной установке противостала шедшая от боевого центра ЦК ленинская директива: захват власти партией, опирающейся на могучее революционное нетерпение пролетарских масс и глубокое недовольство основных слоев крестьянства; использование „советской легальности“, но не фетишизированье ее,— захват власти, вовсе необязательно чрез Съезд советов: установка активно-боевая, требовавшая от партии взятия инициативы борьбы и непрерывного натиска на врага.

И линия партии, линия 6-го съезда победила.

КОСТЛЯВАЯ РУКА

Керенский от имени нового правительства, выполняя буржуйскую волю, неумолимо „красноречит“:

> „...Только железной властью суровых условий военной необходимости и самоотверженным порывом самого народа может быть восстановлена грозная государственная мощь, которая очистит родную землю от неприятеля и привлечет к великой работе все живые силы страны на дело ее возрождения“... „Исполненное сознанием священного долга перед отечеством, правительство не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями для достойного чести великого народа завершения борьбы, от исхода которой зависит будущее России“...

И „Новая жизнь“ сообщает, что в совещании по обороне решено ввести на заводах военного значения особых военно-уполномоченных, являющихся контролерами и арбитрами и т. д.

А 29 июля ЦИК советов выражает согласие с Временным правительством на созыв „Государственного совещания“ в Москве 12 августа.

Линия этого Государственного совещания предопределена, установлена „золотыми“ устами лидера националистов, миллионера Рябушинского. На II всероссийском съезде торговцев и промышленников он заговорил по-хозяйски:

— Наше Временное правительство, которое представляло собою какую-то видимость власти, было под давлением посторонних людей. У нас фактически водарилась шайка поли-

тических шарлатанов. Советские лжевожди народа направили его на путь гибели, и вот все русское царство стало перед зияющей бездной... Мы пришли в какой-то тупик, из которого не можем выбраться... Продовольственный вопрос испортился окончательно, экономическая и финансовая жизнь России пришла в расстройство... Стонет русская земля от их товарищеских объятий,—пока народ их не понимает, но как скоро поймет, он скажет: „Обманщики народа!“... Государство не дало населению ни хлеба, ни угля, ни мануфактуры... Может быть, для выхода из положения потребуется костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лжедрузей народа, демократические советы и комитеты...

Рябушинские грозят и уже действуют! Обнаглевшая буржуазия сворачивает производство: в Питере стоят уже 43 завода, в Донбассе—до 70 предприятий, десятки—под Москвой и на Урале. В металлургии производство сокращено на 40%, в текстильном—на 20%. „Костлявая рука голода“ уже у горла рабочих...

Голод уже надвинулся. 8 губерний „испытывают острый недостаток“. В Питере продовольственных запасов всего на 10 дней. Фронт страдает от недостатка продовольствия, железнодорожный транспорт не в состоянии справиться с подвозом из Поволжья.

Экономическая политика буржуазии определяется партией кадетов (конституционно-демократическая партия). Она выявлена на июньской и июльской конференциях в Москве и недавним кадетским съездом. Это—политика саботажа производства.

Соглашательские советы не находят смелости для проведения революционных мер, способных спасти страну.

Страна разоряется: на 1 января 1918 года, по министру Некрасову, будет 18 миллиардов рублей непокрытых расходов. От поземельного налога получено на 32% меньше, чем в 1916 году, выкупных платежей—на 65% меньше. Это

не мешает капиталистам наживаться. Почти все предприятия выдали в апреле 1917 года дивиденды за 1916 год, кой-кто по 40%.

А деревня встает за землю!

Официально с марта по август—2367 случаев аграрных „беспорядков“ в 65 губерниях. Особенно в Центральном районе, Средневолжском, Белорусском, Нижневолжском и т. д.

На первом месте—захват земли; захват имущества, ограничение прав собственности; захват лесов и т. д.

В апреле зарегистрировано 200 отдельных случаев так называемых „беспорядков“, в мае их 512, в июне—865, в июле—767.

„Беспорядки“ р а с т у т.

НАРАСТАЕТ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВОЛНА

Грозит „костлявая рука“... А заводы бурлят.

Железопрокатная мастерская Путиловского завода на общем собрании 3 августа выносит следующую резолюцию:

„Мы, рабочие железопрокатной мастерской, на общем собрании, приняв во внимание предстоящий кризис промышленности и всеобщий голод, требуем:

1) От министерства труда, чтобы оно немедленно приказало фабрикантам и промышленникам прекратить игру в „кошки и мышки“ и сейчас же приступить к усиленному добыванию угля и руды, а также и к производству сельскохозяйственных орудий производства и машин, дабы уменьшить количество безработных и прекратить ликвидацию фабрик и заводов. Если же гг. капиталисты не обратят на наше требование внимания, то мы, рабочие железопрокатной мастерской, требуем полного контроля трудового народа над всеми отраслями промышленности.

2) Требуем от министерства путей сообщения немедленно отдать в ремонт все требующие починки: паровозы, вагоны, цистерны, и приступить к ремонту железных дорог, чтобы таким образом возобновить и поднять доставку необходимого для работы сырья, топлива и других продуктов первой необходимости.

3) От министерства торговли и промышленности мы требуем заставить (как крупных, так и мелких) торговцев прекратить мародерство, развившееся в настоящее время до невероятности и влекущее за собой смерть от голода, болезни и грабежи.

4) Требуем, чтобы Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял во внимание продолжающуюся травлю рабочих на солдат и солдат на рабочих и постарался ее скорее ликвидировать, если он считает себя исполнителем воли трудового народа.

5) От вас же, плачущие крокодиловыми слезами капиталисты, мы требуем перестать плакать о разрухе, когда вы же ее и создаете. Ваши карты раскрыты, игра ваша ясно обнаружена, и теперь никакая травля не будет иметь для вас успеха. Убирайтесь в подполье и думайте там свою думу, не высовывая оттуда носа, иначе останетесь не только без носа, но и без головы".

11 августа общезаводское собрание Путиловки принимает яркую резолюцию о текущем моменте. В ней, между прочим, говорится:

„...Требовать отмены смертной казни, восстановленной для измученного трехлетней войной народа, казни, которая так поспешно была отменена, чтобы спасти жизнь Николаю Романову и его приспешникам, и которая с еще большей поспешностью, по требованию буржуазии, введена теперь для страстотерпцев-солдат на фронте.

Требовать немедленного роспуска контрреволюционного гнезда—царско-помещичьих Государственной думы и Государственного совета.

Требовать установления рабочего контроля над производством и распределением продуктов, над путями сообщения и проч.

Требовать немедленного и безвозмездного наделения крестьян землею путем конфискации кабинетских, удельных, монастырских, церковных и других земель.

Протестовать против освобождения из-под ареста преступной банды Николая кровавого и требовать беспристрастного расследования их погромной деятельности, только не руками царских же слуг ведомства Щегловитого.

Протестовать против Московского совещания, как попытки подменить всенародную волю отложенного созывом Учредительного собрания волей помещиков и капиталистов всех четырех царских государственных дум и организаций торгово-промышленного класса, и в знак протеста отчисляем однодневный заработок на рабочую печать".

Путиловский завод дает полнозвучный большевистский тон. И хором откликается пролетарский Питер.

Кадеты теряют последние позиции в среде мелкой городской демократии. На выборах в петергофскую районную думу они собирают едва 1500 голосов из 38 тысяч; их подпевалы-меньшевики получают едва 6% голосов, а большевики—почти половину (43%). Такой же провал кадетов происходит и при выборах в невскую районную думу: из 41 тысячи участвовавших (меньше половины имевших право) всего 2200 за кадетов (3 места); провал и меньшевиков—2500 (3 места), группа „Единство"—700 голосов (1 место). Мы собираем до 5000 голосов, получаем 6 мест. Правда, впереди—эсеры с 32 тысячами голосов (38 мест), но из их депутатов 26 тотчас по избрании заявляют себя антиоборонцами, интернационалистами и примыкают к пашей практической платформе.

Одновременно—ярко революционные резолюции шестого съезда, прошедшего под руководством Сталина.

Под руководством нашей партии работает вторая конференция фабрично-заводских комитетов Питера.

Центральный совет фабрично-заводских комитетов приветствует съезд партии.

Рабочие—в возрастающем возбуждении. Крестьяне—в массовой борьбе за землю. Буржуазия—в походе на революцию. Мелкобуржуазные соглашатели—на поводу у буржуазии.

Наша партия—в подготовке боя. Закрепление, отвоевание опорных пунктов и организация—лозунг на сегодня.

В Питере—очередная практическая кампания: борьба за центральную городскую думу...

У правительства и кадетов—созыв Государственного совещания в Москве.

13 августа опубликован манифест партии ко всем трудящимся России.

Призыв к организации, к подготовке новых боев.

„Нарастает большевистская волна“,—жалуется „Речь“.

Да, нарастает!

Московский пролетариат отметил созыв Государственного совещания огромной, пятисоттысячной забастовкой!

17 августа „Пролетарий“ чеканным стилем Сталина подводил итоги Государственному совещанию:

> „Кто выиграл, спрашиваете вы?
>
> Выиграли капиталисты, ибо правительство обязалось на совещании „не допустить вмешательства рабочих (контроль!) в управление предприятиями“.
>
> Выиграли помещики, ибо правительство обязалось на совещании „никаких коренных реформ в области земельного вопроса не предпринимать“.
>
> Выиграли контрреволюционные генералы, ибо смертная казнь получила одобрение на Московском совещании.
>
> Кто выиграл, спрашиваете вы?
>
> Выиграла контрреволюция, ибо она организовалась во всероссийском масштабе, сплотив вокруг себя все „живые силы“ страны вроде Рябушинского и Милюкова, Церетелли и Дана, Алексеева и Каледина.
>
> Выиграла контрреволюция, ибо она получила в свое распоряжение так называемую „революционную демократию“, как удобное прикрытие от народного возмущения.
>
> Коронация контрреволюции—вот результат Московского совещания“.

НЕ СИДИТСЯ

В такой обстановке мы сгорали от нетерпения... А нас сидело во втором корпусе Крестов до семидесяти человек. До тридцати привлекались за участие в июльских выступлениях. Прокуратура после долгих требований наконец предъявила им обвинение—ст.ст. 100 и 50. Некоторые при аресте были избиты, многие ограблены казаками: „Деньги, мол, немецкие“...

Дыбенко привлекали по целому ряду статей. Вся делегация Центробалта была вскоре освобождена, но Дыбенко,—как объяснил военно-морской следователь,—„содержится в качестве заложника“ за поведение флота!

Остальным сорока никакого обвинения не было предъявлено, и даже было неизвестно, за кем они числятся.

Обстоятельства их ареста чрезвычайно любопытны. Сидят, например, с 10 июля два путиловца. За что? Проходя по Английской набережной, они вмешались в разговор. Какой-то чиновник утверждал, что рабочие „балуют“, зарабатывают от 400 до 700 рублей, и все им мало. Путиловцы возразили, что они вот получают не все 150 рублей в месяц. Слово за слово. Прибавили, что путиловцев никто на выступление не подбивал, сами вышли—„из-за недостатков“. Тут их какой-то шофер и передал караулу...

Еще один парень, из обмундировочной мастерской, был

арестован таким же образом: услышал в бане, как драгуны 14-го полка обвиняют питерский гарнизон в том, что он получает деньги от немцев; вмешался: „Разве вы можете это доказать?..“ Его избили и арестовали.

Майдан, пулеметчик, арестован 17 июля в трамвае за речь „в защиту революционного своего полка“.

Другой товарищ—в вагоне Финляндской железной дороги за критику наступления.

Еще—„за большевистскую пропаганду“.

Было несколько матросов из Финляндии—ехали из Або в отпуск, были арестованы в Белоострове за то, что везли с собой резолюцию Балтфлота о переходе власти советам.

Ф. Канунников (с „Республики“) шел с товарищем, у которого в руках был номер газеты „Волна“. Обоих „забрили“ юнкера.

Со мной вышло совсем забавно—выяснилось, что в подлиннике предписания об арестах в Гельсингфорсе моего имени не значилось, оно вписано на месте, зато в списке значился давно выбывший т. Михаил... Значит, основные списки подлежащих аресту заготовлены были в Питере „на запас“, заранее. Числился я вначале за морским штабом, потом за гражданским прокурором, затем за разведкой морского штаба, потом за гельсингфорсской разведкой, затем вновь за морским штабом и, наконец, за разведкой этого штаба. Обвинений, конечно, не было предъявлено.

В первом корпусе Крестов сидели Раскольников, трое моряков с „Авроры“ и др. Все—за участие в 3—5 июля. С моряками у нас сразу установилась „дружба“...

3 августа нетерпение заключенных прорвалось. 38 политиков, сидевшие на гауптвахте 2-го комендантского управления, объявили голодовку. На следующий день к ним прибыл прокурор и выразил недоумение: за что люди сидят!

Политические заключенные предъявили прокурору требование,—в законный срок (24 часа) рассмотреть их дела, предъявить обвинение, назначить срок суда, или же освободить.

Требование это не было удовлетворено. Тогда к голодающим примкнули все заключенные, не исключая и уголовных.

У нас—в Крестах—с 6-го тоже голодовка.

На следующий день прибыл в Кресты сам министр юстиции Зарудный. К нему была направлена делегация; я—в ее составе. Делегация повторила требование о предъявлении обвинения или об освобождении. Смысл пространного ответа Зарудного был краток: „Уважаю независимость суда и судей и не согласен оказывать на них давление“.

Так окажем давление мы! Голодовка разрослась во всеобщую—во всех питерских местах заключения.

Чрез несколько дней является снова к нам прокурор. Сидящих, одного за другим, вызывают к нему; большинству объявлено, что подлежат освобождению. Мне—также.

Кажется, 15 августа—вновь на свободе! Снова ощущение простора, насыщенного буйным ветром. Как посвежел родной Питер!.. Захватила, завертела волна митингов. Бывало, бежишь (эти „чертопхалки“-паровички еле ползут!) на какой-нибудь завод за Невскую заставу и мимо проносится туда же на авто „мек“ или „эсерик!“ И не злишься, что обгоняет, обдавая пылью: „Недолго им тут пылить!“ Всюду—наша берет!..

...Но—вновь надо в Гельсингфорс.

ТЕНЬ БЕЛОГО ГЕНЕРАЛА

Поведение кадетов и Керенского, а также выступления Корнилова, Каледина и прочих на Государственном совещании—все говорило о каких-то приготовлениях реакции.

14 августа из Москвы пришло тревожное известие о казачьем полке, неизвестно кем вызванном в Москву и задержанном в Вязьме. Московский „Социал-демократ", сообщая об этом факте, указывал также на агитацию, ведущуюся в московских юнкерских училищах в поддержку военной диктатуры, а также о приведении 14 августа некоторых воинских частей в боевую готовность „на случай контрреволюционного выступления".

19 августа пала Рига. Прорыв фронта в направлении к Питеру связывался с воспоминаниями о пораженческих угрозах, произнесенных в свое время (февраль) ген. Ивановым, и с пораженческими намеками в московском выступлении Корнилова. Измена!

„Речь" писала:

„У правительства выбора нет, и если оно не хочет потерять смысла своего существования, по выражению резолюции четвертой Думы, то ему нужно решительно и окончательно порвать со своей зависимостью от советов и принять предложение ген. Корнилова. Недаром говорил верховный главнокомандующий, что если его предложения не будут приняты

тогда же, то их все равно придется принять и исполнить— после падения Риги“.

Прошел слух, что в Москве раскрыта обширная контрреволюционная организация. Арестовано до сотни лиц, в их числе Михаил Романов.

Продолжаются „частные совещания“ Государственной думы. По заявлению Родзянки (20 августа), „Государственная дума не распускается. До окончания своих полномочий Государственная дума остается в том виде, в каком она есть“. На этом же совещании Пуришкевич открыто требовал: 1) немедленного введения военной диктатуры, 2) ареста советов, 3) предания суду Временного правительства, 4) назначения повсеместно губернаторов, 5) восстановления полиции вместо милиции.

В то же время оборонцы всячески стремятся использовать рижский прорыв для оживления патриотических чувств у питерских рабочих.

22 августа ЦИК пригласил на совещание петроградский совет профсоюзов и ЦК фабзавкомов. Пресловутый Мазуренко, отличившийся июльскими расправами, кричал об опасности, угрожающей Питеру от немцев. Ораторы из профессиональных союзов ответили, что профсоюзы окажут поддержку ЦИКу лишь в том случае, если его вожди изменят в корне свою политику, и спрашивали, есть ли гарантия, что организованная рабочая милиция не будет вновь разоружена, как после 3—5 июля?

Поступили известия о насилии военщины над советом в Грозном (4 августа).

24 августа наша фракция выступила в ЦИКе со следующим заявлением:

„Поражение на фронте есть производное политики наступления контрреволюции в тылу, наступления и в области экономических и в области политических свобод; контрреволюционная практика Временного правительства расшатала армию; авантюрное наступление на фронте, вызванное контр-

революционными соображениями, облегчило работу германского оружия. Лишь принятие ряда решительных революционных мер (земля, рабочий контроль, отмена всех репрессий, очистка армии от контрреволюционного командования и т. д.) может „спасти революцию от внешнего разгрома и внутреннего поражения". Но это сможет выполнить лишь власть, опирающаяся на пролетариат и крестьянство. Вся демократия должна сплотиться вокруг пролетариата, чтоб рядом с ним осуществлять политику решительной мобилизации революционных сил".

Конечно, большинство ЦИК отвергло этот призыв...

Отвергло накануне выступления Корнилова. Прикрывая его, вся буржуазная печать усиленно затрубила о заговоре большевиков.

А „Известия ЦИК" ограничились лишь таинственными намеками на темную игру ставки, откуда официально распространились провокационные сведения о рижском прорыве.

«МАВР СДЕЛАЛ СВОЕ ДЕЛО»...

События развивались. Керенский вступил в переговоры с генералом Корниловым. По приказу Керенского, Корнилов двинул третий конный корпус на Питер. В последний момент Керенский, однако, отрекся от Корнилова. Партия кадетов заблаговременно создает кризис правительства, отозвав из него своих членов. Керенский публикует о новом кризисе правительства.

Проституированная демократия Дан—Черновы в панике прячется за спину рабочих. Рабочими руководит наша партия. Партия большевиков выступает вождем, организатором отпора белому генералу.

Но партия видит ясно:

> „В происходящей теперь борьбе между коалиционным правительством и партией Корнилова выступают не революция и контрреволюция, а два различных метода контрреволюционной политики, причем партия Корнилова, злейший враг революции, не останавливается перед тем, чтобы, сдав Ригу, открыть поход против Петрограда для того, чтобы подготовить условия для восстановления старого режима.
>
> Рабочие и солдаты примут все меры к тому, чтобы дать решительный отпор контрреволюционным бандам Корнилова, если они появятся в революционном Петрограде.
>
> Но они будут отстаивать его не для того, чтобы одну диктатуру, чуждую им по духу, заменить другой диктатурой, не менее чуждой им, но для того, чтобы проложить дорогу для полного торжества русской революции.

гибели. Временное правительство идет за большевистским советом рабочих и солдатских депутатов".

Временное правительство—шайка германских наймитов. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, люблю свою родину и доведу русский народ до Учредительного собрания. Не я послал Львова к Керенскому, а, наоборот, Керенский первый послал Львова ко мне и провокационно вынудил меня на наступление. Приказываю не исполнять распоряжения Временного правительства".

ЦИК прячется от белого генерала за спину рабочих. Но ЦИК верен себе. Тайком подготовляет измену защитникам „демократии"!

ЦИК ведет сокровенные переговоры с кадетами, ищет компромисса с ними. В „Революционную Директорию" зазывают чистейших корниловцев, буржуазию.

В рабочих районах—все в движении. Под руководством партии рабочие вооружаются. Установлена связь с парторганами и „военкой". Все полки—против Корнилова. Все под ружьем. В военных училищах юнкера ликуют. Но солдатские команды этих училищ—на стороне революции. Под Лугой взорваны железнодорожные пути. Продвижение корниловцев приостановлено у станции Дно. Но 28-го через Лугу прошло 12 эшелонов. Всего до 3000 человек. Буржуазная печать кричит о 70 000.

Работа по укреплению Питера, работа вооружения, организация Красной гвардии кипит. Кипит под руководством партии большевиков, по крепкому призыву ЦК партии.

„Торжество Корнилова—гибель воли, потеря земли, торжество и всевластие помещика над крестьянином, капиталиста—над рабочим, генерала—над солдатом.

...Спасение народа, спасение революции—в революционной энергии самих пролетарских и солдатских масс. Только своим силам, своей дисциплинированности, своей организованности можем мы доверять.

...Население Петрограда! На самую решительную борьбу с контрреволюцией. За Петроградом стоит вся революционная Россия!

Солдаты! Во имя революции—вперед, против генерала Корнилова!

Рабочие дружными рядами оградите город революции от нападения буржуазной контрреволюции!"

Рабочие и солдаты дружно отвечают на призыв партии. А за их спиной, в Зимнем дворце, Временное правительство ведет торг с кадетами и генералом Алексеевым. Уже сообщается, что никакого кризиса власти нет, кадетские министры остаются, но Корнилову объявляется „гражданская война". Гражданский мир с корниловцами, война с их вождями... И кого только они собираются надуть!

Соглашательские иллюзии умирают в рабочих районах. Оборонцы теряют последние позиции. Даже Обуховка принимает резолюцию—за правительство рабочих и крестьян.

Эшелоны туземного корпуса генерала Крымова завязли у Луги. Порыв белого генерала выдохся. Корнилов кончен. Отстранен. Будто даже арестован.

Ну, а как с корниловцами?

31 августа большевики предлагают отстранить от власти представителей к.-д. партии, открыто замешанной в мятеже, а также представителей цензовых элементов вообще; отказаться от политики соглашательства и безответственности. Создать власть из представителей пролетариата и крестьянства с программой:

„Декретирование демократической республики, немедленная отмена частной собственности на помещичьи земли, без выкупа, рабочий контроль, беспощадное обложение крупных капиталов, разрыв тайных договоров, немедленное предложение народам всех воюющих государств демократического мира".

Эта резолюция была отвергнута ЦИКом. Но,—как гром над головой соглашателей,—принята в ночь на 1 сентября (279 против 115, при 30 воздержавшихся) Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Это—исторический поворот. Массы поворачивают от соглашательства к рево-

люции. „Влево идет страна. Вправо идет правительство. Что из этого выйдет—ясно“.

Корнилов смещен. Корнилов предается суду. По корниловщина держится. Ибо на место Корнилова назначен генерал Алексеев. Тот генерал Алексеев, который на Государственном совещании в Москве требовал введения смертной казни на фронте и в тылу, отмены солдатских комитетов и т. д. Устранен Чернов, не приятный помещикам тем, что хоть и вяло и под сурдинку, но напоминал о необходимости передать их землю крестьянам. Кишкин стал министром внутренних дел. А Кишкин—член ЦК кадетской партии. Правый кадет Пальчинский назначен генерал-губернатором Питера. Это—тот Пальчинский, которого, в бытность его товарищем министра торговли и промышленности, даже меньшевики обвиняли в саботаже промышленности.

Корнилов побежден. Корниловщина осталась. Вот результат „борьбы“ Керенского с Корниловым.

Но победила революция, победила окончательно в сознании рабочих и солдатских масс.

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В ФИНЛЯНДИИ

В эти дни я, недолго пробыв, после Крестов, в лихорадочно-бурном Питере, вновь в Финляндии.

Наша партия осталась одинока на Всероссийском съезде советов со своей поддержкой требования полной автономии Финляндии. Декретом от 4 августа Временное правительство распустило финляндский сейм. Финляндский сейм, с социал-демократическим большинством, отказал в деньгах Временному правительству. И, в согласии с министрами-социалистами, Временное правительство разогнало сейм из социалистов.

Буржуазный финляндский сенат согласился с Временным правительством. Социал-демократы Финляндии требуют созыва сейма прежнего состава. А флот—бурлит.

6 августа моряки первой бригады линейных кораблей (во главе с „Олегом“) принимают резолюцию против Временного правительства. Это огромная наша победа!

7 августа общее собрание солдат и матросов района Ганге-Ланвик, обсудив вопрос о власти, признало правительство „спасения революции“—„гибельным для революции“ и заявило, что считает „единственным выходом переход всей власти в руки революционных рабочих, крестьян, солдат и матросов“.

Социал-демократы Финляндии признали роспуск сейма незаконным и заявили о его созыве в прежнем составе.

Правительство на это требование ответило угрозой военной силой.

Гельсингфорсский совет 15 августа вынес протест против этих угроз и призвал солдат и матросов не принимать участия в вооруженном разгоне сейма.

В Гельсингфорсе „заворачивает" т. Смилга. Повсюду громадные успехи нашей работы. Где не мы, там левые эсеры, окончательно оформившись, расшибают социал-соглашателей.

При первых же известиях о корниловском мятеже революционный Гельсингфорс воспрянул. Немедленно был создан ревком. Представителем от Центробалта в него вошел энергичный кронштадтец Измайлов (бывший тогда левым эсером).

Гельсингфорсский совет и Центроблат выступают в теснейшей связи с Питерским советом и ЦК нашей партии. Для противодействия продвижению подозрительных эшелонов к Питеру мобилизуются все силы, налаживается оперативная связь с советами в Або и Выборге.

Гельсинфорсский совет постановляет: „Категорически настаивать перед Всероссийским ЦИКом на немедленном созыве II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов. Совет находит, что только такой революционный орган может спасти от разгрома страну и революцию и что только такому органу могучий русский народ понесет свои жертвы для спасения революции и для дальнейших ее завоеваний.

Гельсингфорсский совет также считает, что II Съезд советов рабочих и солдатских депутатов всей России, для победы над врагами революции, представляя в лице своем всю российскую революционную демократию, объявит диктатуру демократии, которая и раздробит в прах назревающую контрреволюцию.

28 августа Центробалт направляет повсюду для контроля своих комиссаров. Одновременно, по указанию Временного правительства, идет опрос офицеров о лойяльности. На „Петропавловске" четыре офицера отказались дать необходимую подписку по вопросу о выполнении возможного при-

каза ВЦИК—бить по занятому Корниловым Питеру. Отвечали: „Нет! Не выполним приказа!“ „Команда линейного корабля „Петропавловск“, не желая обидеть свой революционный корабль, заявляет, что таким контрреволюционерам нет места в свободной стране. А потому настаивает, чтобы их не было в живых. Председатель Дючков“.

Четверо корниловцев арестованы и расстреляны конвоем, препровождавшим их в ревком.

В Выборге солдатами перебито до 15 контрреволюционеров-офицеров.

Наш партком, конечно, не одобрял этих самосудов, но надо удивляться, что их было так мало.

31 августа наш ревком сообщает ЦИКу, что для осуществления каких бы то ни было распоряжений Временного правительства по русским делам в Финляндии необходима его контрассигнация; ревком несет всю полноту ответственности за порядок и революционную дисциплину.

Задержаны „высылаемые“ за границу царевы черносотенцы—Вырубова, Бадмаев, Манусевич-Мануйлов, Глинко-Янчевский и Эльвенгрен и заключены в трюм яхты „Полярная звезда“, как заложники за содержащихся в тюрьмах Временного правительства товарищей. Керенский отдал приказ казакам освободить силой задержанных, но моряки отговорили казаков от исполнения этого приказа.

Арестован таким же распоряжением ревкома генерал А. Н. Долгоруков, командующий первым кавказским корпусом, выехавший из ставки в Гельсингфорс.

Кончился „Корнилов“. Последние остатки „чести и доверия“ растранжирили социал-соглашатели. Полный провал Чеголдзе и других местных Гоцов.

Наезжает из Питера грозная следственная комиссия, требует выдачи убийц четырех офицеров на „Петропавловске“. Центробалт, еще не переизбранный после июльского разгрома, колеблется. Но „Петропавловск“, энергично поддержанный „Республикой“, отказывается выполнить приказание Времен-

ного правительства... Приезжает следом „верховная правительственная комиссия“, с Н. Д. Соколовым во главе.

Но на месте уже ряд прежних центробалтцев. И уже иное соотношение сил в совете.

Н. Д. Соколов проваливается в Центробалте. Та же участь уготована ему в совете депутатов. Жалкая неудача при выступлении на митинге, где нам пришлось заслонять его от возможных побоев.

Гельсингфорсский совет выражает недоверие Керенскому и Временному правительству.

8 сентября 19 кораблей поднимают боевые флаги, как протест против объявления просто... „Российской республики“, а не „демократической“.

11 сентября Центробалт высказывается против диктатуры Керенского и избирает на Демократическое совещание троих большевиков.

В начале сентября открывается третий областной съезд Финляндии. На нем соглашатели—в ничтожном меньшинстве. „Корректности“ ради предлагаем одно место в президиуме (одного из секретарей) правым эсерам или меньшевикам. Отказываются с кислой миной. Председатель областкома, меньшевик, делает вялый докладец о работе областкома. И встречает такую подавляющую критику, что растерянно отказывается от возражений. Пункт за пунктом проходят все наши резолюции. Левые эсеры голосуют с нами по вопросам: финляндскому, демократизации армии и по общей резолюции о работе областкома; о кризисе власти мы не договорились. Эсеры остались в меньшинстве, собрав 48 голосов.

Областкому поручается осуществить контроль над всеми органами Временного правительства в Финляндии; главная его задача—подготовка к осуществлению всей полноты власти рабочих, крестьян и солдат. Новый областной комитет избран в составе: 37 большевиков, 27 левых эсеров и 1 меньшевика-интернационалиста; оборонцы не провели ни одного делегата

Финляндия—ближайший тыл красного Питера, ближайший резерв питерской баррикады—под знаком пролетарской власти!

С большим подъемом направляет нас областной съезд на Демократическое совещание в Питере. И через его голову—ко всей власти советам!

НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

Эти господа ничему не научились. Мельница их красноречия молола попусту. Они этого не замечали. Знаки времени были на стенах пред ними. Они их не видели.

Петроградский совет 31 августа принимает большевистскую программную резолюцию.

Они уверены, что это случайно, что сейчас вот они восстановят положение. На 9 сентября они созвали пленум Петроградского совета, и Чхеидзе заявил официально об отставке президиума исполкома ввиду принятия резолюции, противоречащей его линии. В расчете на большинство соглашательский блок предлагает не принимать отставки. Голосуют выходом в двери. За президиум и его соглашательскую политику—414, против—519, воздержалось—69. Отставка принята!

Новый президиум пока составлен из президиумов рабочей и солдатской секций. В рабочем—мы большинство, солдатский ещё не переизбран—в нем меньшевики с эсерами. Чрез несколько дней произошли перевыборы в солдатской секции совета: президиум переходит также в наши руки.

Петроградский совет из главной опоры соглашательской политики стал главной опорой борьбы с этой политикой.

После корниловщины так происходило почти повсеместно.

Сотни постановлений, телеграмм направлялись во ВЦИК

со всех концов страны. Почти все они заключали осуждение Временного правительства, требование установить однородную социалистическую власть. Рабоче-крестьянские и солдатские массы глубоко всколыхнулись в ответ на корниловское покушение. Лихорадочно вооружались, организовывались, готовились к борьбе с „белым генералом“ и его пособниками. И в этой своей подготовке, и в этой борьбе они видели естественного и единственно верного руководителя в лице нашей партии.

В целом ряде губернских и уездных советов мы завоевываем большинство. 6 сентября пленум Московского совета принимает резолюцию Питерского совета от 31 августа. Президиум Московского исполкома—наш.

Еще во время корниловщины власть на местах переходит к ревкомам, образованным для борьбы с контрреволюцией. Ревкомы продолжают сохранять эту власть, опирающуюся на вооруженных рабочих и солдат и по ликвидации генеральского мятежа.

Фактически это было осуществление власти советов. Это было возрождением советов, как органов революционной борьбы.

Керенский, очевидно, понимал это. 4 сентября он отдает приказ о роспуске ревкомов и „комитетов спасения и охраны революции“, создавшихся „в целях борьбы с мятежом Корнилова в городах, деревнях, на железнодорожных станциях... Самочинных же действий в дальнейшем быть не должно, и Временное правительство будет с ними бороться“... Но даже Военно-революционный комитет при ЦИКе отказался подчиниться этому приказу Керенского...

И партия восстанавливает свой лозунг: „вся власть советам в центре и на местах!“

Растет неудержимо и гигантски влияние нашей партии.

Слабеет влияние соглашателей, дезорганизуются их ряды, расшатывается их программная установка.

В партии эсеров Чернов, разгрузившись от министерского

портфеля, ударяется в сплошную оппозицию правительству и завоевывает для своей путаной „линии“ большинство в центральном комитете эсеров, оттесняя отпетых кадетских подпевал (Савинкова, Лебедева, Керенского, Авксентьева). Левые эсеры, до той поры ворчливо уживавшиеся в едином эсеровском болоте, объявляют себя независимыми, выпускают свой манифест, слагая с себя ответственность за соглашательскую политику ЦК своей партии.

Меньшевики сведены в Питере почти на-нет. Но все еще копошатся в общей трухлявой каше и Церетелли, и Потресов, и Дан, и „нтиернационалист Мартов, и „новожизненец“ Суханов.

Политика ЦИКа отражает эти колебания, эту неуверенность соглашательского большинства. ЦИК, с одной стороны, освящает „Директорию“, возглавленную Керенским, и обещает ей поддержку. С другой—поддержку обещает лишь на время, решая, что вопрос о власти будет окончательно разрешен, до учредилки, Демократическим совещанием, совещанием различных демократических организаций, подписавшихся под пустозвонной декларацией Чхеидзе, оглашенной на Государственном совещании, значит, без кадетской партии и без цензовиков. Созыв такого совещания назначен на 12 сентября.

Одновременно с тем, как меньшевистско-эсеровский ЦИК как будто предрешал самим составом Демократического совещения, что цензовики будут устранены от власти, Керенский повел секретные совещания с кадетами и московскими промышленными „тузами“ о вступлении их в его правительство.

Мы приехали в день открытия совещания. Много разговоров с питерцами.

Накануне состоялось собрание фракции большевиков ЦИК с большевистской делегацией. Доклад Каменева. Доклады с мест. Приподнятость настроения, партийное влияние усилилось повсюду.

Но партийная мысль еще не вполне окристаллизовалась.

Отдельные товарищи сохраняют еще некоторые „доисторические“ иллюзии: кое-кто договаривается до того, что революция вообще должна будет замкнуться рамками буржуазной демократии, кое-кто не понимает роли II Съезда советов и учредилки, не понимает, что движение уже уперлось в восстание. И даже, к удивлению, Володарский несколько скептичен.

Красный зал Александринки. Наша фракция довольно многочисленна. Хотя организаторы постарались „обезбольшевичить“ совещание, обеспечить большинство за соглашателями. Из 1425 мест—городским самоуправлениям дано 500 голосов, кооператорам—150; советам же всего—300, профсоюзам—100, фронту и тыловым частям—150 и т. д.

Что за пестрорядь!

Нет только представителей кадетской партии. Не то, что кадетов,—этих, под всякими „коопвидами“ или под видом земцев, предостаточно, но официально на совещание созвана только „демократия“.

„Изоляция большевиков“—этот стратегический маневр проделывали кадеты, увлекая за собою меньшевиков и эсеров. Не удалось! Еще до корниловщины не удалось. Милюковы-Родзянки увлекли Либерданов, но Либерданы по дороге растеряли массы.

Корниловщина завершила этот процесс.

На Демократическое совещание Либерданы явились без прочих „живых сил“, но с неистребимой тоскою по этим „силам“.

Этой тоскливостью проникнуты все их „песнопения“.

...Открывает совещание Чхеидзе. „Мы на краю пропасти“. А попали в столь неловкое положение из-за „экстремистов“ (большевиков тож). Экстремисты создали почву для контрреволюции. „В результате—коалиция Гинденбурга и Корнилова“, „штыки Вильгельма угрожают революционному Питеру“. Спасение—в единении всех сил демократии на платформе, оглашенной Чхеидзе на Московском совещании.

И тотчас появляется „спаситель“... Навстречу овации, шагом тореодора выступает Керенский. Тусклая фигурка диктатора застывает в наполеоновской позе.

И впечатление этой тусклости, этого убожества мелкобуржуазного кумира все растет по мере его жалкой, лицемерной речи.

Изобличенный всесветно в подозрительных махинациях с контрреволюционным генералитетом, явно замешанный в „странные“ передвижения 3-го конного корпуса к Питеру, только что приехавший из ставки, где всячески „петлил“, запутывал расследование корниловщины,—этот презренный политический шарлатан не может, однако, удержаться от попытки „отовраться“.

— ...Я не могу говорить, пока не почувствую, что здесь нет никого, кто мог бы лично мне бросить обвинения, которые раздавались в последнее время.

— Есть! Есть!—грохают наши ложи. (Особенно гулок сидящий рядом со мной т. Одиссей.)

Керенского передергивает. Кооператоры и прочая слякоть возобновляют овацию.

— ...Позвольте изложить то, что называется корниловщиной и что вскрыто и уничтожено мною...

— Советами! Вопреки вам!—протестуем мы.

Сбивчиво, путано, как вор, пойманный за руку, выкрикивает диктатор свои объяснения. И каждое его заявление подсекается негодующим голосом рабочих делегатов.

— С июля меня упрекали—„Бонапарт!“ („Правильно!“) Да, я знал о подготовке выступления. („Сам готовил!“) Ставка выдвигала ультиматумы. („Вы торговались!“) Корнилов ко мне приходил, я знал, чего они хотели. („Кто они!?“) Конный корпус был вызван потому, что было уже известно о заговоре. („Ложь!“) Отказываюсь дальше говорить теперь. („Почему?“) Будьте настороже. Остерегайтесь ложных путей... Правительство ежедневно получает сведения о растущей анархии. Только сегодня сообщают из Гельсингфорса, что его

революционные силы не позволят помешать самовольному открытию сейма!

— Правильно! Правильно!—Громовые аплодисменты.

Керенский поднимает руку:

— ...И в этот же момент, согласно другой телеграмме, немецкая эскадра, используя прекрасно известное ей положение дел, приближается к Финскому заливу!

Кооператоры воют...

— Фигляр! Шут!—кричим мы...

Керенский осанится:

— Я, товарищи, сказал все...

— Смертная казнь!?

— Смертная казнь восстановлена по единодушному требованию армейских организаций. („Позор! Позор!"). Проклинайте, когда подпишу хоть один приказ о смертной казни!.. Я на защите родины. („Горе родине!" Шум.) Не думайте, что я без опоры. Если вы что-нибудь затеете, имейте в виду—остановятся дороги, телеграф... (Хохочем в ответ, кооператоры глушат аплодисментами.) Когда кто-нибудь покусится на свободную республику иль осмелится занести нож в спину русской армии,—тот узнает силу правительства, пользующегося доверием всей страны! (Овация, которую прорывают свистки, выкрики: „Никакого доверия!" „Долой!"

„Позор!"—особенно гулко висит над съездом. „Позор!"

Керенского сменяет новый военный министр Верховский. С переизбытком жестикуляции министр выкрикивает несколько весьма ответственных обещаний: пересмотр командного состава, дабы заменить достойными доверия „демократии" всех ненадежных, старорежимных; коренное реформирование ставки—с устранением всех ее руководящих лиц: ведь они не могли не знать о подготовке корниловщины; сокращение численности армии и ее техническая реорганизация.

Верховского прерываем мало, но он так и не ответил на вопрос из нашей ложи: „А кого же вы уже заменили?"

Речи фракционных ораторов. Чернов—и туда и сюда. Да, Временное правительство „несколько запаздывало с разрешением многих неотложных вопросов и, тормозя земельный вопрос, подрывало доверие к власти, подрывало правосознание деревни“. Но Чернов не теряет надежды „на разум зрелых общественных сил, способных-де поступиться своими материальными интересами во имя общенародного блага“. Он за коалицию, но без политической партии к.-д...

Выступает Каменев:

— Опыт шести месяцев показал, что не может быть доверия политике, возглавленной Керенским. („Нахал!“—взывают кооператоры. Аплодисменты.) Чернова „ушли“, ушел и Плеханов—потому что буржуазия саботирует аграрную и трудовую программы. Верховский говорил, что надо очистить армию от контрреволюционных элементов; почему же этого до сих пор не делается, а смертная казнь для солдат введена? Заговор Корнилова—не мятеж генерала Корнилова, а выступление контрреволюционной буржуазии. („Корнилова породили большевики!“ Аплодисменты.) Корнилова породил смертельный ужас буржуазии пред революцией! Керенский не сказал о записке Корнилова, о распространении репрессий на тыл, о милитаризации железных дорог, военной дисциплине на фабриках и заводах... Теперь опять хлопочут о коалиции: Кишкины и Бурышкины; приходите и владейте, мы не умеем... Но у русской революции нет иной программы, кроме установления власти рабочих, крестьян и армии... (Аплодисменты чуть ли не половины зала!)

От меньшевиков Богданов. Он неожиданно говорит против коалиции с буржуазией: „Главной причиной бездействия был коалиционный состав правительства“...

Вторым от меньшевиков сам Церетелли, восторженно встреченный кооператорами,—в защиту коалиции со всеми „жизненными силами“, не подвергая отлучению тех, кто крепок в действительной жизни.

Следующий день—заседания „курий“ и фракций.

Нас мало интересовали результаты этих совещаний. Мы сосредоточены не на подсчете голосов случайного политического собрания. Вне его решаются радикальные вопросы момента. А между тем во фракции становится известным, что только что в заседании ЦК шестью голосами против четырех отклонено предложение тов. Сталина разослать для обсуждения ЦК и МК письма Ленина—„Большевики должны взять власть“ и „Марксизм и восстание“.

Тут же ЦК решил принять меры к недопущению преждевременных выступлений в Питере...

А еще утром выпущено воззвание питерского комитета партии, в котором говорится:

> „Поднимите голос свой все,—широкие массы рабочих и солдат Петрограда, скажите громко и внятно, что вы, вместе с вашим советом, за линию, намеченную им, что вы против нового торга и соглашательства... Посылайте от всех заводов и фабрик, и мастерских, от всех казарм, всех полков и воинских частей делегации с наказами, содержащими ваши требования. Пусть узнает Демократическое совещание вашу непреклонную волю. Скажите ему громко и спокойно, как и подобает сильному, уверенному в себе и своей конечной победе авангарду революции, что вы против коалиции, за твердую революционную власть, против помещиков, за землю крестьянам, против фабрикантов и заводчиков, за рабочий контроль, против империалистов, за справедливый мир“.

— В Питере по заводам нами проводится кампания давления на совещание. Вырабатывают наказы. Вам надо ехать на завод „Айваз“. Там будет еще один из наших представителей.

— С удовольствием, т. Свердлов!

...„Айваз“—завод боевой, один из самых передовых в передовом Выборгском районе. Но наряду с растущим большевистским влиянием на заводе все еще чувствуется анархо-эсеро-меньшевистская отрыжка. От „меньшевиков-интернационалистов“ выступает Владимир Цедербаум (брат Мартова)—старый знакомый со времени первой революции. Гладенько обструганная и благонамеренно розовенькая речь.

Мария Спиридонова—от эсеров, тоже интернационалистов, в монашески черном, строгом одеянии, монашески (или кликушески?) однотонная.

Следом—бодрый, ловкий, в солдатской шинели, чернобородый большевик. С большим подъемом, подчеркнутая широким жестом, хорошая, здоровая речь. Несколько энергичных слов вскрывают нецельность, незавершенность, лицемерность постановки левых эсеров. И горячо, убедительно звучат простые слова о подлинном пути из разрухи, из войны к хозяйственному подъему, к миру и к подлинной свободе.

Нет и охоты говорить после такого оратора, явно переломившего настроение массы.

Ограничиваюсь насмешливыми замечаниями. Мария Спиридонова берет ведь своим видом и ореолом великомученицы. „Чтоб завоевать завод „Айваз", эсеры мобилизовали свой иконостас"... (хохот) и в этаком духе,—дальше—по адресу беспомощного „интернационализма" меньшевиков.

Приняты наша резолюция и наш наказ.

Узнаю, идя с митинга, от председателя завкома, что оратор-солдат—Л. М. Каганович, кажется из Ярославля.

Несколько рабочих—с нами. Им не хочется расставаться с новым знакомым. „Вы б к нам еще наведались!"—просят Кагановича.

...Какой это был вечер? Среди речей, уже не привлекающих внимание, разрастающийся шум... с улицы, из кулуаров... „Рабочая делегация",—шепчем в нашей ложе... Кто-то в президиуме, прервав очередного оратора, сообщает: „Прибыла делегация с заводов и полков. Требует слова".

— Дать! Дать!—вопим мы во все легкие, покрывая бессвязный гул кооператоров и прочих подцензовиков.

На трибуне—знакомая (по парижской эмиграции) низкорослая фигура т. Назарова. Крепким голосом он выкрикивает:

— От имени питерского пролетариата и солдат... (Кто-то вопит: „Самозванцы!“ А мы перекрываем аплодисментами.) Мы следим за вашими разговорами. Не вам решать судьбы революции. Они решатся на улице! Да здравствует вооруженное восстание и диктатура пролетариата!

Оцепенение соглашателей, наше громовое „ура!“

Назарова сменяет какой-то солдат:

— Нас 150 000 гарнизона. Мы, как один, вам заявляем: никакого правительства с буржуями не признаем. Довольно слов. Свое право осуществим борьбой. Довольно войны! Мир, земля, хлеб, свобода!

Кто-то из пришедшей делегации вручает президиуму наказ. Вот его текст (подобный текстам наказов обуховцев и др.):

„Рабочие завода „Айваз“ посылают на „Демократическое совещание“ делегацию, чтоб объявить „Демократическому совещанию“ о следующем: революционный пролетариат, революционная армия в дни буржуазно-генеральского заговора Корнилова, как один, встали на защиту завоеваний революции и еще раз выразили свое желание: вся власть советам!

Но ЦИК советов, оставшись верным политике соглашения с цензовыми элементами, снова ставит революцию на край гибели.

Ныне созванное ЦИКом Демократическое совещание мы решительно не можем считать истинным представителем революционного народа. Совещание в своем большинстве представляет городские самоуправления, земства и кооперацию, отнюдь не являющиеся действительными выразителями воли революционного народа. Революционная демократия же, организованная в советы, армейские комитеты, профсоюзы и фабрично-заводские комитеты, является на совещании меньшинством. Констатируя это, мы заявляем, что спасение революции и страны требует самого решительного и немедленного разрыва с политикой соглашения с цензовыми элементами и создания ответственной власти, опирающейся на пролетариат и беднейшее крестьянство. В основу политики этой власти должно быть положено: 1) немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира—мира без аннексий и контрибуций, с правом наций на самоопределение; 2) немедленная отмена частной

собственности на помещичьи, монастырские и церковные земли и передача их без выкупа в заведывание земельных комитетов; 3) организация рабочего контроля над производством и распределением в государственных размерах; 4) беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей.

Только власть, руководимая указанными началами, сможет вывести страну из тупика, в который ее завела политика соглашательства правящих партий. Только такая власть сможет осуществить задачи, выдвинутые революцией, и спасти страну от гибели и развала".

Ах, Кишкины-Бурышкины и прочие спасители от „живых сил!" Ах, Либерданы и прочие пустозвоны бесхребетной „демократии"!

Как оцепенелые, сидят они, услышав грозный голос „улицы".

Но оцепенения хватает только на миг, и вновь плетется хитроумно предательская сеть.

В этот и другой еще день выступали пятеро бывших министров: Скобелев, Авксентьев, Пешехонов, Зарудный, Церетелли. Все это—на высоких нотах надоевшие перепевы. И дальше: от „курий" и „подкурий"—декларации. Но вот немножко веселее!

Сияя благонамеренным самодовольством, „от имени пяти миллионов („Что так мало!") членов русской кооперации"—Беркенгейм.

„Наша революция буржуазная". („Неверно!" „Правильно!") „Мы идем к закреплению буржуазного строя". Об этом—Маркс, Лавров, Михайловский..." „Мы наиболее компетентные здесь люди". (Смех.) Коалиция должна быть повсюду. Нужны всеобщие жертвы. Рабочие должны привыкать к голоду и холоду. („Позор!") Оглашает резолюцию чрезвычайного кооперативного съезда: „Власть должна быть свободна от всяких организаций и ответственна перед народом. Нужен временный блок кооператоров, цензовиков и социалистических партий".

Следом—овация есаулу Нечаеву. Фронтовое казачество—за сильную власть, но против коалиции с теми, кто так или иначе связан с Корниловым.

Но тут же поправка.

Второй выступавший казак—за участие кадетов в правительстве, против „большевистской анархии“, но и против привлечения казаков к полицейской службе.

Рязанов вызывает сенсацию, читая передовую „Речи“ от 28 августа, снятую с набора в последний момент („Убоялись!“):

> „Да, конечно, это заговор... Но генерал Корнилов не реакционер... его идеи стали общим достоянием, он за те же цели, которые и мы считаем необходимыми“...

Голос „пяти миллионов кооператоров“ тонет в могучем гуле пролетарского Питера, а на следующий день—и в выступлениях многих представителей от крестьянских организаций.

Наш „приятель“—левый эсер. Устинов (от губернских крестьянских организаций)—говорит резко:

— Правая рука Чернова отменяла циркуляры, писанные его левой рукой... Как делать революцию в союзе с помещиками? А это и есть коалиция.

В том же духе, попроще и красочнее,—несколько доподлинных крестьян и, конечно, Мария Спиридонова:

— Живые силы ищутся шесть месяцев. Надо спасать себя собственными руками. Не будете служить народу вы, образованные, то этот спор обойдется туго для господствующих классов. Долой коалицию! Да здравствует власть народных масс!

Если и не точно, то здорово!

Мартов, при напряженной вслушенности, просипел от имени большинства советов декларацию против коалиции с цензовиками, обрекающей революцию на бесплодие, ведущей к потере доверия власти, на чем и выросла корниловщина. Надо создать „истинно-революционную власть, способную разрешить неотложные задачи революции и ответственную до Учре-

дительного собрания пред полномочным представительством трудящихся народных масс". (Заковыристо, но не ясно! Но от Мартова добиться уточнения, что это за „полномочное представительство трудящихся народных масс".)

Ночью 18 сентября выступает Троцкий:

— Граждане министры! Мы хотели бы не советов, а отчетов от вас... Унижена Российская республика, она не имеет своего полномочного и ответственного перед ним правительства. Недостойно для великого народа вообще, ни тем более для народа, переживающего великую революцию, иметь власть, которая концентрируется в одном лице, безответственном пред собственным революционным народом.

Оглашает нашу декларацию.

Кто-то с места:

— А зачем вооружение рабочих?

Отвечает:

— Вооружение рабочих—оплот против контрреволюции и,—повышая голос,—если будет установлена подлинная диктатура революционной демократии и эта власть предложит честный мир, и мир этот будет отвергнут, то для защиты страны революции от войск империализма! (Буря одобрения.)

Выходим с ночного заседания с т. Одиссеем.

— А мне это пышное красноречие,—говорит он,—не по нутру. Чересчур фразисто и общедемократично, какой-то привкус национал-большевизма—„стыд, униженье для великого народа в великой революции не иметь ответственной пред ним власти". И этот жест о самозащите „страны революции"... Будто переводит человек с французского, с какого-нибудь Дантона.

19 сентября—голосование: 640 против 517 решают голосовать открыто. По мотивам голосования кооператоры оговаривают, что считают данное совещание частным и себя „свободными".

Оглашается заявление от гельсингфорсских солдат, матросов и рабочих (кажется—П. Дыбенко):

„Никакого доверия коалиции! Как протест против коалиции, суда подняли боевые флаги. Мы защитим и финские берега, и интересы народных масс!“

Пошли голосования.

За коалицию—766, против—688, воздержалось 38. Прошла!

Против коалиции с „элементами, причастными к корниловщине“—797, за—139, воздержалось 196...

Против коалиции с кадетами—595, за—483, воздержались 77. Кажись, крышка!

Выскакивают Гоц, Дан—„без кадетов нет коалиции“. Ченыкаев, Беркенгейм—в поддержку Гоца, Дана.

Голосуют. За коалицию без каких-либо отговорок—183, против 813, воздержалось 80! Переполох... Перерыв... Фракционные собрания.

У нас, где-то в кулуарах, стоял спор: уйти с совещания или нет? Как уйти? Очевидно, будет Предпарламент? Участвовать ли?

Накануне в ЦК большинством 9 против 8 решено не входить в Предпарламент, но ввиду значительного меньшинства, постановлено—передать вопрос на решение фракции Демократического совещания.

Как всегда, точен, ясен Сталин: входить—значит подкреплять врага, подкреплять авторитет той власти, которую надо свергнуть; входить—значит поддерживать иллюзии возможности единого демократического фронта с цензовиками; входить—значит дезорганизовать, дезориентировать свои ряды. Наше место—не буржуазная лжепарламентская кухня, а завод, казарма, улица, ибо пришли решающие дни.

Против—Рыков, Каменев. Какой непроходимой кабинетностью веет от их рассуждений!..

Но прения продолжать некогда.

И 77 против 50 принимается плоское решение о вхождении в Предпарламент...

Возобновляется пленум.

Церетелли сообщает, что президиум в целях объединения

демократии решил устроить особое совещание с представителями всех политических течений.

22 сентября снова пленум. И неизбежный Церетелли заявляет о достигнутом соглашении, но снабжает сообщение оговоркой о „содействии“ Директории (Керенскому) в „создании“ власти и „санкционировании“ Директорией (Керенским) Предпарламента.

Буря протестов... После резких выступлений представителей большевиков и, кажется, Мартова, эти церетеллевские пристроечки убираются.

Но рядышком Церетелли выдвигает заявление, что большевики, мол, как раз положительно отнеслись в президиуме к этим его, отвергнутым ныне предложениям.

Протестуем. Демонстративно отзываем своих представителей из президиума. Оглашаем декларацию. В ней вскрыта закулисная работа соглашателей—капитулянтов пред корниловцами. В ней пояснено:

> „Что касается Предпарламента, или демократического совета, то мы констатируем: 1) что состав его подобран, как и состав совещания, в ущерб интересам крестьян, солдат и рабочих; 2) что в связи с таким составом задачей организаторов и авторов Предпарламента является не создание демократической власти, а попрежнему поиски соглашения с буржуазией, руководимой контрреволюционной партией к.-д. Со всей силой отстаивая теперь, после опыта Демократического совещания, необходимость передачи всей власти советам в центре и на местах и призывая все советы подготовить в кратчайший срок Всероссийский съезд, мы посылаем своих представителей в Предпарламент для того, чтобы в этой новой крепости соглашательства развернуть знамя пролетариата, обличать всякие попытки коалиции с буржуазией и облегчить советам создание истинно-революционной власти, способной обеспечить действительный и без дальнейших оттяжек созыв не подтасованного Учредительного собрания“.

В тот же день Петроградский совет принимает резолюцию нашей фракции.

В ней, повторив оценку Демократического совещания и Предпарламента, данную нашей фракцией,—такой вывод:

„...Советы должны сейчас мобилизовать все свои силы, чтобы оказаться подготовленными к новой волне контрреволюции и не дать ей захватить себя врасплох... Везде, где в их руках власть, они ни в коем случае не должны ее упускать. Революционные комитеты, созданные ими в корниловские дни, должны иметь наготове весь свой аппарат. Там, где советы этой полнотой власти не обладают, они должны всемерно укреплять свои позиции, держать свои организации в полной готовности, создавать по мере надобности специальные органы по борьбе с контрреволюцией и зорко следить за организацией сил врага.

...Для объединения и согласования действий всех советов в их борьбе с надвигающейся опасностью и для решения вопроса об организации революционной власти необходим немедленный созыв съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".

29 сентября подобное же решение принимается в Гельсингфорсе советом и Центробалтом.

НА ПЕРЕДОВОМ ПОСТУ РЕВОЛЮЦИИ

После совещания ненадолго задержался в Питере... Запомнилось особенно освежающе выступление в Сестрорецке. Как хорошо приняли доклад о „Демократическом!“ И тут же, из последнего, собрали в фонд центрального органа партии— кто сколько мог,—803 рубля.

Вскоре открывался в Гельсингфорсе второй съезд моряков Балтийского флота. А следом наша партконференция. Надо было спешить!

Во флоте—новые волнения. Провокационная рука Керенского коснулась его собственного же детища. Центрофлот, осмелившийся перечить диктатору, объявлен упраздненным. 19 сентября пленарное собрание Центробалта со всеми судовыми комитетами и матросской секцией совета постановляет: не исполнять приказа Временного правительства о роспуске Центрофлота, и заявляет, что вообще отказывает Временному правительству в повиновении.

Центрофлот обратился в ЦИК. Временное правительство, поколебавшись, отменило свое распоряжение о роспуске Центрофлота.

Этот удар по матросским выборным организациям был явно предательским, был нанесен в момент, когда германский флот сосредоточивал силы для прорыва к Кронштадту—Питеру.

Центробалт лихорадочно работал над укреплением подсту-

пов к Финскому заливу и приведением флота в боевую готовность. Центробалт добился исключительной дисциплины на судах. Был такой случай,—о нем рассказывал П. Дыбенко:

„В 8 часов вечера из Або была получена телеграмма: в направлении Гельсингфорса проследовала немецкая эскадрилья аэропланов. Пролетая над городом, сбросили бомбы. Одновременно от сторожевых миноносцев была получена другая телеграмма, что в море появилась немецкая эскадра. На кораблях сыграли тревогу. Катеры и буксиры стали подходить к пристани, подавая тревожные сигналы. Ровно через десять минут в городе не осталось ни одного матроса. Все бросились на свои корабли. Все спешили занять свои посты. На следующий день был отдан приказ (помимо правительства, так как такового уже для флота не существовало)—прекратить увольнение в кратковременные отпуски и увольнение на берег, находящимся в кратковременных отпусках немедленно вернуться на свои корабли. Приказ, не встретив ни одного возражения, в точности был выполнен“.

Для закрепления боевого духа Центробалт созвал на 27 сентября второй съезд моряков Балтфлота.

Немецкий флот наступал. Наша эскадра была втрое слабее. Наш флот решил защищаться. Керенский телеграфировал: „Настал момент, когда Балтийский флот ценою своей крови должен искупить свои преступления и предательство“.

Моряки отвечали презрением Временному правительству и геройским отпором немцам.

8 дней боя: немцы, в громадном перевесе сил, наведя панику на пехоту и артиллеристов береговых батарей, прорвали Моонзундский пролив, заняли острова Эзель, Даго, Моон, Ворлис; но не смогли преодолеть второй оборонительной линии. Геройски вела себя наша во много крат слабейшая флотилия. Особенно „Слава“, потопленный в заливе, и миноносец „Гром“, выдержавший бой с десятком неприятельских судов.

Второй съезд моряков Балтики открылся в разгар военных действий. Вставала страшная угроза прорыва противника в

направлении Кронштадт—Питер. Повеяло смертью над нашим флотом. В единстве настроения сплотились все—нельзя пропустить немцев к Питеру на помощь буржуазной реакции. Флот должен прикрыть грудью город революции.

Председательствует П. Дыбенко, выпущенный наконец из Крестов, под поручительство Центробалта. От большевиков—приветствую съезд. Говорю о том, что близок день нашей победы в Питере. „Будут баррикады, но от них мы идем к социалистической революции". Власть вскоре будет в руках революционных рабочих, солдат, крестьян. И в это время предательством генералов прорывается наш фронт. Контрреволюция ставит ставку на поражение. Здесь, в Гельсингфорсе, мы защищаем подступы к Питеру, к городу пролетарской революции. Не допустим немцев притти на помощь корниловщине. Закрепим свое будущее.

Оглашаю текст воззвания к пролетариям всех стран, написанного мной по поручению Центробалта и одобренного партkомом:

„Братья! В роковой час, когда звучит сигнал боя, сигнал смерти, мы возвышаем свой голос, мы посылаем вам привет и предсмертное завещание. Атакованный превосходными германскими силами, наш флот гибнет в неравной борьбе. Ни одно из наших судов не уклонится от боя, ни один моряк не сойдет побежденным на сушу. Оклеветанный, заклейменный флот исполнит свой долг перед великой революцией. Мы обязались твердо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполним свое обязательство. Мы выполняем его не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего милостью долготерпения революции. Мы идем в бой не во имя исполнения договора наших правителей с союзниками, опутывающих цепями руки русской свободы. Мы исполняем верховное веление нашего революционного сознания. Мы идем к смерти с именем великой революции на недрожащих устах и в горячем сердце борцов. Русский флот всегда стоял в первых рядах революции. Имена моряков вписаны в почетном месте в книгу великой борьбы с проклятым царизмом, и в яркие дни развивающейся революции моряки всегда шли в авангарде борцов за ее конечные цели—

до полного освобождения всех трудящихся. И эта борьба с отечественными хищниками, борьба не на жизнь, а на смерть, дает нам святое право призвать вас, пролетарии всех стран, призвать вас твердым перед лицом смерти голосом к восстанию против своих угнетателей. Сбросьте с себя оковы, угнетенные! Поднимайтесь на борьбу! Нам нечего терять в этом мире, кроме цепей. Мы верим, мы дышим верою в победу революции. Мы знаем, что свой долг наши братья по революции выполнят до конца, на баррикадах последнего боя. Мы знаем, что близок этот решительный бой. Разгорается великая борьба, дрожит горизонт пламенем восстания угнетенных всего мира. В час, когда волны Балтики окрашиваются кровью наших братьев, когда смыкаются темные воды над их трупами, мы возвышаем свой голос. С уст, сведенных предсмертной судорогой, мы поднимаем последний горячий призыв к вам, угнетенные всего мира.

Поднимайте знамя восстания!
Да здравствует всемирная революция!
Да здравствует справедливый общий мир!
Да здравствует социализм!“

Съезд аплодисментами одобряет этот призыв. Аплодисментами же принимается резкое требование к ЦИКу—убрать авантюриста Керенского, который оскорбляет флот своими гнусными телеграммами.

Съезд решает направить представителей на корабли для наблюдения за точным выполнением приказов. Разрабатывает затем план последовательного осуществления власти Центробалта во флоте.

Против этого плана—левые эсеры: „Нужно единство революционной демократии. Нельзя заскакивать. Это захват власти. Анархия“ и т. д., и т. п.

Левые эсеры выдвигают свою основную силу. Мария Спиридонова встречена бурной овацией съезда. Она взывает „погодить“, не торопить событий, не захватывать власти внеочередным путем. Придет учредилка—все устроит. Призывает к единению революционной демократии.

На высоком тоне, истерически напряженный голос, быстрый темп без интонаций—сильно действует. Но не здесь!.. Хло-

пают немногие. Хмурится съезд, и громовыми аплодисментами встречает отповедь большевика. Резолюция левых эсеров провалена.

Съезд моряков взял фактически власть в Балтике.

28 сентября открылась областная партконференция. Было не мало на ней работы. И много радости от этого подъема, которым она дышала, отражая настроения не только партийных рядов, но широких моряцких, солдатских, рабочих масс.

Все решения ее—в поддержку ленино-сталинской линии, на практическую подготовку вооруженного восстания для захвата власти.

В разгар конференции Смилга показал мне письмо к нему Владимира Ильича.

Письмо возлагало громадную ответственность на нашу парторганизацию, ведшую за собой моряцко-солдатские массы ближайшего резерва к Питеру. Письмо требовало энергичной и немедленной подготовки к захвату власти.

Бодрило, поднимало. Надо действовать! Крепко, решительно.

Постановляем на основе решения ЦК (от 24 сентября)—о желательности предварительно, до созыва Всероссийского съезда советов, созвать окружные и областные их съезды, взять почин в созыве Съезда советов Северной области.

Этот Съезд советов должен создать вокруг Питера железную стену, броню против возможных попыток подкрепить силы контрреволюции, силы Временного правительства. И дать подкрепления Питеру в борьбе за власть советов.

Партконференция одобряет это предложение.

29 сентября оно утверждено ЦК партии, по докладу т. Свердлова, с которым мы в постоянной связи.

Тотчас же проведено через Гельсингфорсский совет. Создано оргбюро по созыву съезда из представителей областного комитета, Гельсингфорсского совета и Центробалта. Немедленно разослано приглашение 28 советам на съезд 8 октября в Гельсингфорсе.

Вскоре, по совету т. Свердлова, съезд отложен на 10 октября и созывается в Питере, куда выехал от нас для оргработы моряк Баранов (и где ему много помог Л. М. Карахан).

Готовились мы. Готовилась и контрреволюция. „Слуги реакции—не краснобаи". Правильность сего изречения Лассаля не замедлила подтвердиться.

Внезапно получаем приказ о замене 42-го корпуса, расположенного в Финляндии и сплошь уже разагитированного нами, какими-то частями с юго-западного фронта, верными Временному правительству.

Мы отчетливо поняли, куда клонит это распоряжение. И мы сейчас же сообразили, насколько благодарна может быть для нас агитация среди освоившихся с Финляндией частей против отправки на дальний фронт. Областной комитет Финляндии обратился с воззванием к революционным рабочим, матросам и солдатам.

Вывод из Финляндии верных революции частей—акт прямой провокации гражданской войны; это угроза революционному Питеру. Областком предупреждает, что если будут двинуты в Финляндию без его согласия воинские части, то он снимет с себя всякую ответственность за возможные последствия и будет действовать так, как подскажет ему революционный разум. Воззвание кончается возгласом: „Да здравствует власть советов! Да здравствует революционный Петроград! Да здравствует социализм!"

И чрез несколько дней (7 октября), используя громадное брожение в частях, областной комитет армии, флота и рабочих в Финляндии, исполняя волю областного съезда, выражает недоверие новому коалиционному правительству. Областной комитет—на охране тыла Петрограда, поэтому им установлен свой контроль в Белоострове... Военный министр Верховский предписал начальнику пропускного пункта в Белоострове не допускать наших комиссаров и телеграфировать ему об их появлении, для их немедленного ареста. Областной комитет отвечает, что контроля не снимет, попытку

ареста его комиссаров сочтет корниловщиной. „Мы спокойно принимаем вызов Временного правительства“.

Областной комитет Финляндии взял власть, в отношении российских армий, флота и рабочих, в свои руки.

Военный отдел областного комитета: тт. Дукельский, Шейнман и матрос Евдокимов (левый эсер) энергично повели подготовительную работу (учет настроения всех частей, расположенных в Финляндии; выявление частей ненадежных и мер их обезврежения; учет наших сил и отдельно тех, кто может быть выделен в случае нужды в помощь Питеру).

СЕВЕРНЫЙ ОБЛАСТНОЙ СЪЕЗД

В Питер приезжаю за несколько дней до Северного областного съезда.

Обстановка накалялась. Отовсюду стекались в Питер сведения о революционном подъеме. Аграрное движение смело помещичьи гнезда, ломало в корне черново-авксентьевскую легальность. Повсюду в городах советы обольшевичены. Повсюду наша победа при выборах в городские думы.

На фронте оборонцы теряют свои позиции в солдатских организациях.

Питерский совет осаждается делегатами с фронта, несущими нетерпеливое требование скорейшего мира, хлеба и земли. „Воевать больше не будем!"

Это—изболевшееся, изуверившееся в соглашательство крестьянство бесконечной вереницей приходит к новому вождю, требует руководства, ставит своего рода ультиматум нашей партии.

У меньшевиков и эсеров—растерянность, распад.

Меньшевики почти исчезли с рабочих собраний, что-то кудахчут еще кой-где в профсоюзах и петушатся в омертвелом ЦИКе и мертворожденном Предпарламенте.

Эсеры в развале. Еще 18 сентября петроградская конференция эсеров приняла резолюции против своего оборонческого ЦК, прошла под знаком интернационализма и анти-

соглашательства. Камков, Карелин, Мария Спиридонова взамен Чернова, Авксентьева, Гоца. „Воля народа“, скорбная главою, называет резолюции этой эсеровской конференции „большевистскими“.

Эта переориентировка в рядах эсеровской партии, связанной с деревней,—прекрасный барометр революционного подъема деревенских низов. Деревенская беднота встает за землю и против войны!

Хозяйственная разруха, поощряемая Рябушинскими, растет.

В марте закрыто 74 предприятия с 7 тысячами рабочих, в апреле—55 с 6 тысячами рабочих, в мае—108 с 8 тысячами, в июне—125 с 39 тысячами, в июле—206 с 47 тысячами... Волна нарастает: в августе и сентябре сотни и сотни предприятий приостановлены из-за „отсутствия сырья, материалов, топлива“, на деле же, прежде всего, из-за саботажа промышленников.

„Костлявая рука голода“...

Рабочие массы до крайности возбуждены. Местами переходят к прямому действию. Железнодорожники отказались принять ставки правительственной комиссии Гвоздева. Временное правительство отказалось вести переговоры со стачечным комитетом. 22 сентября союз железнодорожников предъявил Керенскому ультиматум—удовлетворить требования железнодорожников, иначе—всеобщая забастовка.

В ночь на 24 сентября не вышли из Питера волжский, севастопольский, кисловодский, омский и иркутский поезда.

С 29 сентября ожидалось полное прекращение железнодорожного движения. Но 26 сентября стачечный комитет решил, ввиду возобновившихся переговоров с правительством, приостановить забастовку.

Громадный перелом на заводах.

Радостно возбужденный, рассказывает П. Дыбенко: „Полная победа в Колпине! Самого Церетелли покрыли! „Долой коалиционное правительство! Вся власть советам!“ Церетелли аж обмер: „Вы что же это? К вооруженному восстанию зо-

вете? Придется вас вновь арестовать...“—„Не угнаться: мы ведь на полой воде, а вы—на мели, г-н министр!..“

Крепкие настроения в частях. Подводят итоги царствованию коалиции,—итоги кричащие!

Финляндский полк (9 октября) заявляет: „Что вы дали нам? Голод и обещания“...

С северного фронта: 1-й сибирский армейский корпус, 1-я сибирская артиллерийская бригада, 8-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион требуют: вся власть советам!

Делегация от 34-го корпуса, во главе с т. Васильевским, привозит декларацию корпусного съезда с требованием: вся власть советам!

Московский совет депутатов—наш. 19 сентября перевыборы его исполкома: 32 большевика, 16 меньшевиков и 9 эсеров.

Петроградский совет депутатов—наш. 25 сентября его исполком переизбран: 13 большевиков, 6 эсеров, 3 меньшевика.

Тогда же выборы в районные думы дали в Москве: большевиков—350, кадетов—184, эсеров—140 и меньшевиков—31.

В первом же заседании Предпарламента 26 сентября большевики предлагают прекратить переговоры с цензовой буржуазией и приступить к созданию подлинно революционной власти.

На первом же заседании Совета республики 7 октября большевики огласили заявление о своем выходе из него:

„Петроградский СР и СД, Московский совет, Кавказский краевой совет, Финляндский областной, Уральский, советы Кронштадта, Одессы, Киева, почти всей Сибири, Петроградский совет профсоюзов и другие органы революции считают недопустимой коалицию с контрреволюционной буржуазией. А потому фракция социал-демократов-большевиков предлагает: 1) прервать ведущиеся, под руководством Керенского, переговоры с цензовой буржуазией и 2) приступить к созданию истинно революционной власти“.

И дальше в этом заявлении говорится:

„С этим правительством народной измены и с этим советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего. Той убийственной для народа работы, которая совершается за официальными кулисами, мы не хотим ни прямо, ни косвенно прикрывать ни одного дня... Покидая Временный совет, мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России: Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности! Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии помогают ему. Только сам народ может спасти себя и страну“...

10 октября Питерский совет, несмотря на предостережения члена ЦИК Богданова, избирает на Северный областной съезд 15 делегатов-большевиков!

ЦИК пытается маневрировать... ЦИК принимает постановление о созыве съезда советов на 20 октября.

А мы—в разгаре оргработы по Северному съезду.

Сговариваемся со Свердловым об официальном оргбюро съезда—Крыленко, Антонов (Овсеенко), Дыбенко, Раскольников.

Все доклады, резолюции подготовлены и утверждены ЦК. На заседании фракции съезда утверждается порядок дня, докладчики, проекты резолюций, происходит обмен впечатлениями с мест.

В особо доверительном порядке от кого-то с северного фронта узнаю, что готовится как будто новый „прорыв“—командование собирается оттянуть войска вглубь, открывая немцам фронт.

Прибывший на съезд с западного фронта т. Крыленко (т. Абрам, „Горошинка“, как его мы звали в 1905 году за малый рост и быстроту бойкой, складной речи—„как горохом сыплет“) сообщал:

— Готовится, повидимому, новая корниловщина в Минске. Город окружен казачьими частями. Штабы и ставка шепчутся. Усиленная агитация против большевиков среди осетин и других частей. Но фронт в целом за нас и пойдет

за нами против Керенского. Минский гарнизон может разоружить все подозрительные части. Можем из Минска дать корпус в Питер.

Во время этой непосредственно предсъездовской работы идет чрезвычайно важное заседание ЦК партии. Накануне, в письме к питерским рабочим („Советы постороннего"), т. Ленин указывал на особенное значение Северного областного съезда. От съезда надо итти к восстанию за власть советам! И Ильич, давая ряд принципиальных указаний о том, как вести восстание, пишет:

„В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тысячами (а может, и больше) нашей „буржуазной гвардии" (юнкеров), наших „вандейских войск" (часть казаков и т. д.)"

Чтоб защищать свою точку зрения перед ЦК, Ленин появляется на его собрании 10 октября. Всей своей силой обрушивается он на колеблющихся, сомневающихся. „Давно уже надо обратить внимание на техническую сторону восстания"... „Большинство теперь за нами"... „То, что затевает правительство со сдачей Нарвы и сдачей Питера, еще более вынуждает нас к решительным действиям"... „Политическая обстановка готова"... „Северным областным съездом и предложениями из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий".

Резолюция Владимира Ильича принимается 10 против двух. Краткая, насыщенная фактами, характеристика момента: „вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело"; все организации партии должны „руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы".

Для „политического руководства восстанием" образуется

бюро в составе: Ленина, Сталина, Бубнова, Зиновьева, Каменева, Троцкого и Сокольникова.

Но Каменев и Зиновьев, оставшись в меньшинстве, заявили о своем особом мнении. Более того, члены бюро „для политического руководства восстанием“, они подают в ЦК это свое особое мнение и заявляют, что считают „своим долгом познакомить петроградский комитет, московский областной комитет и областной финляндский комитет с этим своим заявлением“.

Об этих заявлениях Каменева и Зиновьева, угрожающих срывом работы выделенного ЦК бюро для политруководства восстанием, узнаем уже в разгар Северного съезда советов.

11 октября этот съезд открывается. От имени организационного бюро докладываю о подготовке съезда. Инициатива— из Гельсингфорса. Питерский совет выделил до 30 помощников. Объездили почти все центры. Псковская областная организация решила было участвовать, но пересмотрела это решение и делегата не прислала.

Присутствуют делегаты от городов: Питер, Москва, Новгород, Старая Русса, Боровичи, Ревель, Юрьев, Архангельск, Вольмар, Кронштадт, Гатчина, Царское Село, Чудово, Сестрорецк, Шлиссельбург, Выборг, Гельсингфорс, Або. Кроме того, делегаты от Совета крестьянских депутатов, окружного съезда Балтики и от некоторых уездных городов.

Нет делегатов—Пскова, Павловска, Тихвина, Петрозаводска.

Цель съезда—„связать в одну мощную организацию всю Северную область; такая спайка необходима для укрепления революции. Данный съезд является как бы предтечей Всероссийского съезда“.

Избирается президиум: Крыленко, Калис (левый эсер), П. Дыбенко, и одно место предоставляется меньшевикам.

Три секретаря: Бреслав, Билима (эсер), и один от меньшевиков.

Крыленко выступает с речью о безутешности итогов семи месяцев революции. Безответственная власть. Хозяйственная

разруха. Вопросы миры и войны стоят катастрофически. Совет республики и ЦИК разводят соглашательскую канитель. ЦИК посылает Скобелева на Парижскую конференцию договариваться с союзными империалистами. Наш съезд должен сказать свое слово о всем этом позоре.

Выступаю вне очереди от большевиков, предлагаю принять такую резолюцию-обращение:

„С 9 октября 36 заключенных в Крестах голодают. Тюремщиками революционных борцов являются те же, кто губит страну и революцию. Освобождение заключенных из тюрем и освобождение страны от диктатуры контрреволюционеров— одна и та же задача. Северный областной съезд призывает вас, товарищи заключенные, щадить ваши силы и прекратить голодовку. Час вашей свободы близок. Через избранную съездом делегацию посылаем вам братский привет".

Следуют доклады с мест.

Особенное впечатление от доклада Центробалта. П. Дыбенко заявляет:

— Балтийские моряки хотят знать, за что умирают. Флот не доверяет Временному правительству. Вся власть советам!

Принимается привет Балтфлоту:

„Северный областной съезд шлет пламенный привет революционным морякам Балтфлота, которые умирают как герои, расплачиваясь своей жизнью за преступления буржуазии всех стран. Слава несокрушимым борцам, которые сквозь пламя и дым морского боя посылают угнетенным клич восстания и братства народов! Слава братьям балтийцам! Слава героям революции".

От Петроградского окружного совета: 12 советов Питерской губернии, собравшись недавно в Кронштадте, приняли 37 против 3, при 7 воздержавшихся, крепкую резолюцию. Крах политики соглашательства. Временное правительство—союз корниловцев и бонапартистов; Совет республики—жалкий ублюдок. Никакой поддержки Временному правительству! Дальнейшее углубление революции возможно лишь в борьбе

против буржуазии. Органы этой борьбы—советы. Вся власть советам!

И дальнейшие доклады: от Москвы, областного комитета Финляндии, Выборга, Вендена, Юрьева, Ревеля и т. д.—в одну точку!

Председатель подводит итог:

— Общий язык докладов—вся власть советам! Долой существующее Временное правительство! Нужно вести действенную политику в борьбе за власть!

На следующий день ЦИК пытается „разъяснить“ съезд. Богданов (меньшевик) заявляет, что съезд, мол, неполномочен, ибо созван самочинно, а не соответствующим отделом ЦИК.

Высмеиваем эту жалкую попытку срыва съезда. Формально—натяжка, ибо были уже прецеденты. По существу—на съезде представлены почти все советы области, и съезд созван, чтоб обеспечить исполнение воли I Всероссийского съезда советов, постановившего созвать второй съезд не позже как через 3 месяца после первого. ЦИК явно саботирует это решение. Наш съезд заставит его релизовать.

Прений почти нет. Подкрепляющие взгласы—„Скорей к делу“. Всеми, при 3 воздержавшихся, принята резолюция большевиков по текущему моменту:

> „Советское правительство немедленно предложит перемирие на всех фронтах и честный демократический мир, немедленно и без выкупа передаст помещичьи земли в руки крестьян, реквизирует скрытые запасы и беспощадно обложит имущих. Временное правительство должно уйти. На стороне советов и право и сила. Время слов прошло, только решительным и единодушным выступлением всех советов может быть спасена страна и революция“.

С таким же единодушием одобрен и мой доклад о „военно-политическом положении“ (скорее—о фронте и мире). В нем говорил о пораженчестве буржуазии (сдача Риги, попытка прорыва немцев к Питеру—без бдительности Центробалта не был бы обороноспособен залив, странные приготовления

командования северным фронтом) и о политике коалиции в отношении армии („Декларация прав“, введение смертной казни, поход на организации солдат и матросов).

Следующий день особенно значителен. Ибо демонстрировал сближение с нами левых эсеров—показатель подъема деревенской бедноты, признание ею руководства со стороны пролетариата.

В докладе о земле—избегаю принципиальных вопросов, по соглашению с эсерами, подытоживаю результаты семимесячной работы правительственных коалиций. Для крестьян ничего не сделано. Временное правительство прекрасно понимало политический смысл устранения помещичьего землевладения и противодействовало крестьянам в их борьбе за всю землю. Лишь в середине июля проведен закон о приостановке купли-продажи земли. Закон о земельных комитетах запоздал, он куц, не пригоден. Зато проведено, по приказу Родзянок, повышение цен на хлеб. Крестьянские волнения усмиряются силой, арестами. Мы здесь обсуждаем не программные вопросы. Зовем крестьян к организации и указываем им путь борьбы за всю землю и волю. Предлагаю принять соответствующее „Обращение к крестьянам“.

Обращение принято почти единогласно. Кто-то от эсеров вдруг требует слово. Настораживаемся. „Неужели подведут?“ Вздыхаем облегченно—только-то! „Для нас чрезвычайно важно установить связь между крестьянством и пролетариатом... Мы против самочинных захватов земли отдельными лицами или группами... Фракция эсеров требует немедленного перехода всей земли в руки земельных комитетов и немедленного освобождения арестованных крестьян“.

Лашевич докладывает о Всероссийском съезде советов. Первый съезд постановил через три месяца созвать второй. ЦИК это постановление саботирует. Ныне, под нашим давлением, объявил о созыве съезда на 20 октября. Нет никаких гарантий, что вновь не „отложит“, чтоб вовсе сорвать. Наш

областной съезд должен созвать Всероссийский через голову ЦИК.

Это предложение принято. Съезд отправил „всем, всем“ радиотелеграмму. В ней—о намерении ЦИКа сорвать съезд советов и призыв: „Солдаты, матросы, крестьяне, рабочие, ваш долг опрокинуть все препятствия, обеспечив ваше представительство съезде 20 октября“.

Решено также организовать Северный областной комитет „для обеспечения созыва Всероссийского съезда советов и объединения деятельности всех советов области“.

Оглашаются приветствия от обуховцев и от латышского совета стрелков: „40 000 наших штыков—в распоряжении Питерского совета—за власть советам!“

Выбран областной комитет в составе: Дыбенко, Крыленко, Антонов (Овсеенко), Зоф, Дашкевич, Рябчинский, Королев, Раскольников, Игнатов, Сергеев, Стучка (остальные 6—левые и максималисты).

Крыленко закрывает съезд словами:

— Мы идем под знамением революционного социализма, мы ведем непрестанную борьбу со всякого рода буржуазной коалицией за революционную власть рабочих и крестьян. И не пощадим жизни для торжества революции!

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Бодрым, боевым темпом провели мы Северный съезд советов. Обстановка накалялась. Чувствовалась близость развязки. В меру своей политической близорукости сами оборонцы помогали нам.

Правительство создавало панику вокруг предполагаемого наступления немцев к Петрограду. Вновь поставлен был вопрос о перенесении столицы в Москву и вновь был снят ввиду бури протестов, поднявшейся в рабочих кварталах. Но приступили практически к эвакуации некоторых промышленных заведений из Питера; а военное командование снова подняло вопрос о выводе на фронт частей питерского гарнизона. Правительству, запятнавшему себя темными (все более выявлявшимися) махинациями с корниловцами, не могло быть доверия в революционных массах. А корниловцы характерно проговаривались...

> „Сдача Петрограда немцам имела бы положительные стороны: немцы, как и в Риге, восстановили б в Петрограде порядок“ (Родзянко—в „Утре России“).

Меньшевики же снова попытались ухватиться за эти ожившие оборонческие настроения. Они выдвинули 9 октября в исполкоме совета идею организации советского содействия штабу Петроградского военного округа. Предложенная ими

резолюция была принята исполкомом (тридцатью против 12) и сводилась к следующему: 1) при командующем войсками округа создается особый орган из представителей совета и Центрофлота; вывод той или иной воинской части из Питера может быть произведена лишь „с ведома“ этого органа; 2) должны быть приняты меры к чистке командного состава; 3) должен быть создан „комитет революционной обороны, который выяснил бы вопрос о защите Петрограда и подступов к нему и выработал бы план обороны Петрограда, рассчитанный на активное содействие рабочего класса“.

Вечером того же дня вопрос перешел на пленум совета. На пленуме мы переменили тактику: подхватив меньшевистское предложение, мы повернули его против его авторов. Пленум, отвергнув половинчатую резолюцию меньшевиков, принял нашу—о необходимости советской власти, которая немедленно предложит мир; до той поры—взять оборону столицы и всей страны в руки советов и немедленно вооружить рабочих; исполкому, солдатской секции и представителям гарнизона—организовать революционный комитет обороны, который сосредоточил бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему.

В стороне от исполкома был тем временем, под руководством ЦК, разработан нами конкретный план организации Военно-революционного комитета. Этот план и был утвержден 12 октября исполкомом:

„Военно-революционный комитет организуется Петербургским исполнительным комитетом и является его органом. В состав его входят: президиум пленума и солдатской секции совета, представители Центрофлота, Финляндского областного комитета, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, представители партийных военных организаций, Союза социалистической народной армии, военного отдела ЦИК и рабочей милиции, а также лица, присутствие которых будет признано необходимым. Ближайшими задачами Военно-революционного комитета являются: определение боевой силы и вспомогательных средств, необхо-

димых для обороны столицы и не подлежащих выводу; затем— учет и регистрация личного состава гарнизона Петрограда и его окрестностей, а равно и учет предметов снаряжения и продовольствия; разработка плана работ по обороне города, меры по охране его от погромов и дезертирства; поддержание в рабочих массах и солдатах революционной дисциплины.

При Военно-революционном комитете образуется гарнизонное совещание, куда входят представители частей всех родов оружия. Гарнизонное совещание будет органом, содействующим Военно-революционному комитету в проведении его мероприятий, информирующим его о положении дел на местах и поддерживающим тесную связь между комитетом и частями".

Меньшевики, в конце концов, уразумели, куда клонится дело... Военно-революционный комитет,—заявили они,—это переход военной власти в руки исполкома, это орудие государственного переворота. Меньшевики голосовали против и занесли свой протест в протокол.

13 октября. Солдатская секция совета. Выступают один за другим окопники с воплем о скорейшем мире. Яркую речь от Балтфлота произносит Павел Дыбенко.

Бурной овацией встречают представители питерского гарнизона представителя ЦК героического флота.

И каждая фраза его грубоватой крепкой речи подчеркнута аплодисментами солдат.

— Перед началом последних операций командующий Балтийским флотом запросил наш второй съезд, будут ли исполнены боевые приказы. Мы ответили: будут—при контроле с нашей стороны. Но никаких приказаний Временного правительства мы исполнять не будем. И если мы увидим, что флоту грозит гибель, то командующий первым будет повешен на мачте. Контроля мы добились... В бою с нашей стороны участвовало только 15 миноносцев, тогда как у немцев было 60 миноносцев, 8 дредноутов, 15 броненосцев, крейсера, тральщики, транспорты. Мы сражаемся потому, что защищаем революцию и ее конечные цели... Вам здесь говорят о необходимости вывести питерский гарнизон, в частности для за-

щиты Ревеля. Не верьте! Мы можем защитить Ревель сами, охраняйте революцию... Ее цели будут достигнуты, если уцелеет революционный Петроград...

Это выступление сильно подняло настроение секции. Положение о Военно-революционном комитете было утверждено всеми против одного, при 23 воздержавшихся.

В тот же день—еще шаг в организации наших сил: Питерский совет создал при исполкоме отдел рабочей гвардии, наименовав его нарочито скромно: „Бюро центральной комендатуры".

Вооружение и военное обучение рабочих двинуто мощным ходом.

16-го вопрос о ВРК был поставлен на пленуме совета.

Яростно распинаются меньшевики (Богданов и еще кто-то):

— Ведь это штаб для захвата власти!.. Пусть большевики честно и прямо скажут, готовят ли они выступление... Массы не сочувствуют выступлению. Даже Центрофлот вынес резолюцию против него!!!

— На какой предмет вы все это спрашиваете? Для сведения охранки, что ли?—резко обрывает их председатель совета.— Цели ВРК ясно изложены в положении о нем. В Военно-революционном комитете могут участвовать все советские партии. Заговора нет...

И против примерно 50 мемекающих положение о ВРК одобрено.

ЛЕНИН ПОБЕЖДАЕТ

В тот же день, 16 октября, происходит—другое, на этот раз первейшей важности, собрание—ЦК с руководящим активом Питера. Отвлеченный иными делами, узнаю о нем в передаче кого-то из питерцев.

Был Ленин. Резко, внятно поставил вопрос о восстании.

В густо набитом помещении Яков Михайлович Свердлов гудел о гигантском росте партии и ее влиянии в советах, в армии, во флоте и о лихорадочной подготовке ее революционных сил.

Следом—высокий и тонкий, с лицом схимника, т. Бокий бесстрастно докладывал о положении и боевой подготовке районов. Он излагал факты, выявившиеся на состоявшемся накануне собрании петроградского комитета. Из его сообщения выходило, что в районах еще нет серьезной военной подготовки.

Мнения работников „военки" также разошлись, многие сомневаются в возможности вызвать гарнизон на немедленное выступление.

От окружной организации выступал т. Степанов, более бодро: в Колпине несомненный перелом настроения,—вооружаются, готовятся к выступлению, то же в Сестрорецке. Повсюду в частях, однако, настроение еще несколько подавленное, но за большевиков.

Володарский, выступивший от Питерского совета, мямлил, что за советами все пойдут, но тут же отмечал, что „на улицу никто не рвется“.

Шляпников говорил о „панике“, охватившей союз металлистов при слухах о готовящемся выступлении.

Порывисто бодрый, огневой взвивается т. Скрыпник (от фабрично-заводских комитетов): „Руководители отстают от масс, а в массах из-за революционного нетерпения растет влияние анархо-синдикалистов, особенно в Нарвском и Московском районах“.

Уныло контральтировал Зиновьев и ему вторил Каменев, возмущая медлительно-пылкого финна Рахия. Отчетливо чеканил Сталин, несколькими словами уничтожив жалкую аргументацию скептически настроенных товарищей.

И Ленин победил. Его резолюция принята 19 против 2, при 4 воздержавшихся. ЦК решил, кроме того, для руководства всей боевой работой создать военно-революционный центр в составе товарищей: Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского, с тем, чтоб он формально вошел в состав Военно-революционного комитета.

Принятая резолюция гласила:

> „Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы выступления“.

В пору этих ломанных настроений у некоторых руководящих работников массы жили лихорадочным нетерпением. Бурлили делегации с фронта, бурлили собрания по заводам, полкам.

16-го Съезд советов в Иваново-Вознесенске решает: необходимо взять курс на восстание, избирает ВРК, принимает обращение к крестьянам: земля в распоряжение земельных

комитетов! Съезд советов Северо-Западной области в Минске присоединяется к решениям Северного съезда советов.

Учитывая накалившуюся в Питере обстановку, главком округа Полковников отдает приказ: „не поддаваться призывам к выступлению“, публикует объявление, что „самыми крайними мерами“ будут подавлены все попытки к выступлению.

ВОЖДЬ

В какой день? Должно быть—17 октября...

— Идемте, Ильич вас хочет видеть. Не задерживайтесь...

Наспех отпустив несколько посетителей, дав необходимые указания заместителю по секретарству в Военно-революционном комитете, выхожу следом за Подвойским и Невским.

Отчаливаем в открытом авто. „Сначала—к Григорию“,—говорит Подвойский... Входим в большой дом, ярко освещенный, полный шума, суетливых людских передвижений и разговоров. В обычной комнатушке, поднялся к нам навстречу Зиновьев (грим под приказчика мало изменял его внешность). Расспрашивает.

Отвечаю скупо, замкнуто,—недоверчиво настраивает его оппозиционность решениям ЦК.

— Если вы сможете доказать, что, взяв власть, продержимся хотя бы две недели,—насмешливо тянет Зиновьев,—то я буду за восстание.

И высказывает несколько тусклых соображений о незрелости революционной ситуации на Западе, о слабости наших боевых сил, о крупных боевых достоинствах противника, о гигантских трудностях положения.

— Спорить бесцельно,—говорю я.—Выхода нет. Мы—уже в бою. Надо победить или умереть!

Узнав адрес, тронулись спешно.

...В белесых сумерках осеннего вечера автомобиль долго крутит разными закоулками, наконец останавливается на одной из уличек Выборгской стороны... Прошли еще несколько переулков, внимательно оглядываясь. Наконец, убедившись в отсутствии слежки, проскользнули в ворота одного из неказистых домов.

На условный стук открывают. Приземистый пожилой рабочий крепко ощупывает нас взглядом...

— Так... Так... Знаю... Входите, Ильич сейчас будет...

Ждали недолго.

Ну, кто б его знал, нашего любимого, до малейших, кажется, морщинок знакомого товарища-вождя! Перед нами седенький, с очками, довольно бодренький старичок, добродушного вида: не то учитель, не то музыкант, а может быть, букинист.

Ильич снял парик, очки и искрящимся обычным юмором взглядом сразу окинул нас.

— Ну, что нового?

Новости наши не согласовались. В вопросе о нашей готовности к выступлению В. И. Невский и Н. И. Подвойский были настроены довольно скептически. Я же указывал, что в Питере мы гораздо сильнее, чем это им кажется. Северный съезд показал, что окрестные гарнизоны так же с нами. Рассказываю о положении в Финляндии. Моряки с крупных судов настроены весьма революционно, часть пехоты тоже, но команды некоторых миноносцев и подводок мало надежны, свеаборгские артиллеристы все еще в плену у соглашателей. Казаки-кубанцы внушают опасения, но выборгский гарнизон берется не выпускать их из Финляндии.

Ильич перебивает:

— Нельзя ли направить весь флот к Питеру?

— Нет. Прежде всего—фарватер не допустит, потом крупные суда побаиваются подводок и миноносцев. Наконец, оголять фронт матросы не захотят.

— Но должно же они понимать, что революция в большей опасности в Питере, чем на Балтике!

— Не очень понимают.

— Что же можно сделать?

— Можно дать два-три миноносца в Неву, прислать сборный отряд матросов и выборжцев. Всего тысячи три.

— Мало,—недовольно и укоризненно говорит Ильич.—Ну, а северный фронт?

— По докладу его представителей, там прекрасное настроение, и можно ждать оттуда большой помощи против частей, двинутых с других фронтов. Но чтоб знать точно, надо бы туда съездить.

— Съездите. Нельзя медлить.

Эта деловая четкость Ильича бодрит, рассеивает сомнения моих спутников, крепит мою энергию. Да, надо дать „полный ход"!

...Осторожно выходим на улицу. У самых ворот высокая фигура прилаживается на велосипед.

„Неужели шпик?" Только сегодня в газетах было заявление Временного правительства, что напали на след Ленина и что арест „большевистских вождей" неминуем.

Тов. Невский возвращается обратно в дом предупредить. Прохожу, сжимая револьвер, за угол. Подвойский—на другом углу.

Велосипедист тронулся. Через пару минут Ильич, вновь неузнаваемый, переправляется в другое логово.

Мы успокоенно шагаем к автомобилю.

«ВСЕМИ СИЛАМИ ПОДДЕРЖАТЬ БОРЬБУ ЗА ВЛАСТЬ»

„Не очень понимают"... Это было несправедливо.

При первых словах рассказа Дыбенко разгорелся:

— Мы б как один ушли с судов, если бы знали, что Питер не справится... Но нет такого ощущения. Не верится в силу керенщины... Раздавим! Неужто 500 000 рабочих, 150 тысяч гарнизона да еще кронштадтцы не справятся? Фронт? Мало мы их слышали, фронтовых! Кто пойдет против Питера? После Корнилова!!. Для верности? Как дошло б до „последнего, решающего"?.. Потопим флот, загородим немцу дорогу— все придем!

Сговорились с Павлом, что по условной телеграмме высылает в Питер крейсер, четыре миноносца с боевыми взводами и „десант" в пять тысяч моряков и солдат.

Тем же вечером отправляюсь к Свердлову, чтоб доложить об указаниях Ильича.

— В Вендене (Валке?) как раз наша конференция. Линия ЦК вам известна. Держитесь на ней. Задачи чисто практические. Чем больше сил дадут в Питер, тем лучше...

...Смутны воспоминания. Серость пейзажа ровных пространств Лифляндии под холодящим дыханьем осенних ветров... Где-то на вокзале жидкий чай с хлебом, замешанным не на соломе ли? Зябко и голодно. Хмурые, неуютные поселки... Растрепанный, просолдатченный городок.

...Партийная конференция в разгаре, когда добрался до нее. Общее впечатление—молодого оживления и зрелой решимости. Слово получаю вне очереди. Сжатый доклад и вывод—идем к восстанию за власть советам. На северном фронте—громадная ответственность. Революционный Питер ждет поддержки северного фронта.

Коротки высказывания. Бодрая боевая резолюция.

...В перерыве—деловая беседа с руководящим ядром. Добиваются уточнений. Молча, с большим вниманием, слушают об указаниях Ильича.

Деловито перебирают часть за частью. Что можно сделать? Общий вывод:

— Мы здесь чуем себя на охране Питера. Немцев числим пособниками контрреволюции, главной ее силой. Латышские полки можно бы легко двинуть в помощь питерским рабочим. Но они спаялись в боях с сибирскими корпусами. Уйдут латыши—уйдут—не удержишь!—следом сибиряки. Фронт будет оголен... Нужна осторожность.

Под сильным напором обещают однако подготовить („чрез неделю“) пару латышских полков для Питера...

— ...Надо устранить начальника второй латышской бригады. Есть боевой близкий нам командир—Вацетис, его и поставим. Понемногу выведем 1-й и 3-й полки на Венден, 6-й и 7-й на Валк. Ближе к цели будет...

Уточняем даты этих передвижений. Отъезжаю довольный. Исполнение начато немедля.

20 октября „малый ответ“ латышских стрелков постановляет: необходимо „сокрушить оружием буржуазную контрреволюцию для передачи власти советам“; должен быть немедленно созывая Съезд советов и государственная власть перейти к нему; латышские стрелки готовы всеми силами поддержать борьбу съезда за власть.

УДАР В СПИНУ

Пока оформлялся Военно-революционный комитет, мы, сначала в Северном областном комитете, затем в организационном бюро ВРК, ведем боевую подготовительную работу в живом контакте с „военкой"... Отчетливо запоминается и закрепляется, в общности работы, военной выправки крепкая фигура Николая Ильича Подвойского и его друга Владимира Ивановича Невского. Сосредоточиваем усилия на Пскове, Луге, где советы еще в руках оборонцев, где громадные гарнизоны; послан кто-то в Старую Руссу, где много кавалерии. Надо обеспечить, по меньшей мере, благожелательный „нейтралитет" этих войск—заслон с их стороны от сил, которые двинет контрреволюция с фронта. Постоянный контакт с военным отделом финляндского областного комитета... Ведь есть сведения, что Керенский пытается подтянуть к Питеру вновь части 3-го корпуса, что 4 ударных батальона на дороге в Питер, что 5-я кавалерийская дивизия, расположенная у Выборга, получила тайное предписание быть готовой выступить в Питер.

Мы работаем в деловом контакте с рядом эсеров-максималистов (особенно Кудинским из Литовского полка). Ведется учет боевых сил противника и, прежде всего, юнкерских училищ. Подготовляются меры к их нейтрализации через обслуживающие команды (солдаты-крестьяне этих команд классово настороженны против юнкеров-барчуков).

Мы в контакте с ревкомами (советами обороны) в отдельных районах, подталкиваем организацию в них Красной рабочей гвардии, ее вооружение, ее обучение.

Самый приступ к этой работе сближает нас с таким горячим дыханием массового нетерпения, что наша работа окрылена, что не замечаются часы ее, ее обстановка. Обнаруживается гигантский порыв районов, неотвратимый, неумолимый, уверенно-грозный.

В глазах зарябило от негодования, когда мы читали в розовенькой газетке „Новая жизнь" письмо Каменева и Зиновьева „о выступлении". Письмо против неопубликованного решения ЦК в момент подготовки решающего действия!

Мы были целиком с Владимиром Ильичом в его оценке этого обращения к нашим врагам, а также в его оргвыводах, предложенных ЦК 20 октября.

Дезорганизаторский акт Каменева и Зиновьева заставил председателя Питерского совета выступить 18 октября на его пленуме с заявлением, что ни большевики, ни Петроградский совет восстания и выступления не назначали, „но если Петроградский совет найдет необходимым назначить выступление, то он это сделает", и еще: „При первой попытке контрреволюции сорвать Съезд советов мы ответим контрнаступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца".

И предупрежденный враг стал лихорадочно готовиться.

ЦИК, собирая контрреволюционные силенки, откладывает Съезд советов на 25 октября. Одновременно доводит до сведения заводских комитетов, что никакие выдачи оружия и огнестрельных припасов не допускаются без разрешения „Временного военного комитета" при ЦИКе. Выпускает воззвание к рабочим и солдатам—не поддаваться призывам к выступлениям. Созывает затем собрание полковых комитетов, пытаясь протащить осуждение подготовки восстания. Плотный осанкой, с таким же „уплотненным", насыщенным спокойной уверенностью голосом, председатель президиума солдатской

секции Лашевич и мягко усмешливый, деловитый Механошин искусно срывают меньшевистскую затею. Как ни петушится растрепанный Богданов, но собрание принимает наше предложение—признает свое неправомочие решать политические вопросы за весь гарнизон.

В то же время меньшевики вносят в Совет республики проект закона о борьбе с анархией.

Штаб Петроградского военного округа издает обязательное постановление о праве приобретения оружия.

Полковников разоряется по Питерскому округу:

> „1) Каждой воинской части приказываю оказывать всемерное содействие органам городского самоуправления, комиссарам и милиции в охране государственных и общественных учреждений; 2) совместно с районным комендантом и представителем городской милиции организовать патрули и принять меры к задержанию преступных элементов; 3) всех лиц, являющихся в казармы и призывающих к вооруженному выступлению и погромам, арестовывать и отправлять в распоряжение коменданта города; 4) уличных манифестаций, митингов и процессий не допускать; 5) вооруженное выступление и погром немедленно пресекать всеми имеющимися в распоряжении вооруженными силами; 6) оказывать содействие комиссарам в недопущении самочинных обысков и арестов“.

МОТОР РЕВОЛЮЦИИ

Здание бывшего института благородных девиц беспрерывно гудит, как приглушенный, но могучий мотор. У подъезда под чехлами чутко дремлет трехдюймовка. Комендант—матрос Мальков выбивается из сил, чтобы наладить караул... И идет, идет в Смольный и из Смольного через размякшее осеннее поле почти непрерывная людская волна. Идет простота: солдаты, рабочие,—барских пальто не видно, лаком не блестит.

Внутри деловая суета. Как она не похожа на то „оживление", что царило тут в совсем недавние дни меньшевистского засилья! Тогда все было аккуратненько, чистенько—студентики, курсисточки, на дверях бумажонки, номерочки. Этакий вылощенный порядочек.

Теперь в Смольный ворвалась улица. Всюду следы толп... Вот тут караулка, рядом штаб Красной гвардии... Накурено, наслежено. Ящики с винтовками, патронами, с провизией. В углу за простым столом—штаб с выдержанным Юреневым. В комнате за № 18—постоянная толкучка; это—комната фракции большевиков с неизменным и неутомимым Лашевичем. Во втором этаже—помещения исполкома Петроградского совета и ряда разных советских объединений—создание петроградского областного и северного советских съездов. Боевые, ощеренные комитеты. И унылый ряд пустующих, запертых комнат с аккуратными надписями: „Междугородный

отдел ЦИК", „Финансовый отдел ЦИК", „Председатель ЦИК"... Редко-редко проскрипит здесь какой-либо заблудший меньшевик. Все они сбежали из Смольного в Мариинку, где заседает так называемый „Совет республики", печальный соглашательный ублюдок, порожденный пресловутым Демократическим совещанием...

Вот большой зал, где почти каждый день бурлят собрания то Петроградского совета, то профессиональных союзов, то какого-либо съезда. А в третьем этаже—Военно-революционный комитет, штаб революции, и военный отдел Петроградского совета.

Смольный настороженен. Постоянно трещат телефоны. Мчатся ординарцы. Работает во-всю связь от воинских частей. Почти ежедневно—гарнизонные совещания, собрания фронтовых делегатов.

В Смольном скрещиваются тысячи воль, надежд, призывов со всех концов страны. Смольный по края насыщен великой энергией, бодрой, грозной жизненностью.

Сегодня (20 октября)—первый пленум Военно-революционного комитета.

Пестрый состав! Наряду с боевыми товарищами по военке, Питерскому совету—неизбежный Богданов от „военного отдела" ЦИК, какие-то молодые офицерики от союза социалистической народной армии, несколько железнодорожных и почтово-телеграфных фуражек, еще кто-то и что-то мемекающий, да несколько около ходящих эсеров.

Хорошее формальное прикрытие для боевой работы партии! Кто-то от нас деловито председательствует.

Ведь ВРК—не какой-нибудь „заговорщицкий центр", это—подсобный орган исполкома Петроградского совета! Его работа протекает с возможно широкой гласностью.

На следующий день скромный бюллетень сообщает о результатах его первого пленарного заседания:

> „В связи с тревожным политическим моментом и для принятия в этом отношении надлежащих мер по охране Петро-

града от контрреволюционных выступлений и погромов, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов решил мобилизовать все свои силы.

Утвержденный общим собранием совета Военно-революционный комитет с 20 сего октября сформировался и приступил к самой интенсивной деятельности, сохраняя контакт со штабом Петроградского военного округа.

В состав Военно-революционного комитета, кроме членов Совета и представителей гарнизона, вошли представители: от центрального комитета Балтийского флота, финляндского областного комитета, местного самоуправления, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, совета крестьянских депутатов, партийных военных организаций и проч.

Установлено непрерывное дежурство членов ВРК и самая тесная связь с районными Советами и войсковыми частями гарнизонов Петрограда и окрестностей.

При Военно-революционном комитете находятся по одному представителю от каждого полкового комитета для службы связи.

Ежедневно утром в стол донесений представляются доклады представителей районных и войсковых комитетов о настроении и положении дел на местах.

20 октября происходило первое заседание Военно-революционного комитета. Организационным бюро представлен доклад о ряде основных задач, подлежащих разрешению собрания, и установлении службы связи с местными и пригородными частями".

[В стороне от пленума—кипучая работа „бюро" ВРК. (21-го оформлено в составе: председателя Лазимира, секретаря Антонова, членов: Подвойского, Садовского и Сухарькова; бюро—в тесном контакте с ЦК партии, под его прямым руководством,—фактически орган ЦК.)]

На 22 октября Питерский совет депутатов назначил „День совета"—митингов с подведением итогов восьми месяцев революции. Контрреволюция в ответ назначает через Совет казачьих войск в тот же день „крестный ход казаков", „для моления о спасении родины". Контрреволюция пытается спровоцировать столкновения, вдохнуть дух погрома в последний свой, и то уже почти потерянный, резерв. Ибо в казачьих

частях нет былого контрреволюционного рвения, нет намерений итти против революционного Питера.

Питерский совет принимает горячее воззвание к казакам:

„Вас, казаки, хотят восстановить против нас, рабочих и солдат. Эту каинову работу совершают наши общие враги: насильники-дворяне, банкиры, помещики, старые чиновники, бывшие слуги царские. Они всегда были сильны и властны разделением народа. Натравливали солдата на рабочих и крестьян. Казаков напускали на солдат. Какими средствами достигали они этого? Ложью, клеветой. Казак, солдат, матрос, рабочий, крестьянин—родные братья. Все они труженики, все бедны, все тянут лямку, все придавлены и ограблены войной“...

В конце воззвания совет приглашает казаков на мирные митинги рабочих и солдат в день 22 октября.

„На 22 октября совет назначил мирные митинги, собрания, концерты, где рабочие и солдаты, матросы и крестьяне будут слушать и обсуждать речи о войне и мире, о народной доле. На эти мирные, братские митинги мы приглашаем и вас. Добро пожаловать, братья казаки!“

Казаки братски откликнулись. Представители от трех казачьих полков, расположенных в Питере, явились на созванное нами гарнизонное собрание. Потрясающе патетичен был момент, когда эти лихие станичники заявляли, что казаки не пойдут против рабочих и солдат, что будут заодно с советом депутатов.

Крестный ход был отменен.

Все же „бюро“ ВРК обсудило ряд мер для предупреждения возможных столкновений из-за намеченного крестного хода. Назначены дежурные части, посланы агитаторы.

В тот же день (20 октября) решено направить во все части гарнизона, ряд учреждений, склады, военные заводы „для наблюдения и организации надлежащих мер охраны“ комиссаров ВРК. Десятки боевых товарищей двинуты в полковые, флотские комитеты, в Петропавловку, арсенал, Сестрорецкий оружейный завод, почту, телеграф, телефонную, электрическую станции...

В обращении к населению Петрограда ВРК пояснял:

„В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции, нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждении их уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, как представители совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие совету рабочих и солдатских депутатов. Советом приняты все меры к охранению революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений. Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам. В случае возникновения беспорядков им надлежит обращаться к комиссарам Военно-революционного комитета, в близлежащую воинскую часть“.

В подкрепление совет депутатов разослал тотчас же телефонограмму по всем частям питерского гарнизона: необходимо доводить до сведения ВРК о всех распоряжениях штаба округа и исполнять эти распоряжения только по одобрении их ВРК.

ПЕРВЫЙ БОЙ — ПЕРВАЯ ПОБЕДА...

— Товарищ! Тут особое дело. Извиняюсь! Может, запоздало кое-что... Да, только теперь удалось выяснить...

Да, дело „особое"... В военном округе лихорадка. Охрана Зимнего дворца усиливается. 10 октября вызвана первая Ораниенбаумская школа прапорщиков (300 штыков). 16 октября— из Петергофа вторая Ораниенбаумская школа (350 штыков). С 8 часов вечера 16 октября командиру самокатного батальона приказано установить посты на Миллионной улице, Полицейском мосту (на Невском, чрез Мойку) и у Александровского сада—против Гороховой и Вознесенского проспекта, „чтоб предупредить штаб о движении к Зимнему демонстраций". В тот же день отряд в Зимнем увеличен шестью орудиями Михайловского артиллерийского училища.

17 октября главное техническое управление распоряжается передать командованию округа 16 броневиков с Ижорского завода, броневик „Гарфорд" с Путиловского завода и с Путиловского же в Михайловский манеж трактор-броневик. Тогда же дан наряд на бронемашины в экспедицию заготовления государственных бумаг, госбанк, почтамт, к центральной железнодорожной станции, к телеграфной станции, на Николаевский вокзал. Усилены патрули у Крестов и второй городской железнодорожной станции. 18-го сводный отряд в

Зимнем дополнен еще пятью бронемашинами. К 19-му октября в сводном отряде Зимнего: первая и вторая Ораниенбаумские школы прапорщиков, пулеметная команда второй школы—6 пулеметов, 6 орудий Михайловского артиллерийского училища и 7 бронемашин.

Округ спешно создает добровольческие отряды: студенческий мотоциклетный Драскина (дано 20 револьверов), отряд самоохраны банка (100 револьверов и винтовок). Городская милиция получила наряд на 5000 вагонов.

Эти сведения частично не новы. Наши комиссары, наши завкомы не дремлют. Тотчас по получении нарядов мы извещены. Бронемашины задержаны, с нашего одобрения, завкомами Путиловского и Ижорского заводов.

Одновременно приостановлен ряд отпусков оружия Сестрорецким заводом. Наряд на 10 000 винтовок и несколько орудий для Каледина в Новочеркасск—аннулирован. Напротив, член ревкома Андреев получил для Красной гвардии 400 винтовок. Скромно? Лиха беда—начало!

Но как это случилось, что наш ревком в Петергофе прозевал отбытие в Зимний школ прапорщиков? Посылаем проверить, подтянуть.

Только что отбыли наши наблюдатели,—новое важное сообщение.

— Тут такое дело! Получили приказ—выйти в пробное плавание. Исполнять ли?

Курков, хороший приятель по Крестам, руководитель судового комитета „Авроры", тотчас же получает ответ ВРК:

— Ни в коем случае! Вас отсылают, чтоб ослабить наши силы, чтоб легче справиться с советом. Не исполняйте приказа! Вот вам письменное указание.

— Для формы надо бы, чтобы запрет дал Центробалт...

— Даст! И кстати—есть у вас радио? Есть! Так вот, надо бы послать радиотелеграмму от Питерского совета „всем, всем", что правительство готовит разгром Питерского совета

и, под предлогом нашего выступления, снимает с фронта войска на Питер. Питерский совет братски просит не исполнять этих преступных приказов правительства. Вот текст.

— Есть! Будет немедленно выполнено!

...Разгоряченный, несмотря на осеннюю стужу, прибегает вдруг комиссар Финляндского полка. Только что им задержан „весьма спешный" секретный приказ командующего округом по второй гвардейской запасной бригаде. Читаем:

„...В случае выступления анархических элементов населения столицы, на войска петроградского гарнизона возлагается задача: во-первых, в корне пресечь всякую попытку мятежа, во-вторых, не допустить занятия правительственных и общественных учреждений и, в-третьих, не допустить погрома и грабежей.

Ввиду того, что главнейшими объектами захвата являются: Зимний дворец, Смольный институт, Мариинский дворец, Таврический дворец, штаб округа; государственный банк, экспедиция заготовления государственных бумаг, почто-телеграф и центральная телефонная станция,—все усилия должны быть направлены на сохранение этих учреждений в наших руках. Для этого необходимо: заняв линию реки Невы, с одной стороны, и линию Обводного канала и Фонтанки—с другой, преградить мятежникам всякий доступ в центральную часть города, а кроме того, принять меры к недопущению разгрома спиртохранилищ, винных складов и пр.

Для выполнения вышеизложенной задачи весь город разделяю на районы и поручаю их охране и ведению полков в лице их командиров и полковых комитетов.

В своем районе каждый командир полка обязан: а) выставить заставы на мостах через Неву (Фонтанку и Обводный канал), чтобы никоим образом не пропустить вооруженной толпы мятежников в центральную часть города, б) решительно разгонять, не стесняясь применением оружия, всякие попытки отдельных групп к образованию толпы, в) при прибытии заставы на мост немедленно выставить у телефона в будке моста часового и сообщать обо всем в штаб округа (по таким-то телефонам), г) усилить караулы или выставить новые у важных правительственных и общественных учреждений, д) организовать наблюдение за своим районом, не допускать никаких погромов и иметь в своем резерве всегда учебную команду и

роту в 250 человек при пяти офицерах с четырьмя пулеметами, коих без разрешения штаба округа никуда не высылать. (Следует расписание застав от полков.)

По городу будет производиться патрулирование солдат 9-го запасного кавалерийского полка и казаков, согласно особому расписанию.

Все указанные выше распоряжения только тогда будут иметь результаты, если полковые комитеты своим авторитетом будут содействовать проведению их в жизнь, почему на комитеты возлагается обязанность проверять и поддерживать исполнение настоящего приказания.

Все распоряжения, идущие от штаба округа, делаются по приказу Временного правительства. Солдатам из казарм до особого на то распоряжения не выходить.

При выходе в наряд иметь патронов на пехотную винтовку 120, ручных бомб—по четыре на гренадера, пулеметов—четыре на роту и т. д.“

Эге-ге! Как мы отстаем!

Тотчас же решено направить в основные отделы штаба, „для совместной работы и контроля“, восемь комиссаров, непосредственно же к командующему округом—т. Механошина.

Созываем экстренное общегарнизонное собрание. Единогласно (и семеновцы, и 9-й кавполк, все еще колеблющийся, и казаки) голосуют за поддержку Всероссийского съезда советов, который, взяв власть, должен дать народу мир, землю и хлеб; голосуют приветствие „Дню Петроградского совета“, назначенному на 22-е, и обещают поддержку Военно-революционному комитету во всех его шагах. Единогласно одобряется также посылка комиссаров в штаб округа.

Весь гарнизон объединяется вокруг ВРК. Это первая победа начавшегося восстания.

Но вечером т. Механошин (как всегда, с легкой усмешкой на чуть отмеченном белесыми усами лице) докладывает бюро о том, что наши комиссары отвергнуты штабом, который признает лишь комиссаров ЦИК, утвержденных Временным правительством.

В ночь на 22-е продолжаются переговоры со штабом. Подкрепленные волей всего гарнизона, наши делегаты напористы. Но и штаб не сдает. Не только не допускает контроля ВРК в управлении военного округа, но ведет отчаянную борьбу против наших комиссаров в частях.

Всюду идут—в полках, командах, флотских экипажах—общие собрания. Везде выносится недоверие комиссарам, посланным от ЦИК, и привет нашим.

Штаб отказывается признать эти замены, требует утверждения Временным правительством.

На резкий отпор штаба, на угрозы арестом наших комиссаров наша делегация заявляет командующему округом:

— От имени всего гарнизона Петрограда объявляем, что считаем штаб округа порвавшим с советами депутатов и с организованным гарнизоном.

22 октября ВРК объявляет:

„Гарнизону города Петрограда и его окрестностей.

На собрании 21 октября революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг Военно-революционного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, как своего руководящего органа.

Несмотря на это, штаб Петроградского военного округа в ночь на 22 октября не признал Военно-революционного комитета, отказавшись вести работу совместно с представителями солдатской секции совета.

Этим самым штаб порывает с революционным гарнизоном и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов.

Порвав с организованным гарнизоном столицы, штаб становится прямым орудием контрреволюционных сил.

Военно-революционный комитет снимает с себя всякую ответственность за действия штаба Петроградского военного округа.

Солдаты Петрограда!

1) Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-революционного комитета.

2) Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны.

3) Все распоряжения на сегодняшний день—„День Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов“—остаются в полной своей силе.

4) Всякому солдату гарнизона вменяется в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина.

Революция в опасности! Да здравствует революционный гарнизон!“

ВТОРАЯ ПОБЕДА ВОССТАНИЯ

22 октября. „День Петроградского совета“. На всех заводах, во всех воинских частях, в цирке „Модерн“, в Народном доме—митинги.

Контрреволюционные силы—в подпольи.

Силы революции—на улицах, на собраниях.

Мне выступать на заводах Васильевского острова, Балтийском, Трубочном.

Празднично. Торжественно. Подъемно. От этих рядов, тесно сомкнутых, от горящих глаз веет такой силой, такой уверенностью, таким единодушием.

Это—предгрозовье! С этим пролетариатом нельзя не итти в бой и нельзя не победить!

А конфликт со штабом округа разрастается.

Штаб пытается, используя авторитет ЦИКа, перехватить гарнизон из-под влияния ВРК.

Одновременно с созванным нами гарнизонным собранием штаб созывает свое заседание гарнизонных и бригадного комитетов.

На него приглашает по два представителя от ЦИКа, Петроградского совета и крестьянского ЦИК.

Мало того!

В разгар нашего собрания—вдруг телефонограмма: главнокомандующий просит гарнизонное собрание в Смольном

прислать делегатов на особое совещание у него с представителям ЦИКа.

Что еще за выверт?! Решаем, однако, делегацию послать. Выбрали ребят покрепче, с бородасто-солидным подпоручиком Дашкевичем и Механошиным во главе. Наказ—позиции Военно-революционного комитета не сдавать.

Делегация вскоре вернулась. Дашкевич флегматично докладывает:

— Богданов и Гоц от ЦИКа, Малевский—невзрачная никчемность, толстый Багратуни и взволнованный Полковников хором насели, доказывая неправомочность ВРК: штаб округа никак, мол, не может подлежать контролю Питерского совета. Мы выслушали, и от имени делегации я заявил: „Гарнизонное собрание уполномочило нас довести до сведения штаба округа, что отныне все приказы, исходящие от штаба, должны быть контрассигнованы Военно-революционным комитетом при Петроградском совете, иначе они выполняться не будут. Это все, что нам поручено сообщить. Говорить больше мы не уполномочены“.— „А как же с караульной службой?!“—растерянно спросил начальник штаба.— „Весь постоянный наряд будет исполняться по приказанию штаба округа“,—был ответ. На том разговор со штабом кончен.

Гарнизонное собрание покрыло бурными аплодисментами это сообщение. И разошлось, обязавшись держать наготове части, держать связь с ВРК.

Полковников попытался отыграться на собрании полковых и бригадного комитетов. Но услышал здесь невеселые вести от солдат. Один за другим представители полковых комитетов докладывали, что их части целиком на стороне Петроградского совета. Главнокомандующий пытался внушить, что конфликт штаба с советом несерьезен. Все дело-де в неутверждении Временным правительством комиссара при штабе округа, присланного ВРК. Ведь ЦИК уже имеет своего комиссара.

Однако не удалось Полковникову обойти солдатское собрание. Чтоб не прошло худшее, с трудом протащили резолюцию—„ждать разрешения конфликта между ЦИКом и Петроградским советом“.

ЦИК прикрыл своей мягкотелой спиной штаб округа.

Но правительство осталось недовольно дипломатией Полковникова. Коновалов, узнав о телефонограмме совета по гарнизону, бросился к Керенскому:

— Это бунт! Это нарушение нашего договора с вами! Мы сговорились, что власть будет полностью независима от безответственных организаций!

Экстренное собрание правительства решило „пресечь попытки к установлению двоевластия“. Образ действий Полковникова был признан недостаточно решительным. Приказания уже отдаются через начальника штаба, генерала Багратуни. И приказания крутые: предъявить Петроградскому совету ультиматум—отменить телефонограмму о контроле комиссаров ВРК, иначе—„решительные меры“... И „ультиматум“ был предъявлен.

Решительные меры назревают и на другом участке.

...Крайне взволнованный, несколько растерянный, прибегает в ВРК только что назначенный нами в Петропавловскую крепость комиссаром т. Тер-Арутюнянц. Комендант крепости отказался признать его мандат, грозит ему арестом, во исполнение приказа штаба округа.

Не шуточное дело! Петропавловка—сильнейший опорный пункт Питера. Держит под своими орудиями Троицкий мост, Зимний дворец. Петропавловка примыкает к арсеналу с его 100 000 винтовок. Она—на стыке боевого нашего Выборгского района с Петроградским.

За Петропавловку надо драться!

Созываем экстренное собрание Военно-революционного комитета.

Тер-Арутюнянц повторяет доклад. Поясняю. Это решительный момент. Обеспечение Петропавловской крепости за Ке-

ренским крайне упрочит позиции Временного правительства. Овладеем крепостью мы—это будет страшным ударом керенщине: падет ее основной опорный пункт в Питере, и арсенал со 100 000 винтовок будет нашим.

Настаиваю на решительных мерах: опираясь на верную часть гарнизона, ввести в крепость батальон вполне надежного лейб-гвардии Павловского полка. Поддерживает Тер-Арутюнянц и еще кто-то. Большинство возражает: „Нельзя рисковать. А если крепость окажет сопротивление? Ведь только что введен с фронта в нее батальон самокатчиков".

Большинством решаем: надо попытаться взять крепость изнутри—провести митинг и склонить гарнизон на сторону советской власти.

Крайне раздосадованный, пишу в очередном докладе В. И. Ленину о нерешительности, проявленной ВРК. Понимаю тактику использования советской легальности; понимаю необходимость не зарываться чересчур вперед от основных резервов, оставаться в контакте с массами рабочих и солдат. Но когда реакция наступает, надо действовать немедленно и решительно. В этом стремлении оттянуть решающий бой до Съезда советов, на чем настаивает Троцкий, можем потерять инициативу, можем расхолодить массы, можем все потерять.

...Но утром 23-го гарнизон Петропавловки, почти единодушно, постановил: исполнять только распоряжения ВРК. Самокатчики-фронтовики оказались левее крепостных артиллеристов.

Тер-Арутюнянц стал комиссаром крепости и арсенала.

А следом—прапорщик Благонравов (как будто нескладно длинный, решительный и спокойный на деле) заменил арестованного нами коменданта.

Петропавловская крепость, главная опора правительства, пала без единого выстрела. Громадный арсенал перешел в руки рабочих. Тотчас же оружие, по ордерам главного штаба Красной гвардии, потоком устремилось в рабочие кварталы.

Это была вторая победа рабоче-крестьянского восстания.

Произошла она, конечно, лишь вопреки тактической линии, которую стремился проводить Троцкий,—Временное правительство слишком положилось на преданность взятых с фронта частей; был бы иной результат, введи оно в крепость одно из пехотных юнкерских училищ. И ЦК учел (о чем дальше) опасность линии Троцкого.

ШТАБ ВОССТАНИЯ

В тот же день Петроградский совет пожелал заслушать доклад Военно-революционного комитета.

И ВРК представил совету—нескольким тысячам рабочих и солдат—отчет о своей деятельности. Ведь ВРК формально орган совета.

Собрание уже разгорячено сообщением Ломова о разгоне Калужского совета, выступлениями представителей фронта: от 1-й стрелковой дивизии, от 2-й армии, от 4-го армейского корпуса, от 35-го корпуса, 307-го пехотного полка, 32-й дивизии слуцкого гарнизона, от 2-й армии, 25-го армейского корпуса и комитета 8-й армии. Это—яркий клич о необходимости скорейшего мира, а потому—всей полноты власти советам. Армия верит Петроградскому совету, ждет Съезда советов, который должен взять в свои руки всю полноту власти.

В этой накаленной обстановке докладываю как можно бесстрастнее и деловитее о работе ВРК [1].

Военно-революционный комитет открыл свою деятельность 20 октября. В этот день состоялось первое пленарное заседание комитета. Создавая этот орган, Петроградский совет имел в виду действительную охрану, действительную защиту столицы революции. Нельзя было оборону столицы оставлять

---

[1] Излагаю по отчету в «Рабочем пути», № 45, 1917 г.

в руках штаба, который тайными и явными нитями связан с контрреволюцией.

Состав ВРК чисто деловой, непартийный.

Сейчас же по образовании ВРК к нему стали поступать заявления о принятии целого ряда мер в интересах защиты революции. Так, рабочие одной из типографий сообщили, что поступил заказ черносотенной организации.

В согласии с союзом печатников, немедленно решено, чтобы впредь без санкции Военно-революционного комитета заказы не выполнялись. Рабочие и служащие Кронверкского арсенала при Петропавловской крепости подняли вопрос о контроле над выдачей оружия. И в настоящее время ни одна винтовка без ведома нашего комиссара из Кронверкского арсенала выпущена не будет. Приостановлено вооружение юнкеров. 10 000 винтовок, предназначенных для Новочеркасска, задержаны. Задержано оружие для целого ряда подозрительных лиц и организаций. На патронном заводе установлен контроль над складом взрывчатых веществ. Наши комиссары назначены на все склады оружия. Комиссары эти везде признаны рабочими и служащими складов.

Предполагаемый на 22 октября крестный ход казаков темные силы, как известно, пытались использовать в контрреволюционных целях. Мы потребовали, чтобы не было никакой вооруженной демонстрации. Крестный ход был отменен.

Во все воинские части назначены комиссары. Везде они принимаются радушно. Никакие приказы и распоряжения без санкции комиссаров выполнены не будут. Военный штаб уже имел случай убедиться, что это не пустые слова: распоряжения штаба о выдаче оружия, автомобилей и т. д. не были исполнены.

Полки, на которых контрреволюция почему-то возлагала надежды, приняли наших комиссаров. Преображенский полк на собрании, устроенном комиссаром т. Чудновским, заявил протест по поводу утверждения буржуазной печати, будто преображенцы стоят за Временное правительство.

Самокатчики Петропавловской крепости заявили о своей поддержке Петроградского совета и полной солидарности с петроградским гарнизоном. Гарнизон Петропавловской крепости, этой Бастилии коалиционного правительства,—на стороне революции.

К совету присоединился также 9-й кавалерийский полк.

Дальше излагаю конфликт со штабом округа.

Рядом со штабом, с которым можно было бы и не считаться, нам приходится сталкиваться с ЦИК. Комендант Петропавловской крепости, возражая против установления нашего контроля, ссылался на ЦИК и предъявлял его бумажку; имя ЦИК было на устах у Кузьмина, у тех господ, которые грозили нашим представителям арестом. ЦИК развязывает руки штабу для борьбы с нами, но вы, товарищи, ваша твердость и решительность связывают эти руки. Ваша твердость делает неприкосновенными нас.

Но враги революции не дремлют. С румынского фронта против Петрограда двинуты кавалерийские части. Фронт обнажен. Части эти задержаны в Пскове. Далее против нас была двинута 17-я пехотная дивизия. Но, узнав по дороге, куда и с какою целью ее посылают, дивизия отказалась ехать. В Вендене два полка отказались выступать против Петрограда. Из Киева посылают казаков и юнкеров. По Царскосельской дороге должны быть отправлены ударники. Но петроградский гарнизон уверен в себе, он уверен в том революционном кольце, которое окружает Петроград.

Мы охраняем революционный порядок, мы принимаем необходимые меры для того, чтобы не был сорван Съезд советов, чтоб не было сорвано Учредительное собрание.

Мы выполняем волю революционного совета, мы идем вперед, утверждая революционный порядок и приближая момент, когда советская власть, разоружив контрреволюцию, подавит ее сопротивление и водворит торжество революционных сил.

Открываются прения. Выкрикивает истерично меньшевик (тоже!) „интернационалист“ Астров:

— Вы раскалываете демократию! И сами не единодушны... Разнуздываете стихию, с которой не справитесь! Никакого восстания не будет, а лишь кровавая свалка.

От фракции объединенных интернационалистов кто-то поясняет: фракция не разделяет лозунга—„Вся власть советам!“, но считает, что у петроградского гарнизона и пролетариата есть право организоваться, и никто этого права отнять у них не может. Если правительство будет нас провоцировать, то будем бороться, отстаивая свои права.

Большего от этих „мартенят“ требовать и не приходится.

Громадным большинством совет одобряет деятельность комитета и призывает к всемерной поддержке его.

РАБОЧИЙ ПИТЕР ВСТАЛ ПОД РУЖЬЕ

«Взглянешь на рабочее войско — как оно разнообразно! Стоят рядом с бородой рабочий и ученик-мальчик».

Напряженно работает Смольный. Рядом с фракцией большевиков гудит, в нижнем этаже, штаб Красной гвардии.

Все заставлено ящиками с винтовками, револьверами, патронами. Вносят, выносят. Бодро, быстро... Вооружается пролетариат.

Кончила (25-го) свои работы общегородская конференция Красной гвардии. Боевая резолюция по текущему моменту. Устав Красной гвардии. Закреплен главный штаб. Задачи Красной гвардии, конечно: „борьба с контрреволюцией и защита завоеваний революции“ (видите, как скромно, осторожно—считаясь с нерешительностью необходимых союзников!).

Установлено разграничение с милицией. Красная гвардия—в распоряжении только Петроградского совета.

Заседает главный штаб (Павлов, В. Трифонов, Потапов, Юренев, Юркин) с районными бюро. Эти бюро выделяют в штаб по одному, а Выборгский и Пороховой по два делегата.

Постановлено—держать Красную гвардию под ружьем, установить дежурства отрядов и т. д.

Произведен подсчет сил. К 23 октября имеется: Выборгский—5000, Васильеостровский—1000, Нарвский—1000, Невский—4000, Московский—8000, Петроградский—600, Пороховской—300, Охтенский—500, Шлиссельбургский—300.

Но эти цифры уже отстали, за 23-е—новые сотни, тысячи, пожалуй, вооружились, организовались, обучаются.

23-го по ряду заводов проходят смотры, проверка знаний Красной гвардии. Настроение боевое, радостное. На Трубочном кто-то выскочил против вооруженного выступления: „Несвоевременно! Раскол демократии!“ Не дали продолжать: „Долой!“

Рабочий Питер встал под ружье!

НАЧАЛОСЬ

ВРК заседает непрерывно в контакте с центром, выделенным ЦК. Готовимся к решительному бою. Продумывается план захвата всех главных учреждений. Озабочивает особо связь—для обслуживания ее подготовляются специальные кадры из среды специалистов—солдат и моряков. Это будущие команды для работы на телеграфе, телефонной, электрической станциях.

Посылаются агитаторы навстречу отрядам Керенского. Принимаются меры к обезврежению юнкерских училищ.

В адмиралтействе с 21 октября распоряжается Военно-морской ревком (Баранов, Вахрамеев). Оттуда сообщают—получена юзограмма:

> „Ревель. Образован Военно-революционный комитет 23 октября, в 7 часов вечера. Заняты все необходимые пункты. Гарнизон выразил подчинение исполнительному комитету. Контроль протекает нормально и расширяется по всему краю".

Но не дремлет и штаб округа. Керенский всю ночь проработал с Полковниковым и Багратуни.

Ранним утром—дежурный ВРК тормошит.

„Началось!"...

Только что в типографию нашей газеты „Рабочий путь" явился комиссар 3-го Рождественского района с отрядом юнкеров второй Ораниенбаумской школы. Окружив все входы

и выходы, комиссар предъявил выпускающему ордер главнокомандующего Петроградским округом о немедленном закрытии газет „Рабочий путь“ и „Солдат“, а также типографии.

Выпускающий на это ответил, что он не признает никаких указов, откуда бы они ни исходили, без санкции Военно-революционного комитета, и от принятия ордера отказался.

Газеты все же были закрыты. Стереотипные отливы разбили, типографию опечатали и часть газет, уже отпечатанных, увезли в комиссариат.

Тотчас же собрание ВРК. Принимается резолюция:

„Две революционные газеты „Рабочий путь“ и „Солдат“ закрыты заговорщиками штаба. Совет рабочих и солдатских депутатов не может потерпеть удушения свободного слова. За народом, отражающим атаку погромщиков, должна быть обеспечена честная печать.

Военно-революционный комитет постановляет:

1) Типографии революционных газет открыть.

2) Предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет.

3) Почетная обязанность охранения революционных типографий от контрреволюционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона“.

Чрез пару часов караулы юнкеров отогнаны, печати сорваны, типография открыта, в 11 часов утра газеты вышли.

Одновременно с ударом по нашей печати, штаб округа распорядился:

„Всем владельцам автомобилей—доставить их в распоряжение штаба“.

Приказ этот остался „без последствий“...

И еще:

„1) Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказов из штаба округа. Всякие самостоятельные выступления запрещаю. Все выступающие вопреки приказа с оружием на улицу будут преданы суду за вооруженный мятеж.

2) В случае каких-либо самовольных вооруженных выступлений или выходов отдельных частей или групп солдат на улицу, помимо приказов, отданных штабом округа, приказываю офицерам оставаться в казармах. Все офицеры, выступившие помимо приказов своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж.

3) Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо „приказов“, исходящих от различных организаций“.

Затем:

„Ввиду ряда незаконных действий представителей Петроградского совета, командированных в качестве комиссаров названным советом к частям, учреждениям и заведениям военного ведомства, приказываю:

1) Всех комиссаров Петроградского совета, впредь до утверждения их правительственным комиссаром Петроградского военного округа, отстранить.

2) О всех незаконных действиях произвести расследование для предания виновных суду.

3) О всех бывших незаконных действиях немедленно донести мне, с указанием фамилий комиссаров“.

Экстренное собрание ВРК ответило:

„Кронштадтскому исполкому—дать радио „всем“ о закрытии наших газет, о подготовке нападения на совет, о поддержке Питерского совета“.

Выработано обращение:

„Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Ораниенбаумские юнкера и ударники в Царском Селе отказались выступать. Замышляется предательский удар против Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Газеты „Рабочий путь“ и „Солдат“ закрыты, типографии опечатаны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда советов, накануне его открытия, против Учредительного собрания, против народа. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов стоит на защите революции. Военно-революционный комитет руководит отпором натиску заговорщиков. Весь гарнизон и весь пролетариат

Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар.

Военно-революционный комитет постановляет:

1) Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2) Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3) Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного совета.

4) Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.

5) Все члены Петроградского совета и все делегаты на Всероссийский съезд советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание.

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа—в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений! Твердость, стойкость, выдержка, решительность.

Да здравствует революция!“

Второе обращение ВРК гласило:

„К населению Петрограда.

Граждане!

Контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд советов и сорвать Учредительное собрание. Одновременно погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных покушений.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств. Население призывается задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам совета в близлежащую войсковую часть. При первой попытке темных

элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу—преступники будут стерты с лица земли.

Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции—в твердых руках".

В разгар работы в комитете появляется Камков (студенческого вида лидер левых эсеров) и еще кто-то:

— Мы вошли в ВРК не для восстания. Левые эсеры могут в нем оставаться, если не будет попыток создания одностороннней власти над головой революционной демократии. Власть должна быть создана съездами советов рабочих и крестьян!..

Очень хорошо! Вполне согласны. Принимаем единодушно резолюцию, которую потом благонамеренные историософы назовут „ненужным издевательством".

„Вопреки всякого рода толкам и слухам, Военно-революционный комитет заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы подготовлять и осуществлять захват власти, но исключительно для защиты интересов петроградского гарнизона от контрреволюционных и погромных посягательств"...

Камков удаляется победоносно. Лазимр (сам левый эсер!), угрюмо промолчавший в течение камковского инцидента, процеживает со сдержанной яростью:

— Вот они, наши лидеры! Уже разводят дипломатию! Оторвались!

ПО ВСЕМУ ФРОНТУ

От боевого центра ЦК (через Свердлова) получена директива—действовать решительно, ликвидацию правительства и захват власти завершить, не дожидаясь открытия Съезда советов. (В добрый час! Конец конституционным иллюзиям, поддержанным Троцким, разговорчикам о „советской легальности!") Подготовить в Петропавловке запасный штаб восстания (все члены ЦК получают пропуска в крепость).

ЦК назначает т. Бубнова представителем ВРК для поддержания политической и оперативной связи с железнодорожниками, т. Дзержинского—с той же целью в отношении почты и телеграфа, т. Свердлова—для наблюдения за Временным правительством и его распоряжениями; наблюдение за продовольственным делом поручается т. Милютину.

ЦК посылает для политических переговоров с левыми эсерами Каменева и Винтера (Берзина).

ВРК тотчас выделяет товарищей для непосредственного боевого руководства восстанием (Подвойский, Антонов и, кажется, Дашкевич).

Немедля по радио: „Центробалт. Дыбенко. Высылай устав. Антонов".

Что значит—гони крейсер, четыре миноносца, 5000 моряков-солдат в Питер!

Всем комиссарам частей и полковым комитетам предла-

гается привести свои части в боевую готовность, немедленно же выслать двух представителей в Смольный.

Всем окрестным гарнизонам дается директива—не допускать подхода подкреплений Временному правительству.

Главному штабу Красной гвардии приказ: мобилизовать все силы, дать отряд в $1\frac{1}{2}$ тысячи в Смольный.

Закончен план занятия всех правительственных учреждений, с учетом функционирования связи, освещения, охраны (точные наряды от частей и рабочей гвардии).

Принят (выработанный мной) план взятия Зимнего.

Учитывая настроение и боеспособность отдельных частей и отрядов Красной гвардии, намечена следующая расстановка сил: пехотным частям отводится относительно пассивная роль—нейтрализация казаков и юнкерских училищ, а также оцепление по реке Мойке; основной же удар от Николаевского моста возлагается на колонну кронштадтцев, поддерживаемую Петропавловкой, „Авророй" и миноносцами (ожидали к утру). Атака по сигнальному орудийному выстрелу из Петропавловки.

Уточненная диспозиция:

1) Выборгский район—Красная гвардия совместно с Московским полком (до 3000 штыков) обеспечивает связь с Финляндией, выдвигая отряд в Белоостров (совместно с Выборгом) и закрепляя Финляндский вокзал; занимает Кресты, освобождая заключенных товарищей; закрепляет Литейный мост и Гренадерский мост, поддерживая связь с Гренадерским полком; чрез Самсониевский мост—связь с Петропавловской крепостью; выделяет сильный отряд в Смольный и для действий совместно с Павловским полком и Красной гвардией Петроградской стороны против Зимнего дворца.

2) Петроградский район—Красная гвардия, Гренадерский полк, химический батальон; поручается—обезвредить Николаевское кавалерийское, Павловское и Владимирское пехотные юнкерские училища, закрепить Тучков мост. Отряд—в распоряжении коменданта крепости и для действий к Зимнему.

3) Васильевский остров: Красная гвардия, Финляндский и 180-й полки, 88-я и 90-я Вологодские дружины должны обеспечить Дворцовый и Николаевский мосты, держа связь с „Авророй“ и миноносцами; чрез Николаевский мост поддержать, в случае нужды, удар кронштадтцев.

4) Центр. Левый фланг—2-й флотский экипаж и Кексгольмский полк с утра выдвигаются от Мойки к адмиралтейству, обеспечивая высадку кронштадтцев, содействуют васильеостровцам в закреплении Николаевского моста, держа связь с судами. В резерве (мало активный) Гвардейский флотский экипаж; центральный участок—Егерский и Измайловский полки тесно облагают Зимний по Мойке до Невского проспекта.

Правый фланг—Павловский полк и сводный отряд Красной гвардии завершают окружение Зимнего, направляя по Миллионной удар к дворцу в поддержку кронштадтцев.

В резерве центрального участка, во второй линии оцепления—Литовский, Волынский и Преображенский полки. Часть Литовского, 1-й запасный, 6-й саперный и др.—в распоряжении Смольного,—защита Съезда советов. Вовсе не затронут Семеновский полк (комиссар т. Коцюбинский), как держащий „нейтралитет“, от 9-го кавалерийского полка лишь несколько патрулей „для порядка“; 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки—под наблюдением; от бронедивизиона энергичный, твердый черный т. Елин должен послать наряды к Смольному и к Дворцовому мосту в распоряжение кронштадтского отряда.

Главное руководство—в Петропавловской крепости: штаб правого участка—в казармах Павловского полка (Дашкевич, Чудновский), левого—в Балтийском флотском (Раскольников, Калис).

Предполагалось начать наступление ранним утром 25-го, но выяснилось, что кронштадтцы не поспеют к утру. Начинать без них атаку Зимнего рискованно.

Работа кипит. Каждый из комиссаров намеченных частей

получает точнейшие инструкции. Вечером прибывают Калис (левый эсер) и Пронин—от „военно-технической комиссии“ (штаба) Кронштадтского исполкома. Приносят только что выпущенную Кронштадтским советом листовку к рабочим и гарнизону Петрограда: поднимитесь с оружием в руках, чтоб свергнуть Временное правительство и взять власть в руки советов; мы кронштадтцы, поддержим вооруженной силой.

Толковые парни! Не нуждаются в пространных разъяснениях. Сразу схватывают по плану обстановку. „Вам, кронштадцтам,—главная роль. Держа связь со 2-м флотским экипажем и Кексгольмским полком, наступайте бульварами на Зимний. „Аврора“ и миноносцы прикроют ваш десант у Николаевского моста... Когда можете и сколько дать сил?“

Выясняется, что только днем. Однако после упорных настояний обещают к часу. Сводный отряд, тысячи в три, па минном заградителе „Амур“.

Уточняем некоторые моменты:

— Не могли ли бы также продвинуть „Зарю свободы“ в канал против ст. Лигово, держать под обстрелом станцию, не допускать пропуска подкреплений к правительству?

— Вполне возможно!—радостно отвечает моряк Пронин...

...Готовимся. Готовится правительство.

В 3 часа дня приказ штаба: развести все мосты на Неве. Хотят оторвать рабочие районы от центра.

Через главный штаб Красной гвардии контрприказ по районным штабам: занять отрядами мосты, не допускать их разводки!

Особо—крейсеру „Аврора“: „Всеми имеющимися у вас средствами восстановить движение по Николаевскому мосту“.

Внезапно выключены телефоны в Смольном. Погасло электричество. Поторапливают нас. „Что ж это запаздывают с захватом телефонной и электрической станций? Ускорить! Телефоны правительственных учреждений под надзор; штабной передавать на особого комиссара (разведка—Шишаев); выключить электричество в правительственных учреждениях!“

Чрез короткий срок вновь светит Смольный. И вновь трещат наши телефоны. И замолкают вдруг, чтоб закрепиться победно лишь к последней ночи...

...Непрерывно прибывают донесения. К утру подводим итог:

1) В Ревеле—власть ревкома, на северном фронте—нейтрализованы ненадежные части, в их числе два полка 3-го конного корпуса, вызванного Керенским в Питер; неизвестно об остальных частях конного корпуса.

2) Гельсингфорс мобилизован; четыре миноносца должны прибыть утром в Неву, сводный отряд отправляется.

3) Выборг дает юзограмму:

„Все части 42-го корпуса образовали объединительный комитет для поддержания Съезда советов в Петрограде, собраться которому мешают контрреволюционные элементы своими выступлениями. Посланы войска для защиты Съезда советов".

4) Выборг выполнил свое обязательство—побудил 5-ю Кубанскую казачью дивизию отказаться исполнить приказ Керенского о движении в Питер.

5) Затребованный Керенским в защиту правительства ударный батальон из Царского Села задержан. Затребованная Керенским артиллерия из Павловска задержана.

Петергофская школа прапорщиков собиралась выступить в Питер, но была обезоружена 2-м пулеметным полком и моряками Кронштадта.

Вторая Петергофская школа задержана на дороге в Питер у Стрельны отрядом 2-го пулеметного полка.

Владимирское юнкерское училище (на Петроградской стороне), под угрозой пулеметов и винтовок химического батальона и Красной гвардии завода „Дукат", отказалось исполнить приказ Керенского (выступить во дворец). Все же часть юнкеров (еще ранее) успела пройти в Зимний и была направлена на телефонную станцию, выбив оттуда наших моряков.

6) 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки заявили, что не пойдут „без пехоты" оборонять правительство.

Семеновский полк объявил „нейтралитет“. Да еще первый батальон Преображенского полка. А этот батальон стоит как раз на Миллионной, по которой намечен нами удар против Зимнего...

Полковой командир 176-го полка не признал нашего комиссара, но полк—за нас.

Нерешительность в шестых автомобильных мастерских северного фронта—до сих пор не подобран надлежащий комиссар.

Морской артиллерийский полигон—с нами; главный—что-то крутит, настроение скорее „правое“.

180-й полк, разоруженный в июле, полон активности: получил по нашему наряду 800 винтовок, 25 000 патронов.

Корниловцы пытаются провоцировать 9-й кавалерийский полк. Полк единодушно в печати протестовал против пущенных слухов, что он-де против совета.

К ночи прибыл в распоряжение ВРК из Ораниенбаума Пулеметный полк.

7) На „Авроре“ столкновения. Капитан, под предлогом, что фарватер мелок, отказался вести судно. Наш комиссар арестовал капитана и распорядился промерить,—глубина оказалась достаточной. Повел судно к Николаевскому мосту лоцман. Капитан заявил о подчинении комитету. Позднее сообщено: при приближении „Авроры“ юнкера, находящиеся на охране моста, бежали. Матросы свели мост, и он надежно за нами.

„В 3½ часа утра крейсер отдал якорь у Николаевского моста“.

Все остальные мосты заняты Красной гвардией. Троцкий—все время за нами.

Павловский полк уже выдвинул патрули на Миллионную, не пропускает автомобилей к дворцу, задержаны на грузовике 4 юнкера, направлявшиеся в комитет георгиевских кавалеров; задержаны министры Карташев и Протопопов; задержан также начальник контрразведки. Все доставлены в Смольный.

Туда же поступает еще ряд арестованных активистов контрреволюции.

В Кексгольмском полку—вначале раздор с офицерами: еще 23-го октября на объединенном собрании полкового комитета и офицерского состава, когда офицеры колебнулись, унтер-офицер Смирнов закричал им: „Смотрите, не только погоны, головы ваши полетят!“ Офицеры разыграли обиду, ушли... Затем частью вернулись... Этим задержано исполнение приказа о занятии телефонной станции, вновь захваченной Керенским. Выполнено в 4 часа утра—подпоручик Захаров подвел свой отряд сомкнутым строем, броневик юнкеров не успел открыть огонь; юнкера Владимирского училища, захваченные врасплох, сдали караул; Захаров расписался в постовой книге о принятии караула.

Отряд юнкеров пытался к ночи захватить редакцию „Рабочего пути“ (Васильевский остров, Финляндский пер., 6), но был окружен Красной гвардией и массой рабочих; взмолился к красногвардейцам: „Спасите от самосуда!“, отведен в Петропавловскую крепость.

Еще днем наш отряд (2-й флотский экипаж—Железняков) занял помещение Петроградского телеграфного агентства (ПТА),—телеграммы в провинцию были поставлены под контроль. Отряд был выбит юнкерами. (ПТА занято вновь нами только ночью.)

Разведка сообщает, что в Зимнем сосредоточены: 3-я Петергофская школа прапорщиков—400 штыков, 2-я Ораниенбаумская школа—500 штыков, ударный женский батальон—200 штыков (из Левашова мы постыдно прозевали его отъезд 23-го), и, все же, до 200 донских казаков, отдельные юнкерские (Николаевского инженерного, артиллерийского и других училищ) и офицерские группы, отряд комитета увечных воинов и георгиевских кавалеров, отряд студентов и т. п. и батарея Михайловского артиллерийского училища. Всего до 1800 штыков, изрядно пулеметов, 4 броневика, 6 орудий.

Была еще рота самокатчиков, но, по постановлению батальонного комитета, ушла в крепость...

Удалось „нейтрализовать“ ряд училищ, но вот михайловцы—с Временным правительством!

Представитель солдатского комитета Михайловского артиллерийского училища—угрюмо сосредоточенный т. Аленин, впрочем, заверяет, что юнкера „уйдут“, а в крайности не выступят боем, стрелять откажутся; только что училищный комитет, под давлением обслуживающих команд, постановил „соблюдать нейтралитет“, „отозвать батарею“.

В 9 часов вечера на Балтийский вокзал явился комиссар ВРК с ротой Измайловского полка. Коменданту станции объявил, что принимает всю власть для наблюдения за порядком отправления поездов и следования пассажиров.

Караулами был занят весь вокзал. Комиссар ВРК установил тотчас же контроль переговоров по телефонам.

Поезда отправляются в назначенное время.

Заняты к вечеру и остальные вокзалы; правительственные караулы отогнаны.

Поздно вечером являются из Крестов освобожденные Рошаль, Хаустов и другие. Хорошее подкрепление!

Бескровно, но твердо и стройно вершится переворот. Город замер.

Товарищи, вернувшиеся с объезда, рассказывают: к десяти вечера Петроградская и Выборгская части точно вымерли. Трамваи ушли в парк. Половина кинематографов пустуют или закрыты. Пропали извозчики, автомобили. Не светят уличные фонари. Почти абсолютная тьма в будто вымершем городе.

На углах и перекрестках больших улиц дежурят по-двое, по-трое красногвардейцы, заменив милицию. У входов и выездов на неразведенные мосты поставлены патрули из красногвардейцев. На большинстве заводов Выборгской стороны

идут спокойно ночные работы. Кроме красногвардейцев налицо все рабочие ночной смены.

Гудит и волнуется Смольный. Непрерывный поток людей— к нему, от него. Лязг оружия, четкий стук сапог. Пыхтенье авто, грузовиков. И невообразимая толчея внутри.

В каком-то ранне-утреннем часу прохожу спешно коридором. Товарищ Рахья! Крепко симпатичный, решительный парень. Не выслушивает, не расспрашивает на этот раз. Подняв многозначительно палец к сжатым губам, показывает глазами в открытую дверь...

В комнате, кажется, иногородного отдела ЦИКа за столом вижу только характерную спину, знакомый парик...

Искра короткого замыкания пробегает в теле.

„Ильич—в Смольном!“

У порога Свердлов, еще кто-то.

К делу! Вождь с нами. Всей силой вперед!

ЛИБЕРДАНЯТ

Восстание в полном ходу. А соглашатели бегают вокруг, все еще не теряя надежды уговорить, поднадуть. Проскользнул бледной тенью новожизненец Суханов, грустно промаячил Дан и успокоился на лоне Предпарламента. Говорят, там было очень бурно. Керенский выступал, требуя доверия—время слов прошло, он решил положить конец тем „группам и партиям, которые пытаются поднять чернь против существующего порядка".

Цензовики в восторге, Либерданы растеряны; но Либерданы не верят в решимость „большевиков": нет, еще возможно „спасти демократию". Вот сейчас Мартов изобретет магическую формулу, которая объединит все силы демократии против экстремистов справа и слева. Магическая формула найдена. Очень просто! Взяты лозунги большевиков—лозунги движения низинных масс, укорочены, обрезаны, искалечены. Большевики—за немедленный мир; Совет республики за „немедленное предложение союзникам начать мирные переговоры". Большевики—за немедленный захват всей земли земельными крестьянскими комитетами; Советы республики—за „немедленное издание декрета о передаче земель в ведение земельных комитетов"...

И оговорка, что недовольство вызвано войной и разрухой и замедлением в проведении указанных мер. И указание, что

борьбу с выступлениями надо поручить не правительству, а „Комитету общественного спасения“, действующему в контакте с официальными властями.

Магическая формула принята Советом республики 122 голосами против 102, при 26 воздержавшихся.

Либерданы ликуют, кадеты возмущены. Керенский кричит об отставке. Авксентьев, Гоц, Дан разъясняют свою резолюцию Керенскому, уговаривают, успокаивают. Уговорили, успокоили—„ведь это только резолюция! Чего стоит Временному правительству сделать ее на словах своей программой!“

Но прошло время резолюций, нет места для маневров. Говорят винтовки народа. Нацелены орудия революционных судов.

Реакционеры это понимают. Под прикрытием слезоточивых Либерданов они создают (единый фронт от правых эсеров и меньшевиков до монархического офицерья) тайный „Комитет общественного спасения„—„для ликвидации активного проявления анархии и погромного движения“.

Они готовят борьбу всеми средствами против власти рабочих и крестьян.

Реакционеры готовятся. Соглашатели бегают.

Городская дума присылает делегацию в совет. Что это за выступление? И как же с думой?

Председатель совета весьма вежлив: „Не мы напали, мы защищаемся; на железо отвечаем сталью. Как будет с вами? Распустим, переизберем“.

В 11 часов вечера собирается ЦИК советов и ЦИК крестьянских депутатов. Президиум ЦИКа так много работал в этот день! Взывал к гарнизону—слушайся только штаба! Требовал от ВРК отменить приказ о контроле распоряжений штаба. Разослал комиссарам действующих армий утреннюю речь Керенского в Совете республики, добавив, что ЦИК на стороне Временного правительства и переезжает в штаб... (Но в штаб благоразумно не переехал, остался в Мариинке.)

Что отметить? Еще одна резолюция: новая „магическая формула“ всегда безнадежно запаздывающего Мартова! Но вот от левых эсеров выступает Колегаев. Прислушаемся! С ними нам еще путь делать!

— Большевики не должны одни брать власть... ЦК левых эсеров созывает Всероссийский съезд крестьян...

В добрый час! Власть большевиков найдет, что сказать съезду крестьян!

Соглашатели торжествуют: их формула „отнимает почву из-под ног большевиков“.

Дан усердно внушает это Керенскому.

Но тот уже не верит. Слушает рассеянно Дана. Зато чутко прислушивается к Грекову, который явился во главе делегации союза казачьих войск требовать решительных мер против большевиков и обещать поддержку этим мерам. „Три казачьих полка в Питере пойдут с правительством“...

Утром погромно-буржуазная печать сообщает:

> „Министр-председатель заявил делегации, что он признает, по условиям момента, пожелания казаков приемлемыми и выразил казакам благодарность за их обещание поддержать порядок“.

„...Без меня меня женили“,—скажут станичники, узнав, что Греков их уже просватал Керенскому...

ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО

„...К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства—это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов".

10 часов утра 25 октября. Временное правительство еще занимает Зимний дворец. В Мариинском еще „заседает" Совет республики.

Но все опорные пункты Питера—у нас. Все вокзалы, госбанк и прочие государственные учреждения заняты. Весь рабочий Питер и весь гарнизон, кроме горсти охраны „керенщиков",—с нами.

Да, революция уже победила. Ее дело обеспечено.

Остается лишь смести железной метлой историческую труху с пути революции.

...Двенадцать часов... По словам коменданта Петропавловки Благонравова, все в крепости готово. Орудия накатаны на

валы. Обстрел Зимнего можно начать по первому сигналу... Из Смольного сообщают, что захват всех правительственных зданий и вокзалов обошелся без кровопролития. Соглашательский Предпарламент—„Совет республики“—разогнан в два счета. Съезд советов должен открыться в два часа дня. Надо кончать с правительством Керенского.

Миноносцы из Гельсингфорса прибыли и с рассветом вошли в Неву. „Аврора“ продвинулась к самому Николаевскому мосту.

Но вот что-то Дашкевич запаздывает—оцепления по Мойке из гвардейских частей не видно. Ведь ранним утром целый батальон юнкеров (инженерная школа прапорщиков) спокойно прошел из Кирочной к Зимнему. Гарнизон дворца усилен этим штыков на 300. Зато Аленин выполнил обещание. Шестиорудийная батарея Михайловского училища отозвана. Взамен прибыло отделение (2 орудия) Константиновского артиллерийского училища... С удивительной медлительностью налаживается наше оцепление!

...Быстро несет меня катер мимо нахохлившегося Зимнего дворца (на набережной какое-то движение, выдвигают орудия?) к „Авроре“. На крейсере—„все в порядке“. Но выясняется, что обстреливать окружный штаб, где будто бы засело Временное правительство, с „Авроры“ невозможно.

Условливаюсь, что, по сигнальному выстрелу Петропавловки, „Аврора“ даст пару холостых выстрелов из шестидюймовки. Передаю миноносцам, чтоб проникли за Николаевский мост и развернулись для обстрела (по сигналу) Зимнего.

Опять—в крепость.

Новости! На собрании Петроградского совета появился встреченный бурей оваций Ленин. Съезд советов соберется вечером. „Кончайте с Зимним“.

Составляю ультиматум Временному правительству.

Именем ВРК предлагаю членам Временного правительства сдаться; не сдадутся—в 6 час. 20 мин. с верков крепости и с судов будет открыт обстрел Зимнего и штаба.

Еще ряд распоряжений. Еще заверения, со стороны коменданта, что все в порядке, и вновь—на катере встречать кронштадтцев...

Четыре часа!.. Наконец-то!..

„Кронштадтцы едут“.

Несколько тысяч молодых стройных парней с винтовками в надежных руках заполняют палубу транспорта. Говорю им краткое приветствие именем советской власти, указываю цель. Вот Зимний, последнее прибежище керенщины. Его надо взять! Сейчас они высадятся у Конногвардейского бульвара, войдут в связь с 1-м флотским экипажем и, после артиллерийского обстрела, атакуют Зимний.

Говорю, гляжу в эти энергичные, нетерпеливые лица. Нет, этих не к чему агитировать. Могучий молодой вал докатился до Питера. Держись, Керенский!

Вновь—в крепость. Точно ли все в порядке? Ультиматум только что отправлен с двумя самокатчиками Временному правительству.

Из Павловских казарм сообщают, что только вот задержаны 2 орудия и до 100 „константиновцев“, ушедших из Зимнего вслед за „донцами“:

— Только вот артиллеристы заявляют, что стрелять нельзя,—докладывает обескураженный Благонравов:—снаряды не подходят, веретенного масла нет, панорам также нет.

— Вы ведь говорили, что все в порядке! Вас просто надувают эти артиллерисыт! Пойдем к батареям.

Уже темнеет. Мы изрядно путаем в дебрях Петропавловки... Ну, конечно, эти господа просто стараются все сорвать. Ничего у них не ладится. Объяснения сбивчивы. В тоне—предательская дрожь.

— Ладно! Вызовите артиллеристов с Морского полигона. Там свои. Выстрел дайте из сигнальной пушки,—распоряжаюсь я.

Поднялась суета, подозрительно долго возятся с сигнальной пушкой.

Совсем стемнело. Грозно, зловеще все напряглось вокруг Зимнего. Из Смольного нас торопят.

На той стороне вдруг вспыхивает перестрелка.

Кто-то вбегает в комендантскую:

— Из Павловских казарм телефонируют: Временное правительство сдается, ультиматум принят!

Благонравов покачнулся от волнения; выпрямился, бросается растроганно обнимать меня.

Еду на мотоцикле в штаб округа. Пробираемся сквозь наши заставы на Миллионной. Солдаты рядом с матросом, рабочим... У дворца—беспорядочная стрельба... Проскакиваем под пулями (чьими?) в штаб... Никого. Погром внизу. Вверху—отряд Красной гвардии четко охраняет деловые кабинеты, кто-то из „военки" тут. В одном из кабинетов—несколько сдавшихся военных с генералом-квартирмейстером Порадеповым... Обман! Сдался штаб округа, правительство укрылось в Зимнем. Товарищ из „военки" принимает ответственность за штаб и сдавшихся...

Тороплюсь к дворцу.

...Темнота. Всплески выстрелов, таканье пулеметов. По Миллионной беспорядочная толпа матросов, солдат, красногвардейцев то наплывает к воротам дворца, то отхлынивает, прижимаясь к стенам, когда с дровяных баррикад юнкера открывают стрельбу. Вдруг гудит мощный мотор, с резким таканьем целый град пуль льется в улицу... Все „смывается". Остаемся сам-друг с каким-то рабочим (винтовка в руке) у ворот... Но лишь на миг. Упругий натиск вновь нарастает...

— Товарищ комиссар! Тут есть ход,—можно забраться, пугнуть их гранатой.

— Вали!

Отделяется кучка куда-то в проход... Масса инициативы, энергии... Стрельба учащается в едкой темноте... И одна мысль—„надо кончать!.."

Наконец-то. Глухо донесся орудийный выстрел. Еще и

еще. Заговорила Петропавловка. Лучше... Мощно разодрало воздух...

— „Аврора“!

— Не предложить ли им снова сдаться?—спрашивает Чудновский, приведший часть павловцев, и как всегда, отважный и и говорливый.

Соглашаюсь. Отправляется с кем-то. Артиллерийский обстрел подействовал.

Угас огонь баррикад. Заткнулись—видно, брошены?—броневики...

Какой-то треск, лязг оружия, истерические вопли.

— Сдаемся, товарищи! Только не обижайте!

Сотни две ударниц гуськом складывают оружие тут же на панели... Под густым конвоем отправляем их по Миллионной... Следом за ними десятка два наших проникли в калитку, на лестницу. Трах-тах, выстрелы, взрыв гранаты... Отброшены!..

— Не пройти!—говорит какой-то матрос.—Загородились!..

...Еще орудийный удар. Совсем близко!.. С Морской наши?

И вновь—неясная борьба у калитки. Сыплют новые сотни сдающихся. Юнкера.

— Винтовки дай сюда!

Красногвардейцы жадно хватают оружие. „Вы б нам оставили!“—взывает какой-то офицер.

Чудновский готов согласиться („я им обещал“). Упрямлюсь. „Оружье сдать“...

Вновь напирает... Прорвались в ворота, калитку... По узко извилистой лестнице, к тому же забаррикадированной, атаковать трудно. Но кто-то прорывается обходом. Теряем еще час!..

И дрогнули наконец юнкера. Прислали сказать, что сопротивление прекращают. С Чудновским поднимаемся. Пестрая толпа восстания за нами... Обширные залы скудно освещены... Зияет в одном пробоина от трехдюймовки. Повсюду матрацы, оружие, остатки баррикад, огрызки.

Юнкера и какие-то еще военные сдавались...

Но вот в обширном зале, у порога—их неподвижный четкий ряд с ружьями наизготовку.

Осаждавшие замялись в дверях... Подходим с Чудновским к этой горсти юнцов, последней гвардии Временного правительства. Они как бы окаменели. С трудом вырываем винтовки из их рук.

— Здесь Временное правительство?

— Здесь, здесь!—заюлил какой-то юнкер.—Я ваш,—шепнул он мне.

Но у порога (из зала направо) новая стена юнкеров, уже дрожащая, растерянная... И внезапно—юркая, подвижная сюртучная фигура:

— Что вы делаете?! Разве не знаете? Наши только что договорились с вашими. Сюда идет депутация городской думы и совета с Прокоповичем, с красным фонарем! Сейчас будут здесь!

Юнкера колыхнулись.

— Вы арестованы, господин Пальчинский!—режет Чудновский, хватая за грудь „генерал-губернатора"...

...Через коридор. В небольшой угловой комнате.

...Вот оно—правительство временщиков, последнее буржуйское правительство на Руси. Застыли за столом, сливаясь в одно трепетное бледное пятно.

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными.

— Чего там! Кончить их!.. Бей!

— К порядку! Здесь распоряжается Военно-революционный комитет!

„Неизвестные" оттеснены...

— А Керенский!?—выкрикивает кто-то.

Диктатора нет! Сбежал!..

— Где премьер?!

Кто-то (Гвоздев?) шелестит:

— Уехал еще утром!

— Куда?!

Молчание.

„А туда-т!“ Грохает о паркет чей-то приклад.

„Министры“ переписаны. Отобраны документы. Тринадцать... Комплект...

Спешно сформирован караул. Оставляю Чудновского комендантом дворца... Выводим „министров“.

Только на площадь—стрельба. Кто, в кого? Шарахнулись „министры“, за ними—караул... Смыкаю семерых оставшихся, окружаю двойной цепью. Ничего! Куда им сбежать?.. Весь город—в восстании. Всего безопаснее—этак, под пролетарским конвоем...

Держа за фалды друг друга, поспешают „бывшие“ темной улицей, порою дрожащей неровным пламенем костров... Патруль напрягает силы, сдерживая угрожающую толпу.

На Троицком вдруг... С той стороны какой-то автомобиль. Стоп!—и открывает стрельбу. Стрельба подхвачена заставой... По нас! Конвойные вмиг за „министрами“ на землю. Отстреливаются...

Чорт знает что! Бегу к авто, кричу что сил:

— Свои! Прекрати стрельбу!

Затихло... Еще одного из „министров“ нет. Бежал, как заяц, под стрельбой... Ничего! Придет!

...В приземистой канцелярии крепости очухались „министры“. Чрез пять минут в авто доставлены отбившиеся; тринадцатый сам дошел.

Все в сборе. Составляю список.

— Подпишитесь!

Отказываются.

— Для истории!

Подписываются.

— А я вас помню,говорит „министр труда“ Никитин:— „в 1909—10 годах по Москве“...

— Да, да,—отвечаю:—вы тогда числились едва ль не социал-демократом...

— Меня не узнаете?

— Вас, господин Малянтович? Очень хорошо.

— Скрывал вас лет десять назад в Москве после побега с каторги... А вот теперь вы, можно сказать, воздали!..

— Помню! Помню! Тогда вы заигрывали даже с большевизмом. Помню, это не помешало вам панически сдрейфить, увидя нас, беглецов, пред собой, и так нас принять, что едва не пропали...

Воспоминания явно не клеятся...

Рядом—более интересно. Оживший Терещенко наседает на матроса с „Авроры"...

— Ну и что вы будете делать дальше?! Как вы управитесь без интеллигенции? Ведь внешняя политика...

— Я сам—рабочий,—скрипит Гвоздев,—скажу, как это трудно,—вопросы труда...

— ...и промышленности,—подхватывает Коновалов.

— Ладно! Уж управимся!—весело отвечает моряк.—Только бы вы не мешали...

...На Съезде советов в жадной тишине председательствующий заявляет:

— Военно-революционный комитет сообщает: „В 2 часа 10 минут ночи арестованы членом Военно-революционого комитета Антоновым, по постановлению комитета, контр-адмирал Вердеревский, министр государственного призрения Кишкин, министр промышленности Коновалов, земледелия—Маслов, министр путей сообщения Ливеровский, управляющий военным министерством Малиновский, министры: Гвоздев, Малянтович, Третьяков, генерал для поручений Борисов, контролер Смирнов, министр просвещения Салазкин, министр финансов Бернацкий, министр иностранных дел Терещенко, помощник особоуполномоченного Временного правительства Рутенберг, министр почт и телеграфа Никитин, министр исповеданий Карташев, инженер Пальчинский. Офицеры и юнкера, бывшие во дворце, обезоружены и отпущены".

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА КЕРЕНСКОГО

Защитники Зимнего дворца были обезоружены и отпущены на „честное слово“... Члены Временного правительства, посаженные в казематы Петропавловки, в подобающую им компанию с отпетыми монархистами-заговорщиками, были через несколько дней освобождены... Произошло это не потому, что мы не понимали неизбежности красного террора.

Прекрасно понимали! Высказывали это. А. С. Бубнов на собрании Петроградского комитета 15 октября, например, заявлял: „Когда мы будем у власти, нам придется ввести массовый террор“.

Но стратегия Октября строилась на учете настроений основных масс, поднимавшихся в революции. Громадных миллионных масс. Они невыразимо устали от войны. Жаждали мира, земли, „хлеба“. Мечтали улучшить свою жизнь. Но в то же время стремились по возможности избежать ужасов борьбы.

Устранить с ровной дороги спокойным движением могучего плеча силы прошлого, такие ничтожные, трухлявые, вконец изжитые...

Борьба, жестокая, смертельная, вырастет неизбежно из сопротивления привилегированных классов.

Но надо, чтобы в сознании широчайших масс ярко, отчетливо предстала ответственность за эту борьбу привилегированных классов. И надо, конечно, на „провокацию борьбы“ ответить немедля сокрушающими ударами.

„Общенародной“, с огромными глубинными корнями, приходила советская власть. Не захват власти кучкой решительных заговорщиков хотя бы и во имя блага передового класса.

„Баррикада—не правительство“,—так справедливо говорилось о Парижской коммуне. Коммуна Октября—и баррикада и правительство. Она—положительное творчество, созидание. Первые же декреты советской власти глубоко практичны, рассчитаны на творчество миллионных масс пестрого социального состава,—пролетариат, руководящий основными массами деревни, бедняцким и середняцким крестьянством.

Таковы декреты о мире и о земле. Таков подход и к вопросу об Учредительном собрании.

Но большевики принимали в учет настроения именно масс, а не тех, кто, безнадежно отстав от масс, хотя б даже и формально руководя советами, претендовал на представительство этих масс. И при этом учете большевики не боялись взять на себя ответственность за революционный почин, хотя б в разрез, в прямой конфликт с формальным руководством органов так называемой „революционной демократии“.

Когда эсеры грозили миллионами крестьянства, мы только смеялись. И когда левоэсеровские вожди—Камковы, Колегаевы, Марии Спиридоновы—требовали пестрого социалистического правительства, мы не заблуждались, мы знали, что эти лидеры уже не отражают настроений деревенской бедноты, творящей революцию в деревне, не дожидаясь их разрешения.

Когда Викжель грозно заявлял, что не допустит отстранения от власти иных элементов „революционной демократии“, проведет всеобщую железнодорожную забастовку против большевиков, мы оставались спокойны,—ведь за этими выкриками не было подлинной реальной силы, ибо массы железнодорожного пролетариата и низших служащих были с нами. Точно так же и заявления Кучиных от имени всех фронтов нас не пугали,—ведь фронтовые и даже армейские

комитеты отражали „мартовский“ день, не Октябрь „окопного народа“.

Одни за другими со II Съезда советов ушли оборонческие и полуоборонческие группы, но вместе с левыми эсерами мы все же были в большинстве на Съезде советов. Основным же для нас было то, что мы были в несомненном большинстве среди рабочих и солдатских масс во всех пролетарских центрах и на основных фронтах.

Переход власти к советам происходил с неотвратимой силой естественного процесса.

В Питере наши потери при захвате Зимнего были невелики. Пять матросов и один солдат убиты, много легко раненых; на стороне защитников правительства никто сколько-нибудь серьезно не пострадал.

Также сравнительно бескровно совершился переход власти в руки советов в Москве, в других центрах.

Но в ВРК мы знали, что Керенский выехал навстречу эшелонам, вызванным им с фронта. (Выехал под прикрытием американского флага в автомобиле посольства Соединенных штатов.)

Надо было тотчас же готовить отпор.

„Дыбенко — морское министерство, Крыленко — внешний фронт, Антонов—военное министерство и внутренний фронт“.

Владимир Ильич, делая нам это указание уже 26 октября, рекомендовал мне немедленно попытаться овладеть аппаратом военного округа, перебраться для этого из Смольного в помещение окружного штаба. Он проявил явное неудовольствие, когда, на вопрос: как думаю организовать руководство отпором контрреволюции, я ответил: „Создам тройку— с военкой и Красной гвардией“...—Никакого расчленения руководства!“ Сговорились, что привлеку в руководящий центр Чудновского и штабс-капитана Дзевалтовского, импонировавшего мне своим фронтовым чином.

— Но не переуступайте руководства!—настаивал Ленин.

Со штабом, сложенным мною еще в начале октябрьских дней, мы двинулись в военный окружной штаб. В каждый

отдел окружного штаба направили по два комиссара... По внешности достигнута полная подчиненность, полное овладение аппаратом. На деле—малейшие наши распоряжения безнадежно застревали. Мы не сумели ни овладеть аппаратом окружного штаба, ни сохранить за собою аппарат Смольного. Мы оказались сразу оторванными и от „военки", и от Красной гвардии, и от районов.

Владимир Ильич, конечно, был прав в обоих своих указаниях, но они были исполнены слишком формально. Не переуступая руководства „военке" и Красной гвардии, надо было договориться с руководящими центрами обеих о полном взаимодействии. Переселяясь из Смольного, оставить с ним такой контакт, чтоб не ослабить, а усилить свои средства связи и мобилизации.

Надо было также двинуть более значительные силы на овладение штабом и немедленно очистить штаб от подозрительных типов.

Печален оказался и опыт руководства втроем. И здесь Владимир Ильич оказался целиком прав. Керенский надвигался на Питер. А мы всю первую ночь проспорили с Чудновским и Дзевалтовским. Они настаивали на подробной разработке плана обороны Питера. Я предлагал немедленно принять меры к обороне основных путей, по которым должно было проводиться наступление Керенского, и прежде всего закрепить надежно Гатчину.

Мое предложение было отвергнуто, согласились лишь на сосредоточении кронштадтских частей под общим руководством т. Кудинского в Ораниенбауме и направлении к этому пункту одного из военных судов для поддержки отсюда наступления к Гатчине, занятие которой войсками Керенского я считал неизбежным.

К утру пришло известие, что Гатчина занята Керенским—наш сводный отряд (кронштадтцы, рота семеновцев и рота измайловцев) сдались без боя. Противник угрожает Красному Селу.

Это известие прибыло к нам в Смольный во время совещания с работниками „военки“. Подвойский доказывал несостоятельность нашей „тройки“, рекомендовал передать дело „военке“. С этим решением большинства согласился и я, заявив, что нахожу возможным продолжать работу лишь в том случае, если будет поддержка всей „военки“. Подвойский ушел и вскоре вернулся с сообщением, что по согласованию с ЦК партии он берет на себя руководство борьбой Питера. Я получил командование левым, Пулковским участком наших питерских позиций. Правым, у Красного Села, должен был командовать Дыбенко.

С Павлом Дыбенко, только что прибывшим с эшелоном моряков, мы выехали по дороге на Пулково. На повороте к заставе наш автомобиль вышел из строя. Что делать? Видим, катит кто-то в шикарном „Рено“.

— Стой!.. Вам придется уступить нам машину.

Господин европейского вида таращит на нас глаза. Повторил ему по-французски. Протестует: „Во имя греческого короля“... Греческий консул.

— Очень жаль... Но военная необходимость... Во имя греческого пролетариата...

Ссадили консула. Направились в его автомобиле дальше.

В штабе у Нарвских ворот полная неразбериха: никакой связи с частями, занявшими Пулково, почти никакой охраны, красногвардейцы приходили и уходили, когда хотели, никаких сведений о том, что делается в направлении Пулковских высот. Снесся с Петропавловкой, заручился обещанием предоставить нам не менее взвода артиллерии для позиций у Пулкова. Артиллеристы были. Лошадей нет. Предполагалось довезти орудия на обывательских конях. Из штаба направился в Пулково. Солдат много—части 3-го стрелкового полка. Но ни у солдат, ни у офицеров никакого представления, что у них делается справа, скверные слухи о том, что делается слева. Офицеры смотрят чужаками. Шли слухи о том, что Царское Село уже частью занято керенцами и

что там никто не оказывает сопротивления. (И это было верно.)

Офицерство готовилось отвести полк к заставе. Я воспротивился этому. Решил поскорее продвинуть смену этим частям с серьезной артиллерийской опорой.

Дыбенко отправился на свой участок. Я—обратно к Нарвским воротам. По дороге—группы красногвардейцев, бредущих в разные стороны, встретил и небольшой отряд из солдат одного из гвардейских полков (кажется, с т. Коцюбинским).

В штабе отдал ряд распоряжений об установлении связи с полком на Пулковских высотах, о подготовке смены этому полку, а также по организации артиллерии. И поспешно выехал в Смольный, будучи вызван Владимиром Ильичом.

...Ну, как у вас? Что нового?

Докладываю подробно Ленину о положении на фронте. У Керенского сил немного. Казачья дивизия генерала Краснова. Пехоты незаметно. Но хороша артиллерия, бронепоезд. По слухам, ударники движутся через станцию Дно. С юго-западного фронта Керенским снята дивизия пехоты, но задержана в пути. На северном фронте латыши и сибиряки разогнали соглашательские комитеты, обещают поддержку. Из Финляндии к нам прибыл сводный отряд моряков—тысячи полторы. Отборный народ. Выборжцы обещают отряд с артиллерией. Им удалось удержать на месте Кубанскую казачью дивизию. Против Керенского уже действуют рабочая гвардия, моряки, у Пулкова—стрелки, артиллерии вот нет. Остальные несут караулы, казаки-донцы 1-го, 4-го и 14-го полков сидят в казармах под неусыпным наблюдением. Наш правый фланг вполне прочен. Центр закреплен. Но левый участок весьма ненадежен: стрелки колеблются, офицерство предательствует. Здесь полная возможность для Краснова прорваться в город. Недостаточно обеспечена также безопасность Николаевской железной дороги: следует закрепить Кол-

пино и прикрыть связь с Москвой. Этому мог бы содействовать бронепоезд, обещанный путиловцами,—точнее бронеплощадка с зенитными орудиями, да что-то все ее нет.

Ленин выражает нетерпение.

— А вы уверены, что выполнят?

— Они делают все, что могут, но не мешало бы подтолкнуть.

— Смотрите!

— Хотите лично убедиться? Можно съездить и подтолкнуть заодно...

Легко соглашается.

...Пронизывает до костей эта питерская предзимняя сырость. В открытом автомобиле почти совсем замерзли, когда наконец подъехали к Путиловскому. Завод освещен, гудит нутряным трудовым гулом. Пробираемся дворами в помещение фабрично-заводского комитета.

...За большим столом, согнувшись над чертежами,—запотелые, в рубцах труда, забот, огневых дум, серьезные лица. Инженеры сбежали. Сами кумекают. Вскинулись крепкими глазами. Засветились—и опять в чертежи. Некогда! Отвечают нехотя, отрывисто.

Да, эвон сколько наворочали за пару дней! Будут через сутки бронеплощадки в бою.

Отъезжаем... Ильич молчит, только улыбается. Чую громадный свет его глубокой мысли. Свое дело делают рабочие, кровное. И доведут до конца, до полной победы свое дело.

Это та же вот сила—сосредоточенной решимости класса, сознавшего свою цель и созревшего для ее осуществления; та сила, которая подпирала Ленина в его упорном предоктябрьском: „Надо с бою брать власть!“ Это та пролетарская сила, которая стальной волною поднялась в Питере, стальной волной питала нашу партию, дала такую несокрушимую уверенность борцам Октября...

У Нарвских ворот—заставы красногвардейцев. Всюду их

патрули бдительные, неутомимые. В жалких пальтишках в чортову стужу, но бодрые и уверенные... Что же с такой силой смогут поделать дикие казаки—последняя ставка Керенского?! Но как она еще неуклюжа и грузна, эта силушка! Эти доморощенные батареи (появились-таки!), передвигаемые вручную. Это бронепоезд путиловцев, насквозь пробиваемый пулями, но до краев насыщенный энтузиазмом...

Спешу на свой участок.

К утру удалось наладить порядок в штабе. Пулковские высоты заняты надежными частями. Получено сообщение о начавшемся продвижении матросских колонн.

Неожиданный перерыв телефонной связи с городом обеспокоил. С Петропавловкой никак не наладить разговора. Тогда решил лично ехать, ускорить дело с артиллерией.

Со мной в автомобиле еще четверо. Дремал и вдруг очнулся от резкого толчка. Открыл глаза под громкие крики: „Вылезай!“ Увидел перед собой несколько юнкеров с наведенными револьверами. Автомобиль стоял около какого-то здания и был окружен вооруженными. Все мои спутники уже выворачивали карманы. Еще не очнувшись, как следует, полез было в карман, но один из юнкеров схватил за руки:

— А, народный комиссар! Очень приятно!

И пришлось выйти из автомобиля.

Под сильным конвоем повели в здание телефонной станции, захваченной восставшими юнкерами.

— Да что смотреть, кокнуть его!—кричали вокруг.

— Не троньте!—вмешался властным голосом портупей-юнкер.

— Что, спета теперь ваша песенка, господин народный комиссар?—язвительно шипел другой.

— Что ж,—отвечал я,—зато песня была хороша.

Ввели внутрь здания. В маленькой комнатушке молодой офицер быстро ощупал меня. Юнкер ему что-то шепнул. Меня отвели и заперли с кучкой бледных фигур в большой комнате, где я сейчас же постарался заснуть.

Но из полудремотного состояния вскоре был выведен необычайным шумом. Захлопали двери, зашумели шаги, послышалась перестрелка. Началась осада.

— Забаррикадируемся,—предложил я остальным пленным.

Те не решались. Гул все рос, трещали выстрелы. Затем внезапно открылась дверь, и с парой трясущихся юнкеров передо мной предстала довольно знакомая фигура Вильямса, корреспондента социалистической американской газеты, а за ним т. Ротштейна.

— Я выступаю посредником с предложением к вам. Юнкера хотят сдаться вам на условии сохранения им жизни и охраны от насилий,—сказал Вильямс.

— Хорошо, я отвечаю за сохранность их жизни, пусть несут сюда оружие.

Из пленника становлюсь хозяином положения.

Их, 45 юнкеров, но не вижу самых главных,—руководители сбежали.

Баррикады разобраны. Навстречу сквозь сломанную дверь—вооруженная толпа с т. Старком, с винтовкой в руках, во главе.

В страшной ярости напирает братва и застывает, видя перед собой знакомую фигуру.

— Товарищи! Юнкера сдались народному комиссару. Подлежат суду ревтрибунала. Трогать их нельзя.

Из глуби толпы вырастает ропот... Повышаю голос:

— Отделите человек пятьдесят, конвой. Отведу их лично под арест!

Недовольный гул, угрозы, но приказ исполнен. Без помехи довожу своих арестованных до казарм гвардейского флотского экипажа, где сдаю на попечение левого эсера Устинова, назначенного каким-то представителем наркомюстиции.

В Смольном встречают с большим приветом. Оказывается, юнкера потребовали за сохранение мне жизни отпустить на свободу 50 своих, захваченных красногвардейцами. Это было принято.

О восстании юнкеров сообщалось в Гельсингфорс, Центробалту:

„С утра юнкера какими-то путем взяли четыре броневика, центральную телефонную станцию, Инженерный замок и Владимирское училище. Красная гвардия и матросы имели сражение и взяли с боя броневик, осадили телефонную станцию, разбили Владимирское училище пушками, взяли Инженерный замок, много перебили их, а остальных арестованных юнкеров мы отправляем в Кронштадт. Только сейчас получили сообщение, что все окончено. Сражаться в Питере пока не с кем; для присланных эшелонов необходима провизия, примите это к сведению и немедленно высылайте ее.

Комиссар революционного комитета при морском министерстве Ховрин. 29 октября 1917 года, 20 часов“.

Узнаю, что главнокомандующим округом назначен Муравьев. Его сухая фигура, с коротко остриженными седеющими волосами, с быстрым взглядом, вспоминается всегда в движении, сопровождаемом звяканием шпор. Горячий, взволнованный голос звучит приподнятыми верхними тонами. Выражается высоким штилем, и это в нем не напускное. Живет всегда в чаду и действует всегда самозабвенно. В этой его горячности была несомненная притягательная сила к нему со стороны солдатской массы. Пафос Дон-Кихота и тот же рыцарь печального образа по политической беспомощности и самопреклонению.

Я увидел его впервые в приемной ЦК нашей партии в предоктябрьские дни. Он проходил своей энергичной походкой в кабинет, и т. Свердлов шепнул мне немного сконфуженно:

— Вот эсер, офицер (подполковник, представитель всероссийского добровольческого комитета по организации ударных батальонов), предлагает свои услуги. Не знаю, что с ним делать, можно ли доверить?

Другой раз Свердлов говорил мне:

— Муравьев догадывается о наших приготовлениях и не верит в успех. По его мнению, войска Временного правитель-

ства малочисленны, но гораздо боеспособнее наших и гораздо более стойки.

Уже в этом замечании сказывалась ограниченность Муравьева: его специфическая военщина заставила его недооценивать факт величайшего морального значения—отсутствие жизненной почвы под керенщиной, делавшее небоеспособными самые боевые войска.

Муравьев как будто немного замялся, хотя и был польщен, когда я предложил ему тотчас же использовать меня для организации борьбы с Красновым.

— Вы будете помогать мне по политической части,—придумал он.

Между прочим, в моих руках—сосредоточение сведений о противнике. Выяснился почти полный неуспех усилий Керенского создать мощный ударный кулак против Питера.

Северный фронт: 5-я кавказская кавалерийская дивизия не только отказалась выполнить приказ Керенского, но 26 октября постановила—направить две батареи в распоряжение питерского ревкома. 13-й и 15-й донской полки из 3-го конкорпуса задержаны ревельским ревкомом, но ревкому из-за сопротивления коменданта не удалось послать в помощь нам Батуринский полк и две батареи крепостной артиллерии. Пятый бронедивизион, вызванный Керенским из Двинска, задержан ревкомом в Режице, часть его команды арестована, дивизион возвращен в Двинск; 17-я кавалерийская дивизия, получившая было приказ итти к Гатчине, задержана из-за грозного продвижения 1-го, 3-го и 4-го латышских полков, снявшихся с позиций и занявших (27-го) в тылу (по указанию ревкома) Вольмар и Венден.

Некоторое беспокойство из-за 17-го корпуса, вызванного Керенским загодя с румынского фронта. Корпус 15—25 октября прибыл в район Невель—городок. Но Невель прочно под нашим влиянием, и наши агитаторы быстро разъяснили прибывшим, к какому гнусному делу их готовят. Генералу Шиллингу удалось занять украинским „куренем смерти“ почту,

телеграф и вокзал в Невеле. 29 октября Шиллинг сосредоточил было для отправки в Гатчину 3-ю пехотную дивизию, но солдаты отказались выступить. Дан приказ 35-й дивизии; эта дивизия „настроена под эсеров“. Невельский ревком в контакте с псковским надеются затормозить ее продвижение.

Западный фронт не только не содействут Керенскому, но обещает помощь нам. В 5-й армии—междоусобица из-за сопротивления командарма нашему ревкому, решавшему послать нам сильный сводный отряд.

С юго-западного фронта вызвана Керенским 3-я Финляндская дивизия, за нею 1-я. Продвижение 3-й дивизии настолько замедлено благодаря нашим железнодорожникам и агитаторам (почти все железнодорожные узловые пункты—в наших руках), что ее передовые эшелоны смогут поспеть к Пскову не ранее 31-го. Настроение ее, впрочем, отнюдь не враждебное советам.

С юга же вызваны Керенским 3-й и 5-й самокатные батальоны.

Оба перешли на сторону советов.

Упорная борьба за псковский узел. Гарнизон Пскова (120-й запасный полк, три этапных роты, три рабочих роты, дружина, до 7000 солдат распределительного пункта и два стрелковых эскадрона 16-й кавалерийской дивизии)—целиком большевистский.

Мы сильно рассчитывали на энергию т. Панышкина, матроса, направленного нами в подкрепление псковскому ревкому. Под руководством Панышкина, утром 26-го власть в Пскове—в руках ревкома, но псковский железнодорожный узел охранялся двумя сотнями донцов; отрядом ревкома станция 29-го занята, однако из Валка прибыл ударный батальон и небольшой партизанский отряд, выбившие большевиков со станции. Ревком готовит новый удар.

Темный пункт—Луга, гарнизон которой остался под влиянием эсеров. Из Луги направлен к Керенскому ударный батальон.

Но к 30-му, когда подавлено в Питере юнкерское восстание, у Керенского под Гатчиной всего несколько сот казаков, главным образом, 1-й Донской дивизион; 700 юнкеров школы прапорщиков северного фронта и ударники (150) из Луги, дивизион артиллерии да бронепоезд; Краснов все еще ожидает уссурийцев и нерчинцев, застрявших за Псковом.

Между тем наши силы нарастают. Из Гельсингфорса прибыл еще эшелон моряков; вслед за тремя миноносцами, по вызову Ленина, двинуты „Олег" и „Республика". Радостно прозвучало нам сочетание этих имен—недавно яро-антибольшевистский крейсер и издавна наш броненосец пришли борт-о-борт на зов Ильича.

Выборгский ревком направил пару полков из 106-й дивизии, целиком „большевистской" (29-го прибыл в Питер эшелон 428-го Лодейнопольского полка—500 штыков, 16 пулеметов, бомбометная и минометная команды).

Надо было спешить... Надо было дать врагу такой внушительный отпор, с таким очевидным громадным перевесом сил, чтобы переломить в нашу сторону колебания не только некоторых фронтовых частей, но и временных союзников (из эсеров) и даже кое-каких большевиков.

Муравьев на посту главнокомандующего Петроградским округом развил бешеную энергию. Перед всеми нами он имел то преимущество, что сумел заставить работать офицеров. Он потребовал, чтобы все они вернулись к своим местам, он собирал их к себе в штаб и говорил с ними особым, понятным для них тоном, и они преисполнялись доверием.

Он поставил себе задачей сразу использовать все средства обороны и двинуть весь гарнизон с офицерами на позиции. И это удалось за редким исключением.

Он сделал также очень много для организации технических средств, сумел разыскать упряжь к артиллерии, сумел несколько наладить саперные части и т. д.

Однако приписывать поражение Краснова его стратегическим способностям не приходится. Его план заключался лишь

в том, чтобы направить части по известным секторам со взаимной связью и создать прочную линию фронта перед Петроградом. Ударным же кулаком должны были явиться матросы и отчасти красногвардейцы.

Я добился от него создания двух фланговых групп для угрозы красновскому тылу—в Колпине и в Ораниенбауме.

Громадные силы были введены в действие, особенно после того, как в дело вступил непосредственно Ленин и двинул на позицию петроградских рабочих, возбудив их массовый подъем. Загудели фабрично-заводские гудки, как это было уже не раз, как это было во время Корнилова,—и сразу все пришло в лихорадочное движение...

Перед ощетинившейся пролетарской столицей напор Краснова ничтожными силами, конечно, должен был выдохнуться. Решающий удар был ему нанесен моряками, которые выбили казаков из Царского Села, бросаясь безудержно на „ура".

„31 октября, 17 час. 21 минута. Царскосельская радиостанция. Центробалт. Призываю всех товарищей к спокойствию. Час поражения врагов революции близок. Они отступили от Царского Села и преследуются нами. Доблестью товарищей матросов все восхищаются, и стоящие на позициях шлют привет всему Балтийскому флоту. Нарком Дыбенко".

А еще через несколько часов морской революционный комитет сообщает:

„В Петрограде все спокойно. Михаил Романов взят в плен вместе с отрядом и находится в Смольном.

Царское, Павловское и Гатчино взяты во время боев. Наши потери незначительны. Линия поведения железнодорожников неопределенная. Движение не прекращено. Каледин в Донецком бассейне расставляет своих эмиссаров, но среди казаков сильное колебание. Москва после жарких боев перешла в руки советов. Правые эсеры и меньшевики-оборонцы братаются с кадетами и никакого согласия с большевиками иметь не желают. Все, что вами послано, мы получаем, за что спасибо. В отряде Керенского матросы отбили два вагона сушек и баранок и один вагон сахару. В составе войск Керенского находится много офицерства и юнкеров, там же находится Марков 2-ой. Ждем

последних известий о ликвидации керенщины. Матросы завоевали всероссийскую славу революционных львов.

Морской революционный комитет".

1 ноября мы с Муравьевым прибыли в Гатчину. Кишит военной толпой... Матрос, солдат, казак—мирно перемешаны. Отсюда только что сбежал Керенский. Отсюда генерал Краснов проследовал в Смольный, где дал „честное слово" не поднимать оружия против советской власти, на условии свободного пропуска „по домам" частей его туземного корпуса.

Но еще продвигались с фронта некоторые части. Беспокоило положение в Луге. Еще подозрительно шевелилась ставка в Могилеве, и шел слух, что Корнилов бежал из Быхова.

Надо было принимать спешно меры. Во время их обсуждения кто-то из штабных бросает:

— Товарищи! Керенский, говорят, здесь! В подвалах прячется..

Искать!.. Обширны подземные ходы гатчинского дворца. Со свечами в руках шарим пестрой толпой в их глубине... Трах-тах! Кто-то выпалил в мелькнувшую тень. Померещилось... Нет Керенского. Сгинул. Говорят, сбежал, переодевшись девицей. Не помогли ли опять, как в Питере, американцы?..

— Попадись он только нам!—грозит какой-то казак-красновец, особенно рьяно рывшийся в погребах.

Так бесславно кончился авантюрный роман ваш, Александр Федорович!

В полное, окончательное политическое небытие, среди всеобщего презрения, отошел, сбежал „главноуговаривающий" мелкобуржуазного соглашательства.

Но он получил историческое „удовлетворение". Его имя стало нарицательным. Отныне „керенщиной" называют ту межеумочную эпоху, когда социал-соглашательство мелкобуржуазной демократии достигает своего наивысшего расцвета, чтобы тем полнее и бесповоротнее обанкротиться в сознании широчайших пролетарских масс.

Оно обанкротилось раз и навсегда. Под знамя непримиримой классовой борьбы, под знамя большевистской партии встали миллионные массы пролетариев, увлекая за собой низинную силу деревень. Встали для решительного боя до конца, для упорного беззаветного строительства социализма.

И прошло всего пятнадцать лет. Угас Ленин. Но в жизнь воплотились его заветы. Под руководством ленинского Цека, во главе со стальным вождем Сталиным, партия ведет Страну советов от победы к победе в борьбе за коммунизм.

Гигантским размахом растет мощь нашего Октября.

И в пролетариях всех стран назревает неотвратимая решимость встать на наш путь.

Близок, да, близок, братья, мировой Октябрь!

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор Васильевский
Технический редактор С. Симонов
Художник А. Радищев

Тираж 5000
Уполномоченный Главлита Б—23282.
Огиз № 56. Х—11. Зак. № 6630. Формат
бумаги 82×110 $^{1}/_{32}$. Бум. листов 5 $^{5}/_{16}$.
по 126 680 зн.

Сдано в набор 10/III 1933 г.
Подписано к печати 27/VI 1933г.

3

Ц. 4р. 75 к.
Перепл. 75 к.